

ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ РАН
СЕКТОР ГУМАНИТАРНЫХ ЭКСПЕРТИЗ И БИОЭТИКИ
МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ
И ПРИКЛАДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ЦЕНТР БИОЭТИКИ

РАБОЧИЕ ТЕТРАДИ ПО БИОЭТИКЕ

Выпуск 18

Человек — NBIC машина (философско-антропологические
и биоэтические исследования)

*Под редакцией доктора философских наук
Тищенко П. Д.*

При финансовой поддержке РФНФ, грант № 12-03-00625
Человек — NBIC машина:
исследование метафизических оснований
инновационных анротехнических проектов

Москва 2014

ББК 87.75
Р13

Рецензенты:
д.ф.н. В. И. Аршинов,
д.ф.н. О. К. Румянцев

Редакционный Совет серии:
Б. Г. Юдин — председатель,
П. Д. Тищенко — ответственный редактор,
Р. Р. Беялетдинов — ученый секретарь,
Д. Л. Агранат,
Н. В. Захаров,
Вал. А. Луков,
Ф. Г. Майленова,
М. А. Пронин,
О. В. Попова,
А. А. Воронин.

Р13 **Рабочие тетради по биоэтике.** Выпуск 18: Человек — NBIC машина (философско-антропологические и биоэтические исследования), сб. науч. ст. / под ред. П. Д. Тищенко. — М.: Издательство Московского гуманитарного университета, 2014. — 152 с.

ISBN 978-5-906768-36-0

При финансовой поддержке гранта РГНФ № 12-03-00625
Человек — NBIC машина: исследование метафизических основ
ний инновационных антропотехнических проектов

ББК 87.75

ISBN 978-5-906768-36-0

ОГЛАВЛЕНИЕ

| | |
|--|-----|
| <i>Асеева И. А.</i> Социокультурные практики и трансдисциплинарный подход в технологиях форсайта | 7 |
| <i>Беялетдинов Р. Р.</i> Почему трансгуманизм формирует образ биотехнологий | 18 |
| <i>Попова О. В.</i> Бессмертные машины | 28 |
| <i>Свирский Я. И.</i> От концепта «машина» к индивидуации субъекта как «духовного автомата» | 46 |
| <i>Сидорова Т. А.</i> «Машинерия менеджмента в конвергенции биотехнологий и инфовласти» | 59 |
| <i>Тищенко П. Д.</i> Метафизические основания концепта «человек — машина»: перечитывая Валентина Федоровича Турчина | 75 |
| <i>Юдин Б. Г.</i> Человек и машина: «интимные связи?» | 103 |
| <i>Майленова Ф. Г.</i> Метаморфозы боли: жалость к себе или трансформация личности. Этика практической психологии | 119 |
| <i>Попова О. В.</i> Биотехнологическое конструирование человека: обзор философских концепций | 131 |
| <i>Воронин А. А.</i> Техника и время | 145 |

© Авторы статей, 2014

CONTENT

| | |
|---|-----|
| <i>Aseeva I. A.</i> Social and cultural practices and transdisciplinary approach in foresight technologies | 7 |
| <i>Belyaletdinov R. R.</i> Why transhumanism forms the image of biotechnologies | 18 |
| <i>Popova O. V.</i> Immortal Machines | 28 |
| <i>Svirskiy Y. I.</i> From concept «machine» to the individuation of the subject as a «spiritual automaton | 46 |
| <i>Sidorova T. A.</i> “Machinery management in the convergence of biotechnology and infopower” | 59 |
| <i>Tishchenko P. D.</i> Metaphysical foundations of the concept “human — machine”: rereading V. F. Turchin | 75 |
| <i>Yudin B. G.</i> Human and machine: “intimate relationship?” | 103 |
| <i>Maylenova F. G.</i> Metamorphosis of mental anguish: self-compassion or an aid for personality transformation. Practical ethics for psychologists | 119 |
| <i>Popova O. V.</i> Biotechnological Human design: an overview of philosophical concepts | 131 |
| <i>Voronin A. A.</i> Technique and time | 145 |

АВТОРЫ ВЫПУСКА

AUTHORS

Асеева Ирина Александровна — заведующий кафедрой философии и социологии Юго-Западного государственного университета, доктор философских наук

Aseeva I. A. — Head of the Department of Philosophy and Sociology of Southwest State University. DSc in Philosophy.

irinaaseeva2011@yandex.ru

Белялетдинов Роман Рифатович — младший научный сотрудник Института философии РАН.

Belyaletdinov R. R. — Junior Research Fellow, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.

roman_rb@iph.ras.ru

Воронин Андрей Алексеевич — ведущий научный сотрудник Института философии РАН, доктор философских наук

Voronin A. A. — Leading Research Fellow, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, DSc in Philosophy.

79031019500@yandex.ru

Майленова Фарида Габделхаковна — ведущий научный сотрудник Института философии РАН, доктор философских наук

Maylenova F. G. — Leading Research Fellow, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, DSc in Philosophy.

Farida.mailenova@mail.ru

Попова Ольга Владимировна — старший научный сотрудник Института философии РАН, кандидат философских наук; старший научный сотрудник ФГБНУ «Научный центр здоровья детей»

Popova O. V. — Senior Research Fellow, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences; Federal State Budgetary Institution “Scientific Centre of Children Health. PhD in Philosophy.

j-9101980@yandex.ru

Свирский Яков Иосифович — ведущий научный сотрудник, Института философии РАН, доктор философских наук.

Svirskiy Y. I. — Leading Research Fellow, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. DSc in Philosophy.

svirskhome@yandex.ru

Сидорова Татьяна Александровна — доцент кафедры фундаментальной медицины медицинского факультета Новосибирского национального исследовательского государственного университета, кандидат философских наук.

Sidorova T. A. — Associate Professor, Novosibirsk State University, Faculty of Medicine, Department of fundamental Medicine, PhD in Philosophy.
vasinatan@mail.ru

Тищенко Павел Дмитриевич — заведующий Сектором гуманитарных экспертиз и биоэтики Института философии РАН, доктор философских наук.

Tishchenko P. D. — Head of the department, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. DSc in Philosophy.
pavel.tishchenko@yandex.ru

Юдин Борис Григорьевич — главный научный сотрудник Института философии РАН, доктор философских наук, профессор, член-корр. РАН.

Yudin B. G. — Chief Research Fellow, Professor, Corresponding member of the Russian Academy of Sciences. DSc in Philosophy.
byudin@yandex.ru

Социокультурные практики и трансдисциплинарный подход в технологиях форсайта¹

Асеева И. А.

Social and cultural practices and transdisciplinary approach in foresight technologies

Aseeva I. A.

Аннотация. В статье рассмотрены технологии форсайта как трансдисциплинарный подход к осмыслению будущего, позволяющий отойти от узконаучного прогнозирования и расширяющий горизонт поиска вариантов будущего через взаимодействие разнообразных социокультурных прогностических практик.

Ключевые слова: форсайт-технологии, прогностические практики, будущее, трансдисциплинарность.

Abstract. The article describes the foresight technologies as a transdisciplinary approach to understanding of the future, allowing to depart from narrowly scientific forecasting and expand the horizons of the search options for the future through a variety of social and cultural interaction prognostic practices.

Keywords: foresight technologies, forecasting practices, future, transdisciplinarity.

Стремительное развитие технонауки явным образом продемонстрировало ограниченность традиционных инструментов планирования и прогнозирования, а также необходимость развития комплексных форм познания будущего, соответствующих усложняющимся отношениям между наукой, технологиями и обществом. Форсайт — наиболее распространенный метод «обсуждения, осмысления и формирования будущего»², используемый в странах ЕС, России, США, Японии и др. Ключевой характеристикой форсайта, по нашему мнению, является единство: 1) прогностики, прогнозирования, предвидения будущего; 2) управленческой практики, управления будущим; 3) социальной инженерии, конструирования будущего³. Форсайт позволяет решить широкий спектр задач, используя многообразие инструментария, ориентированного на разные уровни и способы обращения с проблемами: «мозговой штурм», работу

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РФНФ 12-03-00625.

² Schomberg R. von, Pereira A. G., Funtowicz S., Deliberating foresight knowledge for policy and foresight knowledge assessment. A working document from the European Commission Services November 2005. P. 5.

³ Ютанов Н. Ю., Сценарии научно-технологического развития России // Российские нанотехнологии. 2009. Т. 4. № 5-6.

экспертных групп, метод Дельфи, определение общемировых трендов, SWOT-анализ, анализ ситуации и экстраполяцию, создание сценариев и другие технологии. Особое значение в форсайте имеет активное взаимодействие всех стейкхолдеров: правительственных структур, научных сообществ, бизнеса и представителей общественности, объединенных рассмотрением и разрешением общей проблемы. Современные форсайтные разработки рассматривают различные версии будущего, отражающие несовпадающие интересы сторон, и в тоже время позволяют достичь значимых синергических результатов при выработке общего согласованного видения будущего. Кроме того, когнитивные субъекты формируются и реализуются в различных условиях, обладают индивидуальными знаниями, предпочтениями, убеждениями, идеалами, означая, что, во-первых, каждый субъект способен быть агентом нескольких познавательных практик (например, обыденной и научной, религиозной и философской, и т. п.), а, во-вторых, когнитивные практики могут сосуществовать одновременно в рамках одной социокультурной ситуации, конкурируя, пересекаясь, восполняя пробелы друг друга.

Благодаря публичному обсуждению вариантов социального и технологического будущего возможно сформировать образ общества будущего, выявить возникающие возможности и вызовы, с которыми обществу предстоит столкнуться; определить наиболее перспективные научные исследования; расставить ценностные, этические и политические приоритеты; организовать междисциплинарную координацию. Релевантность знания, формирующегося в форсайт-проектах различным когнитивным ресурсам и практикам, позволяет определить его как трансдисциплинарное. Трансдисциплинарные измерения знания, фиксируемые Дж. Равецом и С. Фунтовичем в феномене «постнормальной науки» выступают не только основанием эффективной реализации различных инициатив, нацеленных на комплексное рассмотрение перспективных трендов науки, технологического развития общества в различных странах, но и предпосылкой формирования новых подходов к оценке знания (knowledge assessment). Следуя логике указанных авторов, можно выделить следующие черты, сближающие знание практик форсайта со «вторым типом» производства знания¹. Во-первых, речь идет об ориентации на вероятность, которая существенно отличается от предсказаний конкретных событий, характерных для некоторых форм предвидения будущего в культуре. Во-вторых, технологии форсайта предполагают учет «сложностной» (В. И. Аршинов)

¹ Гребенщикова Е. Г., Второй тип производства знания и проблема ответственности // Философские науки. 2010. №12. С. 64-74.

специфики взаимодействия различных сторон инновационного процесса или социокультурной ситуации, допускающей недоопределенность как причин, так и возможных импликаций выбора того или иного вектора принятия решения. В-третьих, методология форсайт-проектов позволяет контекстуализировать различные видения (visions) в общей перспективе желаемого будущего, принимая во внимание как актуальную ситуацию, так и процессы постоянной реинтерпретации знания. В-четвертых, знание форсайт-проектов, объединяя познавательные возможности академических подходов и ресурсы внедисциплинарных познавательных практик, интегрирует исследовательские установки с нормативным целеполаганием, социально-экономической целесообразностью и научной достоверностью¹.

Технологии форсайта, отказываясь от узконаучного прогнозирования, расширяют горизонт поиска вариантов будущего через включение разнообразных социокультурных прогностических практик². Проблема в познании будущего заключается в том, что при построении прогнозов обнаруживаются моменты напряженного поиска и осознания личностной значимости информации о будущем, черты, характерные для интуитивного познания, в научном прогнозировании или философских проектах.

С другой стороны, если речь идет о сознательном усилии акторов в передаче субъективного опыта, часто аффективного и неясного, то интуитивные прозрения должны быть выражены в соответствии с правилами определенного дискурсивного поля. Так, интуитивные и дискурсивные моменты в прогностических практиках постоянно проникают друг в друга, достраивая и актуализируя внутренние резервы и преодолевая собственную ограниченность.

Это взаимодействие отражает естественные процессы мышления, характеризующиеся переплетением интуитивного и логического подходов к распознаванию и использованию информации (Д. С. Чернавский, Н. М. Чернавская и др.)³. Авторы утверждают, что интуитивное мышление является основой логического, поскольку во многих случаях поиска решения какой-либо проблемы, например, постановки диагноза в медицине, выносятся суждения

¹ Schomberg R. von, Pereira A. G., Funtowicz S., Deliberating foresight knowledge for policy and foresight knowledge assessment. A working document from the European Commission Services November 2005. P. 14.

² Асеева И. А., Прогностические практики в науке и культуре. Курск, 2009.

³ Чернавский Д. С., Чернавская Н. М., Карп В. П., Никитин А. П., Распознавание и мышление (синергетический подход) // Синергетическая парадигма. Когнитивно-коммуникативные стратегии современного научного познания. М. : Прогресс-Традиция, 2004. С. 184-207.

на основе ассоциаций, аналогий, прецедентов, накопленных личностью в течение жизни. Но реальная сложность заключается в возможности адекватной передачи своего субъективного опыта другому человеку. Поэтому «в процессе переработки информации выстраивается следующая цепочка: интуитивное (на внутреннем языке) решение специалиста → вербальное описание → поиск методов построения решающих правил и их формализация на внутреннем языке алгоритма... → представление формализованного решающего правила в терминах, общепринятых в данной группе специалистов»¹. Логическое мышление строится на основании однозначного и общеизвестного алгоритма, решающего правила. Таким образом, оказывается, что целостное мышление представляет собой интеграционную процедуру, где интуиция и логика чередуются, дополняя друг друга.

Возможности согласования личных предпочтений, интуитивного знания и мнения отдельных социальных акторов связаны с совещательными процессами технологий форсайта². Объединяя разные уровни интересов, совещательные подходы выходят за рамки простых диалогических моделей интеракции, подчеркивая роль свободного и публичного диалога среди равных. При этом совещательные процессы нацелены на обсуждение конкретных проблем, поиск баланса интересов и учет необходимых мер для принятия решений, в том числе политических. В таком контексте форсайт оказывается инструментом гибкой политики, поскольку позволяет в рамках семинаров рабочих групп выявить наиболее проблемные зоны общественного интереса и необходимые политические решения. Рассматривая актуальную проблематику, форсайт технологии, в то же время, затрагивают перспективные проекты технонауки: персонализированной и e-медицины, расширения и киборгизации человека и др. В результате обсуждения подобных тем формируется новый интерфейс между наукой и обществом, развиваются инициативы обучения граждан и создания новых сфер интересов в политике.

Технологии форсайта позволяют объединить усилия прогнозирующих субъектов от разнообразных когнитивных практик, и добиться комплексных представлений о будущем, учитывающих и строгие научные методы предвосхищения будущего, и личностные, не всегда осознаваемые выборы и «футурофобии». Использо-

¹ Чернавский Д. С., Чернавская Н. М., Карп В. П., Никитин А. П., Распознавание и мышление (синергетический подход) // Синергетическая парадигма. Когнитивно-коммуникативные стратегии современного научного познания. М.: Прогресс-Традиция, 2004. С. 193.

² Participation and Interaction in Foresight: Dialogue, Dissemination and Visions. Edward Elgar Publishing, 2013.

вание понятия «прогностические практики» в рассматриваемом контексте, а не, например, «прогностические концепции» или «прогностические теории» необходимо, чтобы подчеркнуть их укорененность в живом опыте культуры, частичную объективизированность и осознанность субъектом предвосхищения, зависимость от личностных особенностей агента, незавершенность, процессуальность, нацеленность на желание «помочь осуществить» (Э. Гидденс) потребное будущее.

В силу этих особенностей можно утверждать, что разнообразные прогностические практики — это практики постнеклассические. И. С. Добронравова, определяя классичность или неклассичность практик, предлагает рассматривать вопрос о соотношении в них метода, предмета и свойств. Так, постнеклассические практики, с ее точки зрения, обладают следующими атрибутивными свойствами: рефлексивностью, инновационностью и креативностью¹.

Постнеклассический субъект, самоопределяясь «внутри науки» и с ее помощью, вместе с тем погружен в пространство культуры, где утверждает внутреннее единство различных форм когнитивности, непредзаданной какой-либо раз и навсегда принятой онтологической иерархии. Признание равноправия различных познавательных установок определяет возможность расширения временных рамок социальной провиденции и сопряжения эвристического потенциала различных исследовательских и культурных традиций, связывающих фрагменты реальности в системе прошлое-настоящее-будущее. Подобное топологическое соответствие в структуре интересубъективного опыта представлено в разнообразных формах языка, символических предчувствиях, вербальных и невербальных коммуникациях.

Эти соображения позволяют развить идею И. С. Добронравовой и отметить еще два свойства прогностических практик, имеющих большое значение для данной концепции: интуитивность и дискурсивность — свойства, характерные в большей или меньшей степени для всех прогностических практик, наряду с инновационностью, креативностью и рефлексивностью. При этом подчеркнем, что интуитивная составляющая непременно присутствует в каждом способе предвосхищения как естественная реакция на неполноту знания о будущем, принципиальную незавершенность и вариативность процесса проспекции, своеобразное «самодостраивание» картины грядущего до целостности. Но поскольку любая прогностическая практика проявляется не только во внутреннем плане как воплощение

¹ Добронравова И. С., Философия науки как практическая философия: ситуация постнеклассики и возможность свободы // Практична Філософія. Київ, №1, 2009. С. 46.

интуитивных догадок и личностных стремлений агента в предвосхищении будущего, но и как социально значимая деятельность, направленная на постижение перспектив и проектирование будущего, в процессе ее реализации возникает коммуникативная проблема по согласованию усилий для достижения совместного результата. Необходимость и возможность перевода интуитивных предчувствий и предвидений в слова позволяет выделить дискурсивность как вербализуемость субъективных образов.

Конкретные дискурсивные практики могут различаться методами получения информации, манерой языкового и речевого оформления высказываний, особенностями высказывающегося субъекта. Так, например, научно-прогностическая дискурсивная практика, в отличие от обыденной, будет профессионально ориентированной, основанной на рационально-математических методах предвосхищения, выраженной строгим и специальным языком.

Однако в ряде практик интуитивность значительно преобладает над дискурсивностью, и наоборот. Поэтому целесообразно развести прогностические практики на два типа — интуитивные и дискурсивные, удерживая, тем не менее, понимание условности этого методологического приема в намерении найти моменты их сопряжения и взаимодополнения¹.

Поддерживая идею равноценности различных способов предвосхищения и отметим, что диалог разных прогностических практик должен опираться на принцип ответственности за свои результаты, на желание понять основания другого, на допущение возможности иного ракурса познания, который скрыт с точки зрения остальных позиций.

Ю. А. Шрейдер как-то обратил внимание на «принцип сочувствия» в науке, сформулированный С. Мейеном, согласно которому, чтобы понять оппонента, надо мысленно встать на его сторону, проникнуть в чужую интуицию, вовсе не отождествляя ее со своей, а реконструируя исходные взгляды противника². Базируясь на этом принципе, можно попытаться постичь, рационально осмыслить уникальный, невыразимый опыт мистика или озарения художника, оценить нравственные установки иной мировоззренческой позиции.

Однако какой бы тонкой и деликатной не была рационализация, она не превратит художественное или религиозное сознание, с интенсивностью его личностного, экзистенциального опыта, в концептуальное мышление с четкими дефинициями, имеющими

¹ Асеева И. А., Проблема демаркации и сочетания интуитивных и дискурсивных прогностических практик // Психология и психотехника. 2010. №2 (17). С. 21-28.

² Шрейдер Ю. А., Бескорыстна ли этика? // Человек. 1991. № 3.

объективированное содержание. Но именно осознание и преодоление жестких границ рационализации опыта выгодно отличает форсайт как технологию построения интегративных социальных прогнозов, дает ей дополнительный ресурс в постижении будущего.

Упомянутая идея ответственности специфицирует необходимость и возможности «этического форсайта», рассматривающегося в качестве приоритета исследований науки, инженерии, технологий и инноваций в последнее время¹. Понимание этических измерений проблематики технонаучного развития, охватывающих различные уровни моральной аналитики, ценностного отношения, традиционных универсалий культуры и индивидуальных установок оказывается не только одним из способов реализации превентивных стратегий устойчивого развития, но и связующим звеном между социальной приемлемостью инноваций и их нормативным регулированием. В этой перспективе рассматриваются и возможности RRI-подхода (Responsible Research and Innovation) нацеленного преодоление негативных последствий разрыва между НИОКР и реализацией исследований на практике. Специфика современного научно-технического развития такова, что требуются превентивные стратегии, обеспечивающие социальную приемлемость и даже желательность тех или иных инноваций в широком социальном контексте. С одной стороны, это связано с высокой стоимостью научных исследований и технологических разработок, с другой, с необходимостью предотвращения возможных рисков, в случае, если общество оценит продукт как нежелательный или даже опасный. При этом партиципативные процедуры предсказания перспективных и актуальных инноваций не могут рассматриваться только как инструменты эффективного встраивания той или иной продукции в рынок, но как основания согласования возможных рисков, экономических выгод и стандартов безопасности для здоровья человека и окружающей среды.

Очевидно, что ориентация на этические измерения определяет релевантность технологий форсайта новым управленческим стратегиям, расширяющим число участников политического процесса и выбор альтернативных вариантов действия. Напомним, что именно стремление предоставлять альтернативные видения будущего, а не готовые политические решения определило формирование Коннектикутского Института изучения будущего — одной из самых известных организаций, тесно связанной с корпорацией «РЭНД». Тесные связи с «фабрикой мысли» отражали документы организационного комитета: «Идея создания Института ... исходит

¹ Floridi, L., Technoscience and Ethics Foresight // Philosophy & Technology. (Published online: 07 November 2014).

из изменившегося отношения к будущему. Фаталистическая точка зрения о том, что будущее неизбежно и его нельзя предвидеть, отходит в прошлое. В настоящее время существует общепринятое мнение о множественности вариантов будущего и что соответствующее вмешательство может внести изменения в вероятность того или иного варианта. Это послужило причиной усиленного исследования будущего, а также поисков путей и методов, могущих оказать влияние на ход событий, т.е. деятельности, ответственность за которую перед обществом исключительно велика.

Ответственность в этом случае понятие не просто академическое, и, для того, чтобы эта ответственность не осталась только понятием, мы должны отказаться от роли праздных зрителей и принять активное участие в формировании нашего будущего. Процесс формирования лучшего мира, безусловно, требует мудрости, смелости и понимания человеческих ценностей»¹.

Не менее важной характеристикой технологий форсайта является открытость к различным видениям и перспективам, конкурирующим подходам и альтернативным вариантам. Современная форма рациональности, которую сейчас часто называют «постнеклассической», характеризуется гуманистичностью, открытостью, ориентацией на многообразие духовной жизни человечества. Она выступает под лозунгом диалога на основе обогащения взаимной информацией с целью дополнения друг друга различными познавательными традициями.

Такой подход позволяет применить разрабатываемую в современной науке методологию, ориентированную на многообразие событий и фактов мира культуры. Сегодня прогностическая деятельность все более учитывает влияние на ее результативность не только научного способа познания будущего, но на равных в ней участвует весь комплекс человеческих представлений о будущем, не всегда полностью объективизированный.

«Открытая» рациональность предполагает перманентное развитие познавательных возможностей человека, горизонтов его постижения реальности»². Позиция «монологизма» (М. М. Бахтин) или форма так называемой «закрытой» рациональности в познавательной деятельности утверждала право на существование только собственной, исключительно истинной точки зрения. Это касается и нерелексивного монологизма внерациональных догматических форм сознания мифолого-религиозного типа, не признающих никаких альтернатив обладания истиной, и релексивного монологизма

классического рационального сознания. Пользуясь известным термином Т. Куна, можно сказать, что такая форма рациональности действует в рамках известной парадигмы, причем границы этой «внутрипарадигмальности», пределы концептуального контекста могут быть различными. Это может быть парадигма в смысле Т. Куна, но может быть и деятельность в соответствии с какой-либо теорией, концепцией, гипотезой. Во всех этих случаях — это работа в определенном, строго очерченном концептуальном пространстве.

И дело не в том, что такая позиция отвергает дискуссию и конкуренцию различных концепций. Определяющее отличие монологизма заключается в том, «что при всей возможной его умеренности и даже самокритичности он исходит из убеждения, что любая проблема в принципе может быть решена на основе его собственных, пусть в чем-то конкретизируемых, уточняемых, развиваемых исходных предпосылок. Идеология «монологии» не допускает существования каких-либо взглядов на реальность, не достижимых на основе данной позиции сознания, но вполне успешно осуществляемых в рамках иных подходов. Монологизм тем самым принципиально враждебен любым формам идеи «дополнительности», представлению о том, что подлинная реальность открывается в различных своих ракурсах и проекциях лишь сочетанию различных, в том числе и находящихся между собой в конфликтах и противоречиях, позиций сознания»¹. С другой стороны, отказ от монологизма в трактовке реальности и признание гетерогенности различных позиций познавательной деятельности не означает некритичного принятия любых данных в качестве истинных, утверждения их гносеологической равноценности для постижения мира, переход к «релятивистскому плюрализму» (В. С. Швырев).

Дискуссии о значимости рациональности, о различных ее формах, могут быть спровоцированы еще одним, важным, на мой взгляд, моментом в социальном познании. Поиски путей преодоления «монологизма» «закрытой» рациональности приводят к осмыслению ряда внерациональных источников человеческого опыта, ранее выводившихся за скобки научного познания. Речь идет о результатах обыденной практики, религиозных откровениях, интуициях искусства и других примерах интеллектуально-духовного постижения мира. Сложность заключается в том, чтобы избежать крайностей научно-ограниченной рациональности и «релятивистского плюрализма» и, воспользуясь философской рефлексией, расширить горизонты познания реальности.

¹ Диксон П., Фабрики мысли. М.: АСТ, 2004. С. 392-393.

² Швырев В. С., Рациональность в спектре ее возможностей // Исторические типы рациональности / Отв. ред. В.А. Лекторский. Т.1. М.: ИФРАН, 1995. С. 13.

¹ Швырев В.С., Особенности современного типа рациональности // Актуальные проблемы философии науки / Отв. ред. Гирусов Э. В. М., 2007. С. 49.

Подход, определяемый идеей «открытой» рациональности, дает возможность более глубокого проникновения в реальность, не скованного априорными стереотипами, и позволяет рационально-критически анализировать любые картины мироощущения и миропонимания, и на уровне переживания связи человека с миром, и на уровне выражения и описания этого опыта.

Современная форма рациональности, которую сейчас часто называют «постнеклассической», характеризуется гуманистичностью, открытостью, ориентацией на многообразие духовной жизни человечества. Она выступает под лозунгом диалога на основе обогащения взаимной информацией с целью дополнения друг друга различными познавательными традициями.

Соответственно познание будущего, выстроенное на основе концепции «открытой» рациональности, будет представлять собой процесс взаимообогащающего диалогического общения представителей разнообразных прогностических традиций, в чем-то пересекающихся, в чем-то раздвигающих рамки друг друга. Более того, такая диалогическая, «коммуникативная» рациональность (Ю. Хабермас, В. Н. Порус), метарациональность (В. С. Швырев) предполагает не только констатацию гетерогенности познавательных подходов, но и обладает проектно-конструктивным потенциалом для создания своеобразной интегративной модели человеческой способности предвосхищения будущего в целом.

Литература

Асеева И. А., Проблема демаркации и сочетания интуитивных и дискурсивных прогностических практик // Психология и психотехника. 2010. №2 (17).

Асеева И. А., Прогностические практики в науке и культуре. Курск, 2009.

Гребенищикова Е. Г., Второй тип производства знания и проблема ответственности. Философские науки. 2010. №12.

Диксон П., Фабрики мысли. М.: АСТ, 2004.

Добронравова И. С., Философия науки как практическая философия: ситуация постнеклассики и возможность свободы // Практична Філософія. Киев, №1, 2009.

Чернавский Д. С., Чернавская Н. М., Карп В. П., Никитин А. П., Распознавание и мышление (синергетический подход) // Синергетическая парадигма. Когнитивно-коммуникативные стратегии современного научного познания. М.: Прогресс-Традиция, 2004.

Швырев В. С., Рациональность в спектре ее возможностей // Исторические типы рациональности / Отв. ред. В. А. Лекторский. Т.1. М.: ИФРАН, 1995.

Швырев В. С., Особенности современного типа рациональности // Актуальные проблемы философии науки / Отв. ред. Гирусов Э. В. М., 2007.

Шрейдер Ю. А., Бескорыстна ли этика? // Человек. 1991. № 3.

Ютанов Н. Ю., Сценарии научно-технологического развития России // Российские нанотехнологии. 2009. Т. 4. № 5-6.

Floridi, L., Technoscience and Ethics Foresight // Philosophy & Technology. <http://link.springer.com/article/10.1007%2Fs13347-014-0180-9#page-1> (Published online: 07 November 2014).

Participation and Interaction in Foresight: Dialogue, Dissemination and Visions. Edward Elgar Publishing, 2013.

Schomberg R. von, Pereira A.G., Funtowicz S., Deliberating foresight knowledge for policy and foresight knowledge assessment. A working document from the European Commission Services November 2005.

Почему трансгуманизм формирует образ биотехнологий?¹

Белялетдинов Р. Р.

Why transhumanism forms the image of biotechnologies?

Belyaletdinov R. R.

Аннотация. В работе рассматривается трансгуманизм, понятый как интерпретация задач и целей биомедицинских проектов. В частности, исследуются проблемы соотношения трансгуманизма и религии, трансгуманизма и этики биотехнологий, трансгуманизма и персональной медицины.

Abstract: Transhumanity understood as an interpretation of tasks and aims of biomedical projects is considered in the article. Particularly problems of correspondence of transhumanism and religion, transhumanism and biotechnological ethics, transhumanism and personal medicine are reviewed.

Ключевые слова: биотехнологии, трансгуманизм, совершенствование человека, персонализированная медицина

Keywords: biotechnologies, transhumanism, human enhancement, personalized medicine.

Трансгуманизм неразрывно связан с наукой, понимаемой как миссия, цель которой — преодоление естественных биологических пределов. В своей знаменитой статье Джулиан Хаксли подчеркивает, что важнейшая идея гуманизма — это стремление управлять своей жизнью, «актуальное конструирование истинной человеческой судьбы»².

Очевидным образом «прикладной» трансгуманизм, то есть первые попытки совершенствования человека, возникли в медицине, занимающейся восстановлением естественного состояния тела (здоровья). В трансгуманизме задачи медицины были расширены: перед врачом стали ставиться задачи, выходящие за пределы терапии. Между тем, является ли этот подход выходом за пределы медицины, пожалуй, и есть главный вопрос, поставленный трансгуманизмом.

Трансгуманизм в различных своих вариантах, как в тех, которые развивают активные подходы к преодолению гибели человека от старости, так и в проектах радикального совершенствования человека, которые принято обозначать термином «постгуманизм», выносит на первый план понимание природы как артефакта, противопоставляя ее идее человека как сложившегося в ходе естественной эволюции

существа. Вмешательство в природу или невмешательство в ее устройство — это первоначальная дилемма, в которой трансгуманист всегда выбирает деятельное отношение к природе. Его оппонент — биоконсерватор — предлагает невмешательство в естественный ход вещей, аргументирует ценность неуправляемого биологического процесса. Так, известный представитель биоконсерватизма Л. Касс полагает, что репродуктивное клонирование «в корне негуманно, независимо от того, насколько хорошим будет продукт»¹. Более осторожный в своих формулировках Ф. Фукуяма видит опасность для гуманизма в технологизации человека, которая ведет к разрушению предложенной им переменной «Х» — термина, разработанного Ф. Фукуямой для обозначения уникальных человеческих черт, которые могут быть утеряны в результате биотехнократического подхода к человеку².

Между тем пропасть, разделяющая трансгуманизм и этические нормы биомедицины, не столь масштабна, как это может показаться на первый взгляд. Ведь трансгуманизм даже будучи маргинальной и околонучной идеологией имеет тенденцию вхождения в круг обсуждаемых проблем и даже формирует образ биотехнологий не только в качестве яркого и эпатажного тренда, но и как перспективы биотехнологического будущего человека.

Важный аспект, позволяющий трансгуманизму формировать «повестку дня» биомедицины — это его недостатки, если рассматривать трансгуманизм как новый системный подход к человеку. Как отмечает Д. Бирнбахер, термины «трансгуманизм» и «постгуманизм» в известном смысле были в прошлом и остаются в настоящее время не более чем слоганами³, формирующими не столько системное изменение представлений о человеке, сколько вектор развития науки.

Сегодня все чаще серьезно рассматривается вопрос о совершенствовании человека, который в общем-то является мягкой формой трансгуманизма, поскольку существенно выходит за рамки терапевтической миссии медицины. Появляются исследования⁴, посвященные проблеме совершенствования человека, и интерес к этой проблематике только расширяется. Можно сказать, что уже сформирован целый блок академической литературы по проблеме совершенствования человека и появился методологический аппарат, позволяющий рассматривать этические проблемы совершенствования человека, а через них и трансгуманизм.

¹ Birnbacher D. Posthumanity, Transhumanism and Human Nature // Medical Enhancement and Posthumanity. Springer. V. 2. 2008. P. 97.

² Ibid. P. 73.

³ Ibid.

⁴ Human Enhancement. Scientific, Ethical and Theological Aspects from a European Perspective (www.csc.ceceurope.org). 2014.

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ 12-03-00625а.

² Huxley J., Transhumanism // New Bottles for New Wine. London: Chatto & Windus, 1957.

Трансгуманизм и человек в эпоху биотехнологий

Формально впервые слово «трансгуманизм» использовал биолог Джулиан Хаксли в статье «Трансгуманизм»¹. Д. Хаксли обозначил импульс, который не потерял актуальность и сегодня: «Этот процесс (*трансгуманизм — авт.*) начнет с того, что будет разрушать идеалы и институции, которые встанут на пути нашего осознания своих собственных возможностей (или даже само отрицание того, что эти возможности следует осознавать), и далее продолжит в направлении начала реального конструирования истинной человеческой судьбы».

Артикулирование темы преобразования человека при помощи науки стало отличительной чертой трансгуманизма в XX веке. Идеолог трансгуманизма 1960–1990-х годов, Ферейдун М. Эсфандиари, понимал трансгуманизм как интенцию, в которой содержится образ будущего, помещенный в настоящее. Сам он видел цель своей творческой работы как трансгуманиста в популяризации идеи биологического бессмертия. Современные трансгуманистически мыслящие философы рассматривают идеи личного бессмертия, радикальные преобразования природы человека даже не столько как идеологические формы, сколько как свои собственные концепции, которые волей условной классификации оказываются причастны к трансгуманизму.

Однако важнее то, что трансгуманизм представляет собой аморфный, то есть лишенный конкретной формы, но узнаваемый через декларацию определенных целей (кибер-бессмертие, киборгизацию и т. п.) путь преобразования человека. Трансгуманизм и его радикально продвинутая форма — постгуманизм, выступают программой-максимум для целого кластера научных исследований — биотехнологий. Не менее важно, что трансгуманизм формирует междисциплинарную дискуссию, где, выступая жертвой, то есть объектом критики, оказывается не только темой дня, но еще и предметом внимания специалистов. Подвергая трансгуманизм различным контраргументам, его критики вносят существенный вклад в улучшение трансгуманистической аргументации.

Сегодня эволюционировавший трансгуманизм выстраивает свою аргументацию вокруг улучшения природных задатков и данных человека. Тем самым он противоречит традиционной идее медицины лишь в том, что предлагает использовать медицинские технологии шире, чем того требует задача по восстановлению здоровья.

¹ Huxley, J. Transhumanism // New Bottles for New Wine. London: Chatto & Windus, 1957. P. 8.

Принято детальное разделение видов совершенствования человека¹. Совершенствование человека — это усиление с помощью биомедицины способностей или качеств, которыми человек уже обладает — зрение, слух, рост. Речь идет о процедурах, которые находятся в пограничной зоне между лечением, то есть восстановлением обычного функционирования организма, и улучшением. Например, к такого рода совершенствованиям человека можно отнести увеличение роста при помощи гормональной терапии.

Другой тип совершенствования человека — медицинское вмешательство, выходящее за рамки лечения. Например, к совершенствованию человека можно отнести имплантацию в тело электронных чипов.

Кроме того, выделяют третий тип совершенствования человека — биомедицинское вмешательство в тело с целью телесной либо психологической адаптации к текущим условиям жизни². Это может быть и усиление памяти в определенных условиях, например, когда человек работает с большими объемами информации, и, напротив, снижение памяти в том случае, если необходимо приспособиться к новым условиям жизни. Такая ситуация возможна, скажем, в том случае, когда бывший солдат адаптируется к гражданскому образу жизни и ему необходимо приглушить воспоминания о войне.

Балансирование на грани между биомедициной как терапией и трансгуманизмом как формой медицины, преследующей цели, находящиеся вне терапии, происходит и в биомедицинской этике.

Трансгуманизм и этика биотехнологий

Если встать на место воображаемого «адвоката дьявола» и проанализировать возможные умозрительные доводы в пользу трансгуманизма, можно выделить подходы, с помощью которых трансгуманизм атакует этику биотехнологий.

Довольно часто против трансгуманизма используется аргумент «slippery slope», или «скользкий путь», этот термин (по смыслу соответствует фразеологизму «катиться по наклонной плоскости») обозначает условия, при которых те или иные обоснованные уступки и отступления от общего этического принципа могут оказаться началом или поводом для более значительных уступок, способных привести к нежелательным последствиям, метафорически обозначаемым «как подножие холма». Классический пример «скользкой

¹ Brian D. Earp, Anders Sandberg, Guy Kahane and Julian Savulescu. When is diminishment a form of enhancement? Rethinking the enhancement debate in biomedical ethics // Frontiers in Systems Neuroscience. V. 8. 02.2014.

² Там же. С.2.

дорожки», ведущей к негативным последствиям, — предимплантационная диагностика, аборт, эвтаназия — практики, дискредитирующие ценность человеческой жизни.

Между тем возможно использование аргумента «наклонной плоскости» не только в негативном, но также и в позитивном смысле, не в качестве опровержения, а как обоснование трансгуманистических биомедицинских исследований. В литературе различают три типа аргументов¹ «наклонной плоскости». Первый тип — «принцип зубила»: он предполагает, что некое действие, острие зубила, становится прецедентом, из которого следуют другие прецеденты. С точки зрения трансгуманизма, то же действие-прецедент может оказаться позитивным и желательным. Например, если разрешить модификацию наследуемых генетических клеток, это позволит избавиться от передающихся по наследству заболеваний, что может стать прецедентом для других типов модификаций, улучшающих, например, умственные возможности человека.

Второй тип аргумента основан на невозможности провести точную демаркационную линию, отделяющую восстановление здоровья от совершенствования тела. Так, если рассматривать лечение методом генетической модификации клеток как совершенствование, то и совершенствование можно рассматривать как лечение.

Третий вид аргумента строится на эффекте домино, который может быть, с точки зрения трансгуманиста, не только негативным, но и позитивным. Скажем, непредсказуемая череда последствий удачного вживления чипа памяти может вызвать положительное влияние на психику человека или улучшить работу мозга.

Кажущаяся надуманность трансгуманистических аргументов, оторванность их во многом от реальных биомедицинских задач, — все это, тем не менее, не встречает сопротивления в обществе, в том числе и в наиболее традиционных, субкультурных кластерах общества, к которым относятся религиозные конфессии.

Трансгуманизм и религия

В этом году был опубликован сборник статей под общим названием «Совершенствование человека: научные, этические и теологические аспекты в европейской перспективе»², который предлагает видение проблемы совершенствования человека современными

¹ McNamee M. J., Edwards S. D. Transhumanism, medical technology and slippery slope // *Journal of Medical Ethics*, 2006/32, 516.

² Human Enhancement. Scientific, Ethical and Theological Aspects from a European Perspective (www.csc.ceceurope.org). 2014.

христианскими мыслителями. Они уделяют основное внимание нерациональной составляющей поведения человека, формируемой верой, хотя принимают традиционное определение совершенствования человека, таких как «использование биомедицинских технологий для достижения целей, выходящих за рамки лечения»¹.

В теологической перспективе размышляют румынские ученые С. Стрейтал и К. Джинка, связывая идею биомедицинского совершенствования человека с концепцией теозиса². Теозис — теологическое учение о способности человека достигать совершенства через слияние с Богом. Эта идея развивалась христианскими авторами как возможность воссоединения Творца и творения через религиозные обряды. Авторы подчеркивают, что, с христианской точки зрения, совершенствование человека — в первую очередь это духовное обожение³. Биомедицинское совершенствование тела не рассматривается как наилучший путь изменения человека, биотехнологии не ставятся в один ряд с традиционными христианскими обрядами — крещением, евхаристией, молитвой, которые сами по себе являются способом совершенствования человека. Биотехнологии лишь имитируют совершенствование человека и реализуют его право на несовершенство⁴. Надо отметить, что в христианской практике объектом совершенствования становятся и личность, и тело, которые участвуют в религиозном обряде. Неразделимость личностной и телесной природы человека не позволяют христианским авторам говорить о сохранении неприкосновенности личности человека в измененном теле.

С. Бэллоянис лояльнее к биотехнологиям, он рассматривает совершенствование человека с точки зрения достижения «физической, ментальной и духовной гармонии»⁵, не входящей в противоречие с христианской религией. При этом ключевое значение для принятия технологий совершенствования человека имеет признание их Церковью. Вера в бессмертие души подразумевает, что идеал трансгуманизма реализован в человеке, в то время как цель жизни — теозис, подразумевает жизнь по правилам христианского общества.

¹ Human Enhancement. Scientific, Ethical and Theological Aspects from a European Perspective (www.csc.ceceurope.org). 2014. P. 286.

² Stratul S., Jinga C. Human Enhancement Between Theosis and Koinonia // Human Enhancement. Scientific, Ethical and Theological Aspects from a European Perspective (www.csc.ceceurope.org). P. 273-282.

³ Там же. С. 280.

⁴ Boer, T. Reflection on Enhancement and Enchantment // Human Enhancement. Scientific, Ethical and Theological Aspects from a European Perspective (www.csc.ceceurope.org). P. 288.

⁵ Baloyannis, S. Human Enhancement. From the Orthodox Point of View // Human Enhancement. Scientific, Ethical and Theological Aspects from a European Perspective (www.csc.ceceurope.org). P. 123.

Надо отметить, что проблема совершенствования человека оказывается в одном ряду с обсуждением экологии, социальной справедливости и биоразнообразия и во многом по актуальности уступает вышеперечисленным направлениям исследований. Проблема человека как био-социального конструктора оказывается слишком привязана к практическим решениям, остающимся сегодня лишь на первичной стадии реализации. Но, вместе с тем, религиозное сообщество в целом не выступает с позиций биоконсерватизма, скорее предлагает собственную версию преобразования человека.

«Прикладной трансгуманизм» в персональной медицине

Результатом генетических исследований последних лет может стать, и скорее всего реализуется на практике генетического профилирования при подборе терапии. Прежде всего это разработка лекарственных средств под конкретные генетические кластеры пациентов. Очевидно, что выбор между обычными и генетически спроектированными лекарствами — одна из ближайших перспектив, стоящих перед пациентами. Если для воображаемого трансгуманиста середины XX века идея внедрения генетически спроектированных методов лечения была лишь бесплотным образом, сегодня мы все ближе именно к такому сценарию развития медицины. Для этого много экономических причин. Однако обратной стороной такого «прикладного трансгуманизма» становится необходимость заново продумывать уже устоявшиеся представления человека о своей персональной автономии. В первую очередь о том, насколько человек готов использовать те технологические возможности, которые ему предлагаются.

Уважение автономии пациента позволяет говорить о признании за личностью права на принятие самостоятельного решения на основании надлежащего информирования о сути той или иной биомедицинской процедуры.

В то же время именно жесткое требование уважать личностную самодетерминацию является одной из самых острых проблем современной медицины. Вынужденная неполнота информированного согласия — это реальность многих биомедицинских ситуаций: невозможность получения информированного согласия у пациентов, находящихся без сознания, неумение пациентов различать лечение и биомедицинское исследование, нежелание подвергаться биомедицинскому вмешательству по той или иной причине (в силу мировоззренческой позиции или вероисповедания), — все это относится к комплексу уже существующих вопросов.

В недавнем прошлом результаты генетических исследований, связывавших содержание генома и высокий риск генетических заболеваний, (например, рака груди), стали причиной информирования о подобных опасностях в обход добровольного согласия на получение такого рода информации внутри семей¹:

Современный подход к медицине, основанный преимущественно на «поголовном» генетическом профилировании и оцифровывании генетических данных, может еще более усложнить соблюдение принципа автономии. Основные проблемы — соблюдение приватности, условий информированного согласия в отношении полученных генетических образцов, использование генетических образцов на условии анонимности². Согласно результатам проведенного Английским Королевским обществом социологического исследования реакции различных социальных групп на проведение фармакогенетических тестов, более трети респондентов высказали тревогу в отношении того, как повлияют данные генетического тестирования на членов их семей³:

Кроме того, безусловную тревогу должен вызывать фактически обязательный характер проведения фармакогенетических тестов как показания для использования новейших ЛС. Особенно важно отметить, что большинство респондентов не рассматривали фармакогенетические тесты как некую особую процедуру, отличную от любых других биомедицинских вмешательств.

Результаты генетических тестов, если они будут доступны пациенту, способны повлиять на формирование его личного горизонта, проектирование жизни с точки зрения выбора нагрузок, рода деятельности. Это совершенно новая перспектива, расширяющая персональную автономию, опирающаяся на индивидуальный цифровой медицинский «профиль». Однако это обстоятельство может стать и бременем для пациентов. С одной стороны, врачи (а вслед за ними и страховые компании) получают право возлагать на пациентов больше ответственности за выбор образа жизни, рода деятельности и за подбор лечения, основывающейся на генетическом профиле. С другой стороны, сами пациенты оказываются вовлеченными в процесс «ослабления патернализма», что подразумевает выход на рынок медицинских компаний, предлагающих услуги по созданию индивидуальных генетических профилей, подходов и различных стратегий

¹ Personalised medicines: hopes and realities (2005) [Электронный ресурс] // The Royal Society URL: https://royalsociety.org/~media/Royal_Society_Content/policy/publications/2005/9631.pdf.

² Там же. С. 37.

³ Там же. С. 38.

лечения. Однако эффект от подобного ухода пациента в «свободное плавание» неочевиден¹, в отличие от возрастания стоимости лечения.

В целом ПМ соответствует стратегии депатернализации медицины, вовлекая пациента в активную деятельность по формированию стратегии своей жизни. С другой стороны, очевидно, что это бремя не каждому по плечу и как следствие, если одни социальные группы получают преимущества в реализации своей автономии, то другие, наименее информированные, окажутся в ситуации выбора, к которому они не будут подготовлены.

Вклинивание трансгуманизма в формирование образа биотехнологий — особенность развития биомедицинских технологий в наши дни. Во-первых, сторонники идеи природы, ее прикладной реализации — концепции здоровья, в полемике с трансгуманистами не могут провести четкую демаркационную линию, где заканчивается природа и начинается технология.

С другой стороны, трансгуманизм не находит сопротивления в традиционных обществах, поскольку в них нет идеи природы как неизменного «эталона» естественности. Скорее напротив: концепция «сверхсущего» во многом совпадает, по крайней мере внешне, с трансгуманистическим пониманием человека.

В третьих, трансгуманизм эволюционирует и уходит от радикальных моделей человека, свойственных его ранним версиям. Аргументация трансгуманизма становится востребована в обсуждении вероятных биотехнологических инноваций.

Между тем, будучи популяризированным движением, трансгуманизм все сильнее формирует особый образ биотехнологий, где делается акцент на позитивный сценарий искусственного, технократического человека.

И наконец, трансгуманизм, равно как и близкий ему постгуманизм остается неуязвимыми для биоконсервативистской критики. Он все также представляет собой прежде всего слоган, опирающийся на разнородные аргументативные практики, не претендуя на оформление в философские и мировоззренческие конструкции, которые бы предлагали принципиально новый взгляд на человека. Однако трансгуманизм и его производные (совершенствование человека, постгуманизм, аблеизм и т.п.) являются сильными триггерами развития биотехнологий, успешно встраиваемыми в современную технонаучную структуру науки.

¹ Juengst E. T., Flatt, M. A., Settersten, Jr. R. A. (2012) Genomic Medicine and the Rhetoric of Empowerment [Электронный ресурс] // Hastings Center Report. V. 42. №5. P.34–40. URL: <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1002/hast.65/full> [архивировано в WebCite] (дата обращения: 23.08.2014).

Литература

Miah A., Posthumanity, Transhumanism and Human Nature // Medical Enhancement and Posthumanity Springer. V. 2. 2008. Springer, 2008.

Birnbacher D., Posthumanity, Transhumanism and Human Nature // Medical Enhancement and Posthumanity Springer. V. 2. 2008. Springer, 2008.

Baloyannis S., Human Enhancement From the Orthodox Point of View // Human Enhancement. Scientific, Ethical and Theological Aspects from a European Perspective (www.csc.ceceurope.org). P. 123.

Boer T., Reflection on Enhancement and Enchantment // Human Enhancement. Scientific, Ethical and Theological Aspects from a European Perspective (www.csc.ceceurope.org). P. 288.

Human Enhancement. Scientific, Ethical and Theological Aspects from a European Perspective (www.csc.ceceurope.org).

Huxley J., Transhumanism // New Bottles for New Wine. London: Chatto & Windus, 1957.

Stratul S. Jinga C., Human Enhancement Between Theosis and Koinonia // Human Enhancement. Scientific, Ethical and Theological Aspects from a European Perspective (www.csc.ceceurope.org). P. 273-282.

McNamee M. J., Edwards S. D., Transhumanism, medical technology and slippery slope // Journal of Medical Ethics, 2006/32, 516.

Brian D. Earp, Sandberg Anders, Kahane Guy and Julian Savulescu., When is diminishment a form of enhancement? Rethinking the enhancement debate in biomedical ethics // Frontiers in Systems Neuroscience. V. 8. 02.2014.2

Бессмертные машины¹

Попова О. В.

Immortal Machines

Popova O. V.

Аннотация. В статье исследуются этико-антропологические основания идеи «кибернетического бессмертия» и радикального увеличения продолжительности жизни. Рассмотрена возможность появления острых социальных проблем в контексте резкого увеличения продолжительности жизни. Показано, что обсуждение проблемы бессмертия возникает не только в философском контексте, но привлекает внимание представителей самых разных дисциплин, требует создания и применения новой методологии обсуждения.

Ключевые слова: Этика умирания, бессмертие, этика бессмертия, кибернетическое бессмертие.

Abstract. The article examines the ethical and anthropological foundation idea of “cybernetic immortality” and a radical increase in life expectancy. Here is examined the possibility of serious social problems in the context of a sharp increase in life expectancy. It is shown that the discussion of the problem of immortality arises not only in the philosophical context, but attracts a variety of disciplines, requires the creation and application of new methodology discussion.

Keywords: Ethics of dying, immortality, ethics of immortality, cybernetic immortality.

Распространенной тенденцией в жизни современного человека является постоянная озабоченность собственным выживанием. Современность наполнена различного рода оттенками выживания: мы должны выжить как духовные, социальные, физические и т. д. существа. Выживание является своего рода моральным императивом, к которому устремлены разнообразные устремления человека и который становится определяющим в том числе и для выдвижения политических программ.

Ограниченный арсенал средств решения глобальных проблем, назревших в технологическую эпоху, стимулировал поиск новых стратегий подхода к проблеме выживания человека, призванных дать ответы на два кардинальных и очень близких вопроса:

1. Как выжить?
2. В каком состоянии выжить?

Первый вопрос указывает на неустанные попытки совершенствования методологии выживания, поиск вариантов сохранения человечества. Второй — предполагает ответ на вопрос о том, кому предстоит выжить. Оказалось, что ответ на второй вопрос оказался не менее сложен, чем ответ на первый, поскольку человек, сосредоточившись на заботе о собственном выживании, способен осуществить акт онтологической редукции, предложив такие формы выживания, которые окажутся несовместимыми с традиционным пониманием человеческого существования. Он готов выжить, будучи онтологически иным, обладая существованием, которое с трудом можно подвести под определение человеческого существования.

Так, одним из интересных радикальных приложений идеи выживания стало появление чувства уверенности в возможности выживания человечества в качестве сообщества бессмертных существ. Такой оптимизм подпитывает воспроизводство идей различных течений современного трансгуманизма.

Личность, вечность и преодоление метафизического бессмертия

Общим местом идейного поля всех трансгуманистических движений является тезис о том, что бессмертие является не просто одной из человеческих ценностей, рядоположенной другим ценностям, таким, например, как любовь или творчество, но представляет собой высшую человеческую ценность. Ради бессмертия могут вытесняться, подавляться, либо трансформироваться все другие ценности.

В онтологическом зеркале человек познает себя в широком диапазоне репрезентаций — от живого телесного существа до технологического артефакта, аморфного материала, с легкостью поддающегося технологической обработке и приобретающей любые мыслимые для НБИКС-мира формы. Параллельно с резкой трансформацией образа человека идет процесс переосмысления базовых констант человеческого бытия: рождения и смерти. Человеческое существование также неразрывно связано с идеями вечности и бессмертия, которые также претерпевают изменение во времени. Идеолог кибернетического бессмертия, известный трансгуманист В. Турчин, подчеркивая, что на современном этапе общественного развития, в связи с распространением научного метода наблюдается обеднение идеи бессмертия, лишение ее религиозного основания¹.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФНФ, грант № 12-03-00625

¹ Турчин В., Джослин К. Кибернетический манифест // <http://refal.net/turchin/phenomenon/cybernetic-manifesto.htm>

Идея метафизического бессмертия в процессе исторического развития, иссякает, заменяется другими векторами поиска бессмертия, испытывающими влияние прогресса технологий.

К векторам, пожалуй, наиболее аттрактивным для технологически развитых сообществ, продуцирующим веру в технократическую идеологию и задающим соответствующий масштаб восприятия человека, относится идея кибернетического бессмертия. Она основывается на фундаментальном предположении о том, что человек является кибернетической системой, то есть определенной формой «организации материи, которая включает многоуровневую иерархию управления».¹ Существенно важным является то обстоятельство, что в процессе эволюции эта организация «постоянно переживает частичную смену материала, в котором она выполнена»². Доверие к идее изофункционализма систем внушает ее сторонникам оптимизм относительно воссоздания человека на различных типах носителя, например, на нано-чипе. Так, если мы знаем все о функциях мозга и для нас не принципиально, на каком материальном носителе мы можем их воспроизвести, то почему бы этим носителем не может стать нано-частица. Тогда в спичечном коробке уместится весь мир людей и даже больше.

Кибернетическая модель бессмертия предполагает, что человек способен «выдержать» различные тела, различную природу своих тел. Процесс бесконечной смены материала, из которого выстроена наша кибернетическая организация, в итоге может привести к таким формам этого материала, которые обеспечат человеку неограниченно долгое существование. Человек должен стать и субъектом, и объектом сознательной направленной эволюции. И если ранее природа выполняла ту же миссию, и выполняла хаотически, «экспериментируя на генотипах и отбирая по фенотипам», как бы связывая наличие смертности с эволюционной необходимостью, то в современную эпоху ситуация кардинально меняется, поскольку речь идет о возникновении мощных предпосылок осуществления сознательной эволюции: «В эру разума, когда ведущей ветвью эволюции является эволюция человеческого общества, источником эволюции становится человеческий мозг. Он не объект, а субъект экспериментирования, его потеря при умирании есть эволюционная нелепость»³.

В эволюционном процессе мозг не может желать рационального самоубийства, его основополагающим свойством является продолжение собственного существования — от этого тезиса отталкиваются

¹ Турчин В., Джослин К., Кибернетический манифест // <http://refal.net/turchin/phenomenon/cybernetic-manifesto.htm>

² Там же.

³ Там же.

сторонники идеи кибернетического бессмертия В. Турчин — К. Джослин. Фактически мозгу все равно, с каким материалом ему соединиться, лишь бы обеспечить себе собственное выживание.

На мой взгляд, это положение можно спроецировать и на процесс протекания естественной эволюции: поскольку природа не желает собственного уничтожения, она поощряет воспроизводство человеческой телесности, умножение человеческих существ во времени и пространстве. Машина воспроизводства человеческих ресурсов в определенном смысле бессмертна. И природа, осуществляющая бесконечный процесс выбраковывания несовершенных тел, и мозг, осуществляющий направленную эволюцию, выбраковывая с помощью технологий представителей рода человеческого и, более того, несущего угрозу оборвать жизнь человечества как такового, находятся фактически на одинаковых (а)моральных позициях. В. Турчин — К. Джослин, очевидно, прекрасно понимает это, поэтому утверждает, что «личность должна быть бессмертной, как бессмертны гены», тем самым подразумевая, что направленная эволюция должна нагнать естественную в самом существенном — стремлении к бесконечному увеличению продолжительности жизни.

И все же на каком основании возможно бессмертие? Кибернетическая модель В. Турчина и К. Джослина делает ставку на технологический прорыв, обеспечивающий возможность построения своего рода глобальной биомашины, составными элементами которой окажутся высокоразвитые живые существа, интегрированные в единую кибернетическую организацию, в единое сверхсущество. Интеграция личностей в сверхсущество будет осуществляться путем испытания на прочность различных форм объединения и усиления друг друга. Новые сверхличности, которые будут «вероятно, отличаться от нас так, как наши хромосомы отличаются от вирусов»¹. В. Турчин и К. Джослин отмечают, что «определяющий принцип личности останется, по-видимому, неизменным, как остался неизменным принцип работы генов»², однако фактически не раскрывают всего масштаба действия определяющего принципа личности. Какова природа личности? Идет ли речь о ее потребности к коммуникации (объединению), о ее деятельности по самоусложнению или о чем-то еще, например, об отбраковке подавлении, всего чужеродного, низкого, что не имеет отношения к личностному плану бытия (по отношению к чему В. Турчин и К. Джослин применили метафору «планктона», фактически оправдывающую подавление высшими существами низших).

¹ Турчин В., Джослин К., Кибернетический манифест // <http://refal.net/turchin/phenomenon/cybernetic-manifesto.htm>

² Там же.

Совершенствование человека путем развития его способности к бессмертию осуществляется прежде всего с целью покорения космоса. Поэтому весь масштаб нового онтологического проекта задан внешней и совсем не обязательной для всего человечества целью развития науки и технологий. Преобразование достигается путем отбрасывания в зону неполноценности тех, кто не удовлетворяет критериям преобразования. Они останутся внизу построенной человечеством пирамиды, являясь материалом для высшего сообщества (вверху будут размещаться стремящиеся к развитию науки, способные к кооперации бессмертные сверхсущества).

По словам авторов «Кибернетического манифеста», воля к бессмертию, «как и всякая человеческая черта, широко варьируется от человека к человеку. Поскольку интеграция может быть лишь добровольной, надо ожидать, что только часть, вероятно небольшая, человечества образует сверхсущества, большинство же останется в состоянии “человеческого планктона”»¹. Интеграция — дело добровольное, однако за кажущейся добровольностью стоит угроза подавления индивидуального развития глобальными эволюционными механизмами. Выдвигаемая авторами идея кибернетической коллективизации неоднозначна: она описывается и в качестве рывка для перехода на более высокий духовный уровень развития, на котором как бы преодолевается биологическая сущность человека, и в качестве процесса естественного объединения в стаю кибернетических животных — машин (в связи с тем, что процессы интеграции проявляются уже на клеточном уровне и в принципе характерны для любой биологической системы). На последнем пути возникает суррогат человека, гомоподобное существо, устремленное к высшим техническим достижениям, подражающее и уподобляющееся им (даже интегративная функция — это ни что иное как потребность быть механизмом, способным быть подогнанным под другие механизмы), с одной стороны, и творчески мыслящее (а значит, выполняющее свою “биологическую функцию” — она мутирует в воспроизводство технических продуктов, эволюцию технических артефактов).

В тексте «Кибернетического манифеста» отчетливо выражена аксиологическая проблематика. Главное напряжение интеллектуальных усилий современности, по мнению авторов, должно касаться решения проблемы достижения органического синтеза свободы и интеграции. В. Турчин и К. Джослин, в отличие от многих ослепленных идеей бессмертия современных трансгуманистов, (с обретением которого связывается решение многих глобальных проблем,

¹ Турчин В., Джослин К., Кибернетический манифест // <http://refal.net/turchin/phenomenon/cybernetic-manifesto.htm>

в том числе, кризиса ценностей, возникшего после ухода на задний план метафизических систем), полагают, что самоуспокоение человечества и нежелательно, и невозможно. Вопросы, которые встают на повестке дня, а именно: «Ради чего надо жить, после того как наши основные потребности с легкостью удовлетворены современной системой производства? Что есть Добро и что есть Зло? Каковы те конечные критерии, на основании которых мы должны оценивать различные модели общественного устройства?»¹ заданные авторами манифеста, являются глобальными и требуют столь же глобальной работы по поиску адекватных ответов.

И все же, если попытаться обрисовать собирательный образ кибернетического человека, взяв за основание его цели, ценности и образ жизни, он не вызывает особой симпатии: перед нами достаточно примитивный комплекс взаимодействующих технократических целей (освоение космоса) и технократических ценностей (кибернетическое бессмертие и техническое творчество и командный дух для реализации масштабных космических проектов), не оставляющий места таким понятиям, как любовь, дружба, свобода и др. За безразличие к технократизму человеческое существо приговорено быть авторами манифеста планктоном, но фактически лояльные идее кибернетического бессмертия в ценностно-эмоциональном отношении также ничто иное, как планктон, только технократический, убогая машина чувств, желаний и реакций.

Идеи В. Турчина — К. Джослина являются показательными для анализа текстов трансгуманистической направленности. Выдвигаемая в них на первый план перспектива создания машинизированного бессмертного или долгоживущего существа заслоняет проблему удовлетворенности этого существа собственным существованием, появления у него вопросов этико-аксиологического порядка, а также пресыщенности собственной жизнью. Это общая беда всех трансгуманистических и многих утопических проектов. Вот еще один пример: приобретающий все большую популярность российский проект «Россия-2045». В его содержании проигнорирована необходимость освещения возможных рисков и моральных коллизий потенциально бессмертного человека. Идея бессмертия рассматривается в качестве национальной идеи. Идеи, которая должна вдохновить российскую молодежь в области науки и технологий и в широкой перспективе поднять ее на спасение всего человечества от разлагающегося общества потребления. Ни авторов проекта, ни последователей не интересует банальный на первый взгляд вопрос:

¹ Турчин В., Джослин К., Кибернетический манифест // <http://refal.net/turchin/phenomenon/cybernetic-manifesto.htm>

а не скучно ли им (кибер-людям) будет в начиненном электронной теле долгожителя? Не возникнет ли отвращения от нового образа? Не будет ли пресыщения и идентификации собственной жизни с запчастью для механика?

Гипотетические ситуации, моделирующие жизнь долгожителей, уже сейчас становятся предметом тщательного анализа как со стороны философов, рефлексиирующих на тему трансформации этики, так и со стороны литераторов, в яркой художественной форме предъявляющих миру свои опасения относительно будущего технологий и человека будущего. На этих двух линиях (философской и фантастической) я хотела бы остановиться, сделав акцент на тематизации определенных эτικο-аксиологических проблем, вызванных осмыслением идеи бессмертия.

Скука и пресыщенность бессмертием

На первый взгляд, в рассуждениях трансгуманистов фигурирует тезис о том, что жизнь является неоспоримым благом. Так ли это? Положительный ответ на этот вопрос был бы возможен лишь в том случае, если бы то, что мы интуитивно подразумеваем под словом жизнь, совпало с тем, что подразумевают под ним трансгуманисты. Можем ли мы допустить, что тот объем и содержание благ, которые можно помыслить, имея ввиду бессмертного человека, будет востребован всеми пока еще смертными людьми?

Для поиска ответа на этот вопрос обращаюсь к работе Б. Уильямса «Случай Макропулос: размышления о скуке бессмертия».¹ В ней кардинально поставлен вопрос о бремени и пресыщенности бесконечно долгой жизнью. Сам способ проблематизации идеи долгожительства, является релевантным для анализа эτικο-антропологических проблем, вызванных возможностью появления трансгуманистического бессмертия. Сделаю небольшое отступление от темы, своего рода введение в анализ проблемы.

Вопрос о смысле жизни возникает в совершенно разных контекстах и неизменной теневой стороной вопрошания становится проблематизация смысла смерти. Однако в равной степени он не может быть серьезно поставлен и без выражения отношения к вечности или бессмертию. Возможно, интуитивно человек хочет продлить свое собственное существование, даже, когда заигрывается в небытие. Парадоксально, но те, кто ценит бессмертие, не столько ценят

¹ Уильямс Б. Случай Макропулос: размышления о скуке бессмертия // Проблема человека в западной философии. М.: Прогресс, 1988. — <http://referati.me/problemuyi-filosofii-knigi/uilyams-sluchay-makropulos-razmyishleniya-32962.html>

человеческую жизнь как таковую, сколько некоторую форму существования, выдвинутую в бесконечность, ценят бесконечность как таковую, математическую категорию, к которой каким-то нелепым образом должна прилепиться человеческая жизнь.

По аналогии с тем, как государство и общество, выдвигая те или иные лозунги-обращения к конкретному индивиду и манипулируя его чувствами, канализирует их в общественно значимые дела, осуществляется своего рода трансгуманистический «шантаж» идеей бессмертия. Возможно, мы и не станем свидетелями необычайного увеличения продолжительности жизни. Может быть, нам не придется раздумывать, что же делать с этим свалившимся на нас бременем бессмертия, однако, вглядываясь с большой долей реализма в происходящее, все более осознаешь, что побочные и вполне даже положительные результаты паразитирования на идее бессмертия, должны быть.

Человек интуитивно хочет приблизиться к долгой и счастливой жизни и сам процесс этого приближения будет сопровождаться положительными для общества эффектами: изобретением технологий сопротивлению старению, выводом на рынок новых лекарственных препаратов, в конце концов, новой постановкой проблемы ценностей. Вся совокупность действий, направленных на реализацию идеи долгожительства, а в потенциале — бессмертия, является ничем иным, как попыткой стряхнуть с себя уже приевшийся антропологический образ, возможно, как стряхиваются все социальные маски перед смертью.

Возвращаясь к работе Уильямса, обозначу ее основную идею, связанную предположением, что наличие категорических желаний у человека является как бы залогом того, что человек будет предпочитать жизнь смерти. Их отсутствие или отсутствие удовольствия от их исполнения приводит к кризису восприятия жизни как ценности.

Вглядываясь в данное утверждение более пристально, понимаешь, что отсутствие категорических желаний, например, вызванное жизненными обстоятельствами, несчастьем, болезнью и т. д., задает существенно иной контекст рассмотрения феномена смерти: смерть игнорируется как смерть (то есть лишение всех возможностей, категорических желаний в том числе), и рассматривается как источник избавления от страданий. Смерти как бы дается индульгенция, возможность мимикрировать под единственное категорическое желание, например, если речь идет о желаниях страдающего от невыносимой боли человека.

Апология смерти является характерным признаком рассуждений о смысле жизни. Смысл жизни вычленяется исключительно в контексте представления, что жизнь обладает завершенностью, имеет конец. Осмысленность жизни и даже, как это ни парадоксально

звучит, полнота, невозможны без понимания того, что дар жизни не вечен. Осознавая этот факт, человек вырабатывает намерение осуществить в отмеренных рамках существования некий проект, реализоваться, стать иным, стать самим собой и т. д.

Описываемый Уильямсом случай Э. М. — женщина, которая устала от своего долгожительства и которой не дано умереть, является, на мой взгляд, удачным мысленным экспериментом, позволяющим представить качество жизни, с которым мы могли бы иметь дело в результате создания искусственного потенциально бессмертного тела.

Каким характером мог бы обладать постчеловек? Например, таковой, которому обеспечили пересадку сознания на различные материальные носители (искусственные тела)? Обладал ли бы он вообще каким-либо характером, принимая во внимание тот факт, что он бы был лишен индивидуального смертного тела, а также, скорее всего, индивидуальных ощущений и чувств (в частности, если бы он, следуя заветам Турчина-Джослина, объединялся на кибернетической основе с другими существами в сверхсущество)? Предполагаемые ответы на этот вопрос можно также постараться найти, воспользовавшись аналогией, — анализом характера главной героини работы Уильямса сверхдолгоживущей Э. М.

Э. М. — женщина, замершая в среднем возрасте на несколько столетий. Ее состояние, на мой взгляд, ни что иное, как синдром эмоционального выгорания. Характер Э. М. представляет собой холодное устойчивое, застывшее образование, мысли и чувства здесь доведены до автоматизма. Обладание таким характером, равнодушно вззирающим на происходящее, уподобляет его обладателя скорее вещам мира, чем живым человеческим существам. Данный характер неподвластен возникновению категорических желаний, эмоций и глубоких психических реакций. Он подобен автоматизированному устройству, выполняющему заложенные функции и не выходящему за пределы такого рода функционирования, воспроизводящему одну и ту же гамму чувств, одну и ту же заезженную музыку.

Э. М. проживает вялотекущую, наполненную однообразными событиями жизнь. Перспектива жить дальше в том же ритме не является для Э. М. оптимальной, более того существование, не выходящее за пределы предвиденного, предсказанного, предчувствованного, становится все более мучительным.

Случай Э. М. показателен для оценки негативных перспектив бессмертной жизни. Проникшись описанием опостылевшего Э. М. существования, скорее всего мы вслед за Уильямсом сделаем вывод о том, что у нас нет оснований жить вечной жизнью. Такой способ оценки можно обозначить аргументом от скуки. В основании

него лежит интуиция, что какие бы желанные или значительные свойства жизни мы ни взяли, не обнаружится «ни одного такого ее свойства, которое возрастало бы или присутствовало бы в более чистой форме в перспективе вечной жизни»¹. По этой причине вечная жизнь не может считаться благой жизнью. Воспользуюсь аналогией с рассуждениями Аристотеля, на которые ссылается Уильямс: благо «не будет благом в большей степени... оттого, что оно вечное, раз уж долговечный белый предмет не белее недолговечного», однако при этом уточняет, что от более долгой жизни следует ожидать большего количества благ.

Вместе с тем, на мой взгляд, необходимо обратить внимание на то, что жизнь более долгая может рассматриваться как более благая жизнь, поскольку дает возможность не просто достигнуть большего количества благ, но предоставить возможность для реализации, актуализации таких благ, которые не могла бы полностью обеспечить жизнь короткая (например, если мы говорим о деторождении, творчестве, увеличении финансовых возможностях). Более того, долговечная жизнь позволяет благам существовать актуальным образом. И если белый долговечный предмет не белее недолговечного, то, по крайней мере, он может быть ценнее. В этом отношении, а также ввиду своей постоянной актуализации, он оказывается действительно более благим предметом.

Кроме того, необходимо помнить и о том, что для большинства человечества привлекательной является не столько жизнь, наполненная различными категорическими желаниями (благами), но категорическое желание и определяет сущность жизнь: жизнь является тем самым категорическим желанием, которое создает возможности для всех других его разнообразных формы. И именно в этой связи в выраженном человеческом желании — жить, в свернутом виде заложены все возможные варианты инобытия главного желания — жить счастливо, жить красиво, жить достойно и т. д.

Предположим, что мы имеем дело с человеческим существом, обладающим технологической формой бессмертия (кибер-бессмертием, как в случае с В. Турчиным, или информационным бессмертием, что касается трансгуманистического проекта «Россия-2045»). Достижение бессмертия, применительно к постановке задачи, осуществленной Б. Уильямсом, показывает, что кибернетические долгожители скорее всего будут обладать единственным категорическим желанием — поддерживать свое существование. Иные

¹ Уильямс Б. Случай Макропулос: размышления о скуке бессмертия // Проблема человека в западной философии. М.: Прогресс, 1988. — <http://referati.me/problemeyi-filosofii-knigi/uilyams-sluchay-makropulos-razmyishleniya-32962.html>

категорические желания игнорируются, становятся ненужным балластом либо контролируются, впадают в зону социальной предопределенности. Если жизнь и ее продление является единственным категорическим желанием, то состояние скуки и неудовлетворенности оказывается абсолютно невозможным.

Что же такое скука? Ее можно описать как некоторое ощущение давления времени, невозможности изменить его ход, ускорить его. Скука возникает на фоне пресыщения временем, ощущения его некоторой избыточности. Кибер-человек не будет скучать в привычном для нас значении этого слова, если он изначально будет сконструирован таким образом, чтобы испытывать комфорт от ощущения дряхлеющего или застывшего времени. Кроме того, он будет сублимировать свою скуку в освоение космоса (как следует из проекта Турчина), без него человека ожидает своего рода эмоциональная тепловая смерть — впадение в состояние «планктона. Или же, на фоне тех трансформаций, которые произойдут с человеческим существом, скука также трансформируется в некую рудиментарную форму, которая будет весьма далека от естественной для нас скуки и близких ей состояний — тоски, меланхолии, ностальгии и т. д. Постчеловеческая жизнь не может удовлетворять существенно важному условию — реализовать желание появления и исполнения будущих желаний, желать желания и мечтать о желаемом.

Б. Уильямс отмечает, что «В случае Э. М. ее скука и отдаление от жизни одновременно убивают желание и свидетельствуют о его смерти; тот, кто изначально пребывает в таком состоянии и, тем не менее, живет, быть может, является человеком, которого ничто не побуждает жить»¹.

Э. М. представляет пример жизни человека, в процессе которой гасится любое категорическое желание. Насколько эти характеристики жизни, эта перспектива холодного существования окажется уместной для большинства человечества? Б. Уильямс полагает, что «эта перспектива не явится утешением для тех (мы надеемся, большей части человечества), кто хочет жить дольше потому, что хочет больше жить»², то есть будет неуместной для живых чувствующих существ, живущих не ради продления своего существования, а с целью реализации полноты своего бытия как чувствующего желającego существа. Кроме того, представляет значительный интерес следующее замечание Б. Уильямса: в «случаях, подобных случаю

¹ Уильямс Б., Случай Макропулос: размышления о скуке бессмертия // Проблема человека в западной философии. М.: Прогресс, 1988. — <http://referati.me/problemeyi-filosofii-knigi/uilyams-sluchay-makropulos-razmyishleniya-32962.html>

² Там же.

Э. М., то есть когда «Я» осознается как «Я», этого «Я» в конце концов, накопилось бы слишком много»¹. Как не устать от избытка самого себя — вот эту проблему предстоит решить сегодня апологетам бессмертия?

Роль технического прогресса в достижении бессмертия, безусловно, велика и Б.Уильямс прав в том, что в свете усиления технологии жизни и смерти человек все еще имеет счастливую возможность — умереть. Этот аспект тем более значим, что возможность умереть, приобретает характеристики артефакта, лишается естественных характеристик (достаточно, например, вспомнить про пациентов, долгие годы пребывающих в вегетативном состоянии на ИВЛ).

От бессмертия к смерти

Я рассмотрела возможные проблемы бессмертного существа, и, в частности, особенности восприятия им своего нескончаемого долгожительства. Однако давайте рассмотрим обратный сценарий: от постчеловека — к человеку. Упоение идеей бессмертия, характерное для современного трансгуманизма, лишает возможности помыслить прямо противоположный ход: от бессмертного совершенного человека к уязвимому недостаточному, онтологически неполноценному человеческому существу. Как может человек обменять свое бессмертие или сверхпродолжительную жизнь на непрочное человеческое существование?

Однако проведем мысленный эксперимент. Представьте, что Вы — некое сверхчеловеческое существо, имеющее искусственное тело, в которое пересажено сознание. Ваш организм не стареет, поскольку его изношенные части в любой момент могут быть отремонтированы или заменены на новые или же Вы — это некая информационная матрица, загруженная в сеть. И в первом, и во втором случае — Вы не испытываете дискомфорта от собственного существования. Возможно, Вам даже доступны некие человеческие наслаждения, например, от интеллектуального труда. Ваш чистый когито постоянно занят анализом данных и самоанализом и Вы потенциально бессмертны. Собственно описанный только что мною проект человека является одним из наиболее распространенных в трансгуманистической среде.

Так, в наиболее популярном в современной России трансгуманистическом проекте обретения бессмертия «Россия-2045» указывается что, на смену человечества должны придти неолюди, способные

¹ Уильямс Б. Случай Макропулос: размышления о скуке бессмертия // Проблема человека в западной философии. М.: Прогресс, 1988. — <http://referati.me/problemeyi-filosofii-knigi/uilyams-sluchay-makropulos-razmyishleniya-32962.html>

разрешить ценностный кризис общества потребления. «Неочеловечество» представляет новую эпоху — переход к космической сверхцивилизации неолюдей на базе интенсивного интенсивного развития NBIC (нано-био-инфо-когно) и GNR (генетик-нано-роботикс) технологий. Неочеловек будет создан на основе появления технологий по созданию искусственного тела. Он будет представлять собой бессмертное существо, обладающее искусственным телом (или несколькими телами) и сознанием, которое имело опыт проживания в биологическом теле, исчерпавшем все ресурсы.

Устроил бы каждого отдельно взятого индивида этот вариант собственного существования? Если нет, то по какой причине ему (Вам), возможно, захотелось стать неполноценным существом — человеком? Вам (ему) непонятен опыт, описанный в прочитанных или закачанных в Ваше сознание книг? Или не хватает расширения функциональных возможностей? А, возможно, элементарно скучно? Как было скучно упомянутой Э. М. от поднадоевшего за долгие годы статичного Я.

Заурядный смертный привык иметь дело с другой модальностью телесности — живой, чувствующей и тленной. Человек, как правило, испытывает эмоциональную антипатию по отношению к картированию телесности по образцу робота, даже если это будет шедевр искусства, шедевр живописи. Струны многообразных категорических желаний делают человека человечнее. Тело — это не холст, на котором рисуют роботов.

Последняя моя реплика отсылает к замечательному произведению А. Азимова «Двухсотлетний человек». Это научно-фантастическое произведение А. Азимова также освещает различные грани проблемы бессмертия, которые, на мой взгляд, можно свести к формулировке: пресыщенность бессмертием и стремление к хрупкости бытия.

У Азимова ситуация переворачивается с ног на голову: право голоса дается не бессмертному долгожителю, а незаурядному автономному биороботу, Робот Эндрю заявляет, что его тело — это холст, на котором он собирается нарисовать человека. И речь идет не просто о копировании внешнего облика, но об абсолютной тождественности, о принятии на себя онтологии смертного существа.

Эндрю идет на рискованные для собственного существования шаги, например, подсоединяет позитронные схемы собственного мозга к искусственным нервам, в результате чего делает более уязвимым свой мозг, разрабатывает для своего тела устройство для перерабатывания твердой пищи и т. д. Эти шаги олицетворяют процесс постепенного приближения к человеку, подражание его природе путем конструирования.

Примечателен отрывок из произведения, отражающий борьбу установки на усовершенствование человека, исходящей от человека, и установки, отражающей ценность уязвимой и неустойчивой онтологии, определяющей человеческое существо.

« — Все это мелкие амбиции, Эндрю, — сказал Макдескью. — Ты лучше, чем человек. Ты начал спускаться вниз с того момента, как выбрал органику.

— Мой мозг не пострадал.

— Нет. В этом я могу тебя заверить. Но послушай, Эндрю, весь прорыв в производстве протезных устройств, который сделал возможным твои патенты, связан в сознании людей с твоим именем. Ты — признанный изобретатель, которому оказывают почести такому, какой ты есть. Для чего же продолжать игру со своим телом?

— Быть человеком *de facto* недостаточно. Я хочу, чтобы со мной не только обращались как с человеком, но и законно признали таковым. Я хочу быть человеком *de jure*¹.

В произведении «Двухсотлетний человек» в художественной форме обсуждаются такие проблемы, как демаркация человеческого-нечеловеческого, идентичность человека, онтология артефакта. Ригидность представлений о человеческом, стандартизация его образа приводят к ценностному конфликту и доведению до абсурда самой идеи человек. Робот, как следует из текста, находится под меньшим тиском языковых детерминант и социальных условностей и в результате своей непосредственности выглядит более человеческой, напоминая ребенка, которому хочется быть взрослым и которому, никак не удается понять, что же для этого нужно сделать.

К примеру, интересен диалог между роботом Эндрю и сочувствующим ему де Лонгом, в котором осуществляется попытка установить критерии принадлежности к человеческому роду.

« — ...как бы ты ни напоминал человека внешне, ты все же не человек.

— В каком смысле не человек? — спросил Эндрю. — Я имею внешность человека и эквивалентные ему органы. Мои органы практически идентичны некоторым из тех, что имеются у людей в качестве протезов. Я внес такой же большой художественный, литературный и научный вклад в человеческую культуру, как и любой из живущих сейчас людей»².

¹ Азимов А. Двухсотлетний человек // <http://lib.ru/FOUNDATION/bicenten.txt>

² Там же.

Природа человека, как видно из отрывка, проявляется и в особой телесной организации, и в чертах внешнего облика и в наличии определенных достижений в сфере культуры, социокультурной эффективности. Однако собеседник робота Эндрю подходит к пониманию человека апофатически. Понятие человека ускользает от определений, а робот пытается втиснуть сущность человека в границы известных ему понятий. Но именно поиск в себе человеческого и делает его человеком, в то время как застывшие определения человека, которыми оперируют в человеческом сообществе, стандартизируют его существование до уровня социальной машины, автомата, набора функций.

В рассказе проясняются некоторые детали истории вопроса о человеке. Так обладание роботизированным когда-то органом лишало человека права называться человеком, однако со временем наличие артефактов внутри человеческого тела стало нормой человеческого бытия, усовершенствовало его. Широкая интерпретация принадлежности к человеческому роду столкнулась с проблемой онтологического статуса артефакта, соотношения искусственного и естественного в человеческом организме. Насколько человеческая телесность может быть искусственной? Сколько частей тела могут быть заменены на протезы? Где пролегает грань между человеком как результатом конструирования, фактически человеком-вещью и человеком как органической целостностью?

В «Двухсотлетнем человеке» эти вопросы звучат очень остро. Так, Эндрю начинает осознавать, что его отличие от человеческого рода сводится прежде всего к особому онтологическому статусу мозга: «Твой мозг изготовлен людьми, а человеческий — нет. Твой мозг сконструирован, а их — результат эволюции. Для любого человека, заинтересованного в сохранении барьера между ним и роботом, эти различия равны стальной стене в милю толщиной и в милю высотой»¹.

Однако робот Эндрю осознает свое отличие от человека, отталкиваясь не столько от осознания искусственности своего мозга, сколько от того факта, что позитронные схемы его мозга в отличие от клеток человеческого мозга потенциально бессмертны, они не умирают. Вот его слова, имеющие решающее значение для достижения самопонимания: «Люди могут терпеть рядом с собой бессмертного робота, потому что им все равно, сколько лет просуществует машина. Но они не потерпят бессмертного человека, поскольку их смертность переносима лишь до тех пор, пока она касается всех. И поэтому они не признают меня человеком»².

¹ Азимов А. Двухсотлетний человек // <http://lib.ru/FOUNDATION/bicenten.txt>

² Там же.

Статус совершенного робота не удовлетворяет Эндрю, он сознательно начинает скользить вниз по онтологической лестнице, модифицируя себя в сторону ухудшения своих характеристик, осуществляя трансгрессию из состояния артефакта в состояние естественного организма, и в итоге — умирает.

На примере, взятом из фантастической прозы, становится очевидным, что модальность живого тела всегда обращена к боли и страданию. Страдание человека определяет его онтологический статус — статус живого человеческого существа, в рамках которого выстраивается его ценностный мир. Страдание, доведенное до высшей точки, равным образом, как и доведенное до предела наслаждение, способно вывести онтологию человека из границ человеческого. Резкое увеличение продолжительности жизни, сопровождающееся устранением модусов страдающей живой телесности, будет неизменно сопровождаться устранением привычного ценностного измерения человеческого бытия.

Данное обстоятельство подводит к более общей и напряженной проблеме обоснования этики и аксиологии инотелесного существа, которая, по-видимому, не может быть разрешена в границах возможностей заурядного смертного. Его самопонимание выстраивается через процесс самопреодоления и инструментализацию телесности.

Заключение

В данной статье я рассмотрела тематизацию проблемы бессмертия преимущественно в этико-философском ключе. Необходимо отметить, что формируемый в настоящем образ будущего, все чаще предполагает резкое увеличение продолжительности жизни. И в этой связи обсуждение проблемы бессмертия возникает не только в философском контексте, но привлекает внимание представителей самых разных дисциплин, требует создания и применения новой методологии обсуждения. Дж. Харрис удачно назвал программу обсуждения будущего сканированием горизонта. Под ним он подразумевает не только созерцание будущего, но и выбор будущего, включающий сознательную подготовку к нему даже при осознании невозможности его предотвращения.

Что может продемонстрировать человеку сканирование горизонта в эпоху беспрецедентного развития технологий? Не только изнывающего от скуки долгожителя, переставшего стремиться к чему либо (поскольку с утратой возможности умереть может утратиться

и смысл любой деятельности, и самой жизни¹), но и возможность появления острых социальных проблем, например, таких, как неравенство в доступе к технологиям увеличения продолжительности жизни или вопрос о «чистке» поколений, чтобы предоставить место новым бессмертным, обеспечивая их комфортной здоровой жизнью и т.д.

Любые размышления о стратегиях выживания связаны с предпосылкой, что человек является, если выражаться в терминологии А. Гелена, «недостаточным» существом. Обделенность человека полноценными инстинктами — одна стороны этой недостаточности. Каждый момент времени заданный природным естеством, он раздвигает границы природного в своих проектах, в своих действиях, реализуя себя как свободное существо. Это следствие биологической ущербности человека, равным образом, как и необходимость его выживания в среде, обладая всего лишь неспециализированной, «бедной» телесностью. Трансгуманизм исходит из этого факта, только вместо системы социальных институтов, компенсирующих бедность телесности, человеку предлагается система артефактов, которая будет способна усилить его возможности, его способности. Но подобное технологическое усиление с неизбежностью оборачивается «уменьшением» самого человека.

¹ Этот аспект прекрасно раскрыт у Борхеса в рассказе «Бессмертный»: Смерть (или память о смерти) наполняет людей возвышенными чувствами и делает жизнь ценной. Ощущая себя существами недолговечными, люди и ведут себя соответственно; каждое совершаемое деяние может оказаться последним; нет лица, чьи черты не сотрутся, подобно лицам, являющимся во сне. Все у смертных имеет ценность — невозвратимую и роковую. У Бессмертных же, напротив, всякий поступок (и всякая мысль) — лишь отголосок других, которые уже случались в затерянном далеке прошлого, или точное предвестие тех, что в будущем станут повторяться и повторяться до умопомрачения. Нет ничего, что бы не казалось отражением, блуждающим меж никогда не устающих зеркал. Ничто не случается однажды, ничто не ценно своей невозвратностью. Печаль, грусть, освященная обычаями скорбь не властны над Бессмертными. И еще в дополнение прекрасный пассаж: «Этот взгляд на мир как на систему, где все обязательно компенсируется, повлиял на Бессмертных всемерно. Прежде всего, они потеряли способность к состраданию. Я упоминал заброшенные каменоломни по ту сторону реки; один из Бессмертных свалился в самую глубокую; он не мог разбиться и не мог умереть, но жажда терзала его; однако прошло семьдесят лет, прежде чем ему бросили веревку. Не интересовала их и собственная судьба. Тело уподобилось покорному домашнему животному и обходилось раз в месяц подачкою из нескольких часов сна, глотка воды и жалкого куска мяса».

Литература

Азимов А. Двухсотлетний человек // <http://lib.ru/FOUNDATION/bicenten.txt>

Турчин В., Джослин К. Кибернетический манифест // <http://refal.net/turchin/phenomenon/cybernetic-manifesto.htm>

Уильямс Б. Случай Макропулос: размышления о скуке бессмертия // Проблема человека в западной философии. М.: Прогресс, 1988. — <http://referati.me/problemyi-filosofii-knigi/uilyams-sluchay-makropulos-razmyishleniya-32962.html>

От концепта «машина» к индивидуации субъекта как «духовного автомата»¹

Свирский Я. И.

From concept «machine» to the individuation of the subject as a «spiritual automaton»

Svirskiy Y. I.

Аннотация. В предлагаемой статье делается попытка, хотя бы пунктирно, обосновать версию эволюции, или становления, термина «машина» как смыслообразующего концепта, поле применимости которого постепенно распространяется от конкретных изделий (телефонов, двигателей, турбин) до псевдо-метафорического использования в обширных областях культуры («абстрактная машина» Ж. Делеза и Ф. Гваттари).

Ключевые слова: концепт машина, индивидуация, субъект, духовный автомат

Abstract. In this paper an attempt is made, at least in dotted line, to justify the version of evolution, or becoming, of term «machine» as a sense-forming concept which semantic field of applicability gradually spreads from specific products (telephones, engines, turbines) to pseudo-metaphorical using in large areas of culture («abstract machine» of G. Deleuze and F. Guattari).

Keywords: concept machine, individuation, subject, spiritual automaton

Тема, связанная с концептом «машина», беспокоит размышляющие умы довольно давно. Если не обращаться к рычагам Архимеда, то, по крайней мере, начиная с Декарта и его «механистического» истолкования мироздания, сюжеты, ориентированные на то, что универсум предстает в виде некоего машинного устройства, возникают с завидной периодичностью. Достаточно вспомнить весьма яркие сочинения Ламетри «Человек-машина» и «Растение-машина». Более того, здесь возникают определенного рода моральные и этические проблемы, поскольку, «освобождаясь от души, машина также избавляется от предрассудков морали; недоступная угрызням совести и жалости, недостижимая для сознания вины, она в конечном итоге утверждает, что если души не существует, то все позволено. С другой стороны, машина — это устройство, которое, начав работу, перестает быть хозяином собственных движений: они определяются лишь конструкцией машины и запасом энергии. Движения

однажды запущенного механизма уже не поддаются коррекции, результат функционирования машины всегда неизбежен и предопределен. Уделом тела-машины становится своего рода «судьба влечений». Исключается всякая возможность существования воли, готовой взять на себя ответственность; остается лишь данность слепого материального порядка, называемого «природой», которому благоразумно подчиниться, сохраняя при этом чувство юмора».¹ Далее Энафф ссылается на Ламетри: «Мы же не будем претендовать на власть над тем, что управляет нами, не будем ничего предписывать нашим ощущениям, признавая их власть и наше рабское подчинение им; мы постараемся только сделать их приятными для нас, будучи убеждены, что в этом состоит счастливая жизнь».²

Конечно же, тут имеет место то, что можно было бы назвать инверсным истолкованием теологических сюжетов, связанных с тем, что далеко не все зависит от человеческих намерений, а то, что зависит, отнюдь не всегда принадлежит самому человеку. Как говорит один из персонажей широко известного произведения: «кирпич ни с того ни сего никому и никогда на голову не свалится». То есть, при обсуждении «машины» речь заходит о традиционных сюжетах, связанных с идентификацией личностных характеристик субъекта, и прежде всего с дихотомией между его свободой и зависимостью от внешних и внутренних обстоятельств.

* * *

Но такое обобщенное представление о «машине» как смыслообразующем концепте размывается, если обратиться к конкретным рассуждениям того, как «реально» работают те или иные механические изделия. В этом отношении весьма полезны размышления французского философа Жильбера Симондона, изложенные в его трактате «О способе существования технических объектов». Прежде всего, Симондон переориентирует этико-моральное отношение к машине, придавая последней статус самостоятельно эволюционирующего «технического существа», выступающего не столько моделью мироздания (или человеческого тела) и не столько посредника между человеком и природой, сколько некой самостоятельной инстанции, выражающей самого человека. При этом Симондон придает термину «машина» особое именование: «технический объект». Симондон утверждает, что «каждый технический объект подвержен генезису»³, который подобен биологической эволюции. «Однако, определить

¹ Энафф М. Маркиз де Сад: Изобретение тела либертена. СПб.: ИЦ Гуманитарная Академия, 2005. С.52.

² Ламетри Ж. О. Сочинения. М.: Издательство Мысль, 1983. С. 242.

³ Simondon, G. Du mode d'existence des objets techniques. Paris: Aubier, 1958. P. 19.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФНФ, грант № 12-03-00625

генезис каждого технического объекта трудно, ибо индивидуальность технических объектов модифицируется в ходе генезиса»¹. При этом, не следует, согласно Симондону, делать акцент на утилитарные цели, ради которых создавался тот или иной технический объект, «поскольку никакая фиксированная структура не соответствует своему определенному использованию. Мы можем получить тот же самый результат из совсем другого функционирования и структур: паровые двигатели, бензиновые двигатели, турбины, приводимые в действие с помощью пружин или гирь, — все это двигатели; все же, при этом, есть более удачная аналогия между пружинным двигателем и луком или арбалетом, нежели между пружинным и паровым двигателем; у часов с весами двигатель аналогичен лебедке, в то время как электрические часы аналогичны дверному звонку или гудку. Использование объединяет гетерогенные структуры и функции в роды и виды, которые обретают свое значение исходя из отношений между их собственными функциями и иной функцией, а именно функцией человека в действии».² Тогда, конкретный технический объект — это не та или иная вещь, но то, у чего есть собственный генезис, то, что обладает собственным единством, индивидуальностью, и чья специфика конституируется из характеристик, совпадающих с его генезисом. «Генезис технического объекта — часть его бытия»³. «Прошлая эволюция технического существа остается как нечто существенное для этого существа в его технической форме. Техническое существо, кое является носителем техничности согласно тому, что мы называем аналитическим применением, не может быть объектом адекватного знания, если временное значение его эволюции не схвачено как нечто существенное для него. Адекватное знание, о котором мы говорим, — это техническая культура, в отличие от технических знаний, которые ограничиваются пониманием в каждодневном применении изолированных систем функционирования. Поскольку отношения, существующие на уровне техничности между одним техническим объектом и другим, являются как горизонтальными, так и вертикальными, постольку тип знания, достигаемого через определения рода и видов, не может пригодиться [для дальнейшего использования — Я. С.]. И тогда мы попытаемся указать, в каком смысле отношение между техническим объектом является трансдуктивным»⁴. То есть, технические объекты, или машины, как таковые, не предшествуют своему собственному

¹ Simondon, G. Du mode d'existence des objets techniques. Paris: Aubier, 1958. P. 20.

² Idem. P. 21.

³ Idem. P. 21.

⁴ Idem. P. 22.

становлению, но они присутствуют на каждой стадии своего становления. Технический объект — это единство становления, становления (а в иной терминологии: индивидуации) техники и человека.

Мы не будем приводить здесь подробные описания становления конкретных технических объектов (или машин), какие предлагает Симондон, ссылаясь, например, на эволюцию бензинового двигателя вплоть до современного, где каждая часть «так связана с остальными через взаимные обмены энергии, что она не может быть иной, чем она есть. Форма цилиндра, форма и размер клапанов и форма поршня — все это часть одной той же системы, в которой имеет место множество взаимных обменов энергии».¹ Современный двигатель, говорит Симондон, — это конкретный двигатель, а прежний двигатель был абстрактным. В прежнем двигателе каждый элемент вступал в игру в определенный момент в заранее заданном цикле и, тогда, он, по-видимому, не оказывает никакого эффекта на другие элементы. В данном случае разные части двигателя подобны индивидуам, каковые могли бы продумываться как работающие каждый в свою очередь без какого-либо знания друг о друге. В таком случае речь идет о, своего рода, сведении разнообразных структур к некоему единству, а не к поиску компромиссов между конфликтующими требованиями. Если предполагаемое функционирование тех или иных машин (технических устройств) представляет собой некий эрзац абстрактного замысла их изобретателя, то становление — именно становление — самой машины «происходит» как раз на границе предполагаемых функций. Подобное становление придает техническому объекту его специфическую идентичность.

Конечно же, человеческая потребность в инструментальном освоении окружающей среды может развиваться до бесконечности, но те машины (технические объекты), каковые предполагаются в качестве посредников в ходе такого освоения, численно ограничены. Машина существует как особого рода тип, достигаемый в конце некой сходящейся серии, которая движется от абстрактного состояния к конкретному: она движется к тому состоянию, где превращается в систему, полностью когерентную самой себе.

В таком случае, следуя стратегии Симондона, можно говорить о том, что машина, выступая в качестве посредника между человеком и природой (то есть между двумя трансцендентными инстанциями, согласно Канту), являет собой некую «складку», благодаря которой человеческое контингентно сливается с техническим. «Техника сама становится средой в самом полном смысле этого слова. Техника окружает нас как сплошной кокон без просветов, делающий

¹ Simondon, G. Du mode d'existence des objets techniques. Paris: Aubier, 1958. P. 22.

природу (по нашей первой непосредственной оценке) совершенно бесполезной, покорной, вторичной, малозначительной».¹ Техничность (другими словами, машинность) уже не имеет отношения к определенному действию (к деятельностной концепции понимания сознания), она не является только лишь набором технологических операций. Машинность претендует, как об этом уже говорил Маркс, на то, чтобы заменить человека. Тем не менее, такая замена несколько фантазматична, поскольку технические объекты «живут своей жизнью» рядом с теми практиками, какими пользуется человек (выступая, по Декарту, в качестве субъекта). Безусловно, мир машин обеспечивает некую энергетическую составляющую мира человека. Но справедливо и обратное: человек подпитывается определенной машинерией, маскируя подобное подпитывание терминами «информация», «обработка материала», «технологическая среда» и т. п. Хотя под такой маскировкой проступает то обстоятельство, что современные технологии составляют ту среду обитания (эйкуменон), где и живет современный человек.

Именно в этом смысле Симондон разворачивает собственную теорию техничности, критикуя традиционную аристотелевскую гилеморфическую интерпретацию мироздания. «Чтобы сконструировать функционирующий технический объект, человеку нужно представить себе его функционирование как совпадающее с осуществляющей его технической операцией. Функционирование технического объекта принадлежит к тому же порядку реальности, к той же системе причин и следствий, что и техническая операция; здесь уже нет разнородности между подготовкой технической операции и функционированием этой операции; операция продолжает техническое функционирование, а функционирование предваряет её: функционирование есть операция, операция есть функционирование. Речь уже идёт не о труде, не о работе машины, но только о функционировании как упорядоченной совокупности операций. Тогда форма и материя, если на этом этапе они ещё существуют, находятся на одном уровне, являются частями одной системы. Между техническим и природным — непрерывность. Гилеморфическая схема является частью нашей культуры; она передана нам из Античности, и в большинстве случаев мы полагаем, что она совершенно обоснована, не относится к какому-то частному опыту и что хотя, быть может, придавая ей обобщённый смысл, ей злоупотребляют, она, однако, равнообъёмна вселенной»².

¹ Simondon, G. *Du mode d'existence des objets techniques*. Paris: Aubier, 1958. P. 23.

² Симондон Ж., О способе существования технических объектов // Альманах «Транслит», 2011, № 9. С. 94-105.

Формовка материи предстает здесь как уже упомянутый ранее тип «индивидуации», который, собственно, и совпадает с тем, что именвалось «конкретизацией технического объекта» и, одновременно, с конкретизацией человеческого существа. Пребывая в среде технического человек сталкивается с необходимостью осмысливать тот онтологический статус, о котором говорил, в свое время, Хайдеггер. Но, в отличие от Хайдеггера, Симондон не сетует относительно того, что машины, или техничность причастны к человеческому существу, принимая, конечно, во внимание, что подобная причастность может нести в себе риски и угрозы самому существованию человека. Но эта же причастность открывает также и новые возможности для расширения человеческих потенций. В том мире, в каком мы пребываем, нет того, чего бы мы не сделали сами, ориентируясь на собственные потоки желаний. «Технический объект как бы содержит в себе возможности которыми обладает человеческое тело, которые являются в нем составляющей его функциональной структуры. Получается, что машина расширяет человеческие возможности. Фактически, человеческое тело становится архетипом при создании тех или иных машин. Глаза стали архетипом при создании биноклей, руки — вдохновили изобретателей при изготовлении механических зажимов. Если предположить, что требование прозрачного управления материальными ресурсами государства является этическим, то мы можем также сказать, что это в значительной степени достижение технологической цивилизации. Заслуга Симондона заключается в том, что в своих исследованиях он доказывает, что каждый технический объект имеет свой способ существования и этот способ никогда не должен зависеть от социальных и политических интересов»¹.

Дистанцируясь от Хайдеггера, Симондон демонстрирует определенный оптимизм в отношении машин. И подобный оптимизм он выражает, обсуждая рост кристалла на гранях. «Кристалл дает нам идеальную модель индивидуации объекта: объект конкретизируется из внешней доиндивидуальной среды — в данном случае насыщенного раствора, находящегося в метастабильном состоянии и обладающего высоким потенциалом, — и ядра (*germe*), сингулярности, которая запускает процесс, заставляя раствор «схватываться». Кристалл возникает как результат встречи двух объектов, среды и внешнего фактора, и является результатом «разрядки» напряжения между двумя полюсами»².

¹ Дедюлина М. А., Среда и высокие технологии в работах Ж. Симондона — <http://human.snauka.ru/2013/12/5353>

² Скопин Д., Мембрана и жизнь в складках: Жильбер Симондон и Жиль Делез // Синий диван, № 16. М., Три квадрата, 2011. С. 237.

Как раз при осмыслении отношения между органической и неорганической материями рождается понятие «мембрана». Любой организм, согласно Симондону, обладает телом как определенным пределом. Если у простых организмов существует строгая оппозиция между внутренним и внешним, то в более сложных организмах имеет место система посредничества между данными полюсами. «Сложный организм построен как система промежуточных звеньев между ним самим и внешними ему формами, так что он никогда не располагается полностью в себе самом, но постоянно выходит за свои пределы в жизненном акте. Сложный организм никогда нетождественен себе, а жизнь располагается не внутри организма, но в трансдуктивном отношении, связывающем внутреннее и внешнее, в той парадоксальной структуре, которой является мембрана».¹

Термин «мембрана», отсылающий в том числе и к исследованиям Хельмута Плеснера предполагает различие внутреннее-внешнее, подразумевающее в том числе и некую топологию, когда «каждая точка технической и жизненной среды соответствует самой себе и любой другой точке этих сред. ... Формирование материи в данном случае заменяется индивидуацией. Технологии изучаются как среда обитания. Для него техника является своеобразным продолжением человеческой реальности. Достижения Симондона заключается в том, что в своих научных размышлениях он доказывает, что любой существующий технический объект [машина — Я. С.] имеет свой экзистенциальный путь и он не должен зависеть от политических, экономических и социальных интересов, что и раскрывается им успешно в концепциях кристалла и мембраны».²

Итак, концепт «машины» выходит далеко за рамки механистического (по Декарту) понимания мироздания. И здесь, на мой взгляд, уместно обратиться к тому, как используется данный термин в философской концепции Делёза и Гваттари. «"Машина" Делёза и Гваттари состоит из мобильных связей между различными элементами, которые различаются как по происхождению, так и по выполняемой функции. Исходя из концепта "машины", выработанного ими совместно с Делёзом, показал процесс конституирования субъективности. У Делёза и Гваттари «машины» выступают означаемым по отношению к машинным взаимодействиям, которые, таким образом, всегда есть нечто большее, чем знаковые отношения. Поэтому именно в этой "машинности" Гваттари видел возможность освобождения от "семиотического рабства"».³

¹ Скопин Д., С. 238.

² Дедюлина М. А., Там же.

³ Дьяков А. В. Феликс Гваттари: Шизоанализ и производство субъективности. Курск: Издательство Курского государственного университета, 2006. С 39.

Более того, Делез и Гваттари предлагают термин «абстрактная машина», позволяющий им особым образом интерпретировать становление субъективности — субъективности не как изначально данной инстанции, а как того, что пребывает в непрерывной динамике, разрушающей идеалы репрезентативности и, в конечном счете, рациональности (как она конституировалась в Просвещении), субъективности как «конкретного технического объекта». Согласно Делёзу и Гваттари имеет место целый «бестиарий» машин, конституирующий становление субъективности.¹

Если обратиться к Аристотелю (автору гелиморфической модели мироздания), то последний рассматривал технику (techne) как то, что не может быть воспроизведено естественным путем. Только человек способен создавать нечто, подобное машинам. Однако, сегодня (имея ввиду интернет, нанотехнологии и разнообразные гаджеты) можно усмотреть ту самостоятельность, какой обладают все эти технические изделия. Последние обладают, по видимому, тем свойством, которое можно назвать, пользуясь терминами Ф. Варелы и У. Матураны, «автопойэзисом», то есть неким самопроизводством, приписываемым как правило только живым существам. То есть, техничность (машинность) обретает не столько качество «раскрытия истины» (Хайдеггер), сколько предлагает определенные ресурсы становления с учетом, конечно же, тех «обратных связей», какие имеют место, в том числе, и в повседневной жизни.

То есть, «Машина — не просто совокупность деталей, составляющих её элементов, при всей своей механичности она также носительница фактора самоорганизации, обратной связи и автореференции. Существуют машины, или системы, обнаруживаемые на социальном и экономическом уровнях, а также на уровне биосферы. И высказывание конкретного индивида, который обращается к своему соседу или консьержке, есть лишь «терминал» комплексного плана всех этих машинных систем, представляя собой их пересечение».²

То есть, концепт машины не сводится к технологическим определениям. Согласно Делезу и Гваттари термин «машина» можно использовать и для того, чтобы обозначать выразительную устойчивость того или иного состояния вещей. Подобная выразительность обладает определенными характеристиками: эстетическими, диаграмматическими, индивидуальными, когнитивными и т. д. Именно в таком случае машина становится «абстрактной». Причем

¹ Здесь уместно вспомнить и о размышлениях М. М. Бахтина относительно функционирования языка, как субъектообразующей инстанции [Волошинов В. Н. (Бахтин М. М.) Марксизм и философия языка. М.: Лабиринт, 1993 г.]

² Critical Assessments: (Deleuze and Guattari) / Ed. G. Genosko. Londres, 2000 [перевод Дьякова А. В.].

такая абстрактность совмещается с той конкретностью, о какой говорит Симондон. Абстрактная машина трансдуктивно пересекает и онтологические самоутверждения субъекта, и его «неясные и нечетливые» проявления в Эйкумене. Такого рода машинность обозначается Делезом и Гваттари термином «машинный план», причем такой план не предполагает однозначности экзистенциальной составляющей человека. Скорее, речь идет о поле возможностей, какие позволяют те технологии, какие разворачивают потенции человека. «Приобретая всё больше жизненности, машины отрываются от человека. Компьютер представляет собой пространство мутации мысли. Машины увлекают за собой человека, мышление которого становится машинным. Научно-техническое мышление уже представляет собой механизацию мышления и знаковых систем».¹ То есть, речь идет о существовании некоей потенциальной машинности, воплощаемой в конкретном техническом объекте, с которым связана социальная и когнитивная среда (в терминологии Делеза: «ассоциированная среда»). Именно так «формируются социальные машины, машины-тела, машины научные, теоретические, информационные. Абстрактная машина пронизывает все эти машины, оставаясь в то же время гетерогенной по отношению к ним и не представляя собой универсального объединяющего начала».²

* * *

И чтобы завершить рассматриваемые сюжеты, обратимся к тем анализам, какие произвел Делез относительно творчества Спинозы, а именно к его произведению «Спиноза и проблема выражения». И потому в заключение приведем обширную цитату из этой книги.

«Форма вообще не противостоит содержанию. Формальное бытие противопоставляется объективному, или репрезентативному, бытию: идея идеи — это идея в ее форме, независимо от объекта, который она представляет. Действительно, мышление, как и все атрибуты, автономно; таким образом, модусы мышления, идеи суть автоматы. Они, так сказать, зависят — в своем формальном бытии — только от атрибута мышления: здесь они рассматриваются “безотносительно к объекту”. Форма идеи противостоит, таким образом, своему объективному, или репрезентативному, содержанию. Но она несколько не противостоит какому-то другому содержанию, которым идея обладала бы сама по себе независимо от объекта, который она представляет. Действительно, мы должны остерегаться двойной ошибки, касающейся как содержания, так и формы идеи.

¹ Дьяков А. В. Там же. С. 45.

² Дьяков А. В. Там же. С. 48.

Предположим, что мы допускаем определение истины как соответствия идеи ее объекту. Конечно же, это ничего не говорит нам о форме истинной идеи: так откуда же мы можем знать, что идея согласуется со своим объектом? Это ничто, также, не сообщает нам о содержании истинной идеи; так как истинная идея, согласно этому определению, не будет обладать большей реальностью или внутренним совершенством, чем ложная идея. Концепция истины как соответствия не дает нам никакого определения — ни материального, ни формального — истины; она предлагает чисто номинальное определение, внешнее именование. Итак, видимо, мы можем думать, что “ясность и отчетливость” дают лучшее определение, то есть, внутреннюю характеристику истины, какой она является в идее. Но они на самом деле ничего такого не делают. Взятые сами по себе, ясность и отчетливость относятся к содержанию идеи, но они относятся только в своем “объективном” или “репрезентативном” содержании. Они также относятся к форме, но только к форме “психологического сознания” идеи. Итак, они позволяют нам опознать истинную идею — именно ту самую идею, которая предполагается методом, — но не дает никакого знания ни о материальном содержании этой идеи, ни о ее логической форме. Более того, ясность и отчетливость не могут вывести нас за пределы дуальности формы и содержания. Картезианская ясность не едина, а дуальна; сам Декарт приглашает нас различать материальную очевидность, которая будет выступать как ясность и отчетливость объективного содержания идеи, и формальную очевидность, ясность которой придает “основание” нашей вере в идею. Это тот дуализм, который продолжается в картезианском разделении ума и желания. Короче, картезианство терпит неудачу не только в том, чтобы постичь истинное содержание идеи, как содержание материальное, и истинную ее форму, как логическую форму идеи, но и в том, чтобы подниматься до положения “духовного автомата”, подразумевающего тождество этих двух.

Есть некий логический формализм, который не смешивается с формой психологического сознания. Есть материальное содержание идеи, которое не смешивается с репрезентативным содержанием. Достаточно достичь такой истинной формы и такого истинного содержания, чтобы понять, в то же время, их единство: душа или ум как “духовный автомат”. Его форма, как форма истины, составляет одно с содержанием какой-либо истинной идеи: именно мысля содержание некоей истинной идеи, мы имеем то, что мы отражаем идею в ее форме и постигаем наше мощь познания. Тогда мы видим, почему метод включает в себя две части, и почему первая часть необходимо превосходит вторую. Первая часть метода, или его конечная цель, касается формы истинной идеи — идеи идеи — или

рефлексивной идеи. Вторая часть касается содержания истинной идеи, то есть, адекватности идеи. Эта вторая часть выступает в качестве средства, подчиненного некоей цели, а также в качестве средства, от которого зависит осуществление цели. Она спрашивает: в чем состоит содержание идеи, то есть, идеи в качестве адекватной идеи?

Начиная с идеи Бога, производство идей является само по себе воспроизводством вещей природы; соединению идей не нужно воспроизводить соединение вещей, поскольку оно автоматически воспроизводит такое соединение в той мере, в какой идеи производятся — сами и на свой манер, — начиная с идеи Бога.

Действительно, идеи «представляют» нечто, но именно потому, что они представляют нечто только потому, что они «выражают» свою собственную причину и выражают сущность Бога, который задает эту причину. Все идеи, говорит Спиноза, выражают или окутывают сущность Бога, и — поскольку они таковы — являются идеями реальных или истинных вещей. Мы более не пребываем в регрессивном процессе, который присоединяет истинную идею к ее причине, даже с помощью фикции, дабы возвысится — настолько быстро, насколько возможно, — до идеи Бога: этот процесс определял бы по праву только содержание истинной идеи. Мы следуем теперь за постепенным ходом, исключая любую фикцию, переходя от одного реального существа к другому, выводя идеи — одни из других, — начиная с идеи Бога: тогда, идеи связываются согласно их собственному содержанию; а также их содержание оказывается определенным благодаря такому соединению; мы схватываем тождество формы и содержания, мы уверены, что соединение идей воспроизводит реальность как таковую. Как такая дедукция делается детально, мы увидим позже. В настоящий момент нам достаточно рассмотреть, как идея Бога, будучи абсолютным принципом, освобождается от гипотезы, из которой мы исходили, дабы возвыситься до нее, и фундирует соединение адекватных идей, тождественное конструированию реального. Таким образом, вторая часть метода не удовлетворяется теорией генетического определения, но должна завершиться в теории продуктивной дедукции.

Следовательно, метод Спинозы включает в себя три большие главы, причем каждая тесно вовлечена в другие. Первая сторона метода касается цели мышления: она состоит не столько в знании чего-то, сколько в знании нашей способности познавать. С этой точки зрения, мысль рассматривается в собственной форме: форме истинной идеи, это идея идеи или рефлексивная идея. Формальное определение истины таково: истинная идея — это идея поскольку, поскольку она объясняется нашей способностью познавать. Метод, в этом первом аспекте, сам себе по себе рефлексивен.

Отметим, насколько Спиноза настаивает на таком единстве в соединении. В тот самый момент, когда он говорит, что метод предназначен не для того, чтобы сообщать нам знание о чем-либо но для того, чтобы сообщать нам о нашей способности понимать, он добавляет, что мы познаем последнюю лишь в той мере, в какой познаем настолько много вещей, связанных друг с другом, насколько возможно. Наоборот, когда он показывает, что наши идеи являются причинами друг друга, он заключает, что все имеет в качестве причины нашу способность познавать или мыслить. Но главным образом, термин «духовный автомат» свидетельствует о таком единстве. Душа является своего рода духовным автоматом, то есть: мысля, мы повинемся только законам мышления, законам, которые задают, сразу, и форму, и содержание истинной идеи, которая вынуждает нас связывать идеи согласно их собственным причинам и следуя нашей собственной способности, так что мы постигаем нашу способность понимать только постигая причины всех вещей, которые подпадают под эту способность».¹

¹ Deleuze G. Spinoza et le problème de l'expression. Paris, Les Editions de Minuit, 1968. P. 114-129.

Литература

- Волошинов В. Н. (Бахтин М.М.) Марксизм и философия языка. М.: Лабиринт, 1993.
- Дедюлина М. А. Среда и высокие технологии в работах Ж. Симондона — <http://human.snauka.ru/2013/12/5353>
- Дьяков А. В. *Жиль Делез*. Философия различия. СПб.: Алетейя, 2013.
- Дьяков А.В. Феликс Гваттари: Шизоанализ и производство субъективности — *Курск: Издательство Курского государственного университета, 2006.*
- Ламетри Ж. О. Сочинения. М.: Издательство Мысль, 1983. С. 242.
- Симондон Ж. О способе существования технических объектов // Альманах «Транслит», 2011, № 9.
- Скопин Д. Мембрана и жизнь в складках: Жильбер Симондон и Жиль Делез // Синий диван, № 16. М., Три квадрата, 2011.
- Спиноза Б. Этика // Собрание сочинений в 2-х томах, т. 1, 1957.
- Хайдеггер М. Вопрос о технике // Новая технократическая волна на западе. М.: Прогресс, 1986.
- Энафф М. Маркиз де Сад: Изобретение тела либертена. СПб.: ИЦ Гуманитарная Академия, 2005. С.52.
- Deleuze G. Spinoza et le problème de l'expression — Paris, Les Editions de Minuit, 1968.
- Simondon G. Du mode d'existence des objets techniques — Paris: Aubier, 1958.

«Машинерия менеджмента в конвергенции биотехнологий и инфовласти»¹

Т. А. Сидорова

«Machinery management in the convergence of biotechnology and infopower»

T. A. Sidorova

Абстракт. В статье прослеживается как конвергенция современных био-инфо-социальных технологий приводит к изменению контуров биовласти. На примере менеджмента клинических исследований, методики кризис-менеджмента в этой сфере рассматриваются формы управления человеком, дегуманизация процедур этической экспертизы. Если М. Фуко отмечал ущерб воздействия биовласти в области «заботы человека о себе», то ее современная архитектура включает контроль над природой человека, рынок биотехнологий, в том числе рынок клинических исследований, объектом биовласти становятся целые популяции. Клинические исследования являются не просто областью научного труда и инновационных технологий. Сегодня это область многомиллиардных инвестиций, за которые конкурируют бизнес-структуры. Создание контрактно-исследовательских организаций (CRO), которые занимаются проведением клинических испытаний в режиме аутсорсинга для фармкомпаний, говорит о рационализации производства лекарственных средств в погоне за увеличением эффективности бизнеса и извлечением прибыли. Однако это не приводит к удешевлению лекарств и обеспечению их доступности. Биовласть в области клинических исследований сегодня осуществляется не учеными, а теми, кто управляет процессом исследований и делает это с помощью рычагов информирования. Приведенная в качестве образца стратегия кризис-менеджмента в случае возникновения нежелательных явлений при испытании лекарственных средств, наглядно демонстрирует по крайней мере, три факта. Во-первых, первоочередной задачей является не забота об испытуемых, а сохранение репутации компании. Во-вторых, главная роль в кризис-менеджменте отводится организации информационного пространства и контролю над информационными потоками, в-третьих, этические комитеты игнорируются как инстанция, влияющая на решение.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 12-03-00625.

Abstract. The article traces how the convergence of modern bio-info-social technology leads to changes in the contours of bio-power. On an example of the management of clinical trials, the Crisis Management techniques in this area are considered forms of management person dehumanization of ethical review procedures. If Foucault pointed out the damage effects of biopower in the “man cares about me,” its modern architecture includes control over human nature, biotech market, including the market for clinical trials, the object of bio-power are entire populations. Clinical studies are not just the area of scientific work and innovative technologies. Today it is the region billions of dollars of investment, which compete for the business structure. Creating a contract research organization (CRO), who are engaged in conducting clinical trials in the mode of outsourcing for pharmaceutical companies said the rationalization of the production of medicines in the pursuit of increasing business efficiency and profit. However, this does not lead to cheaper medicines and ensure their availability. Bio-power in clinical research today is carried out not by scientists, but by those who control the process of research and does so with the help of levers information. The information contained in the sample as a strategy of crisis management in the event of adverse events during the test drugs, demonstrates at least three facts. First, the primary goal is to not care about the subjects, but to preserve the company’s reputation. Secondly, the main role in the crisis-management given to the organization of the information space and control the information flow in the third, ethics committees are ignored as a court affecting the decision.

Ключевые слова: биовласть, гуманитарная экспертиза, клинические исследования, менеджмент, информационные процессы, биотехнология.

Keywords: biopower, humanitarian expertise, clinical research, management, information processes, biotechnology.

С того времени, когда М.Фуко начал исследование властных дискурсов, социальные процессы в современном обществе, обозначаемом как глобальное, постмодерновое, рефлексивное, информационное, заметно изменили их конфигурации и способы влияния. Обратимся к трансформациям биовласти в системах и структурах, которые управляют современным обществом. Биовласть М. Фуко была проанализирована с позиции эпистемологической эволюции — превращения знания во власть, конвергенции дисциплины научной и организационной в процессе установления контроля за индивидом. Человек в системе биовласти становился предметом научного исследования, а затем — объектом управления благодаря этому знанию через механизмы социального призрания, заботы,

экономического планирования и политической манипуляции. Антропологический ущерб от подчинения и контроля М. Фуко диагностировал в соответствии с историческими реалиями современного ему общества. Он состоял в превращении человека из субъекта своих желаний и заботы о себе, в элемент властных технологий по производству человека как члена социума.

Принимая во внимание революционные изменения, произошедшие за последние десятилетия благодаря NBIC-технологиям, можно оценить формы этого ущерба в проекциях новой архитектуры биовласти. Если в классическом варианте в дискурсах власти выделяются механизмы принуждения и подчинения, объективации и превращения человека в элемент социальной машинерии, то сегодня властный дискурс не столь прямолинеен и однозначен. Во-первых, благодаря новым биомедицинским технологиям в области генетики и вспомогательной репродукции он становится формой буквального контроля над природой человека, его наследственностью и актором преобразования базовых социальных структур, таких как системы родства, семьи, родительско-детской связи и т. д.. Во-вторых, биовласть в форме биополитики и рынка биотехнологий сегодня играет значимую роль в транснациональном, глобальном экономическом устройстве, поэтому принуждение и подчинение в зависимости от обладания технологиями и информацией сегодня осуществляется не только по отношению к индивиду, но и к популяциям, народам и странам. Не напрасно последние редакции Хельсинской Декларации, требуют учитывать интересы популяций при проведении биомедицинских исследований. Потому что сами исследования, особенно клинические исследования, стали частью глобального рынка, сферой производства и распределения прибыли в колоссальных масштабах. В этих новых механизмах биовласти уязвимым является не просто отдельный человек — испытуемый, как носитель своей субъектности и идентичности, а целые популяции, которые как сами по себе, так и для индивида являются основой человеческого достоинства, которое следует защищать. Кроме того, конвергенция биотехнологий с социальными и информационными средствами для их реализации, создает мощный ресурс для влияния на системы общественного здравоохранения и таким образом на национальную безопасность стран.

В-третьих, нужно отдельно выделить в системе современных средств контроля над жизнью и здоровьем социальные технологии, способствующие адаптации научно-технологических инноваций в обществе. Роль социальных технологий (СТ) в научно-производственном менеджменте подробно была рассмотрена П. Д. Тищенко. Нужно подчеркнуть, что социальные технологии «размещают»

технологические достижения и научные знания не только в системе производства и потребления современного общества, но и в активно формируют новые моральные императивы, управляя таким образом сознанием современного человека, формируя его ожидания и готовность к принятию новшеств. «Благодаря умелому использованию разнообразных СТ производители инновационных продуктов формируют в обществе потребность в нем. Общество начинает «жевать» потенциальный продукт, не имея его в реальном обороте. Поэтому, когда он появляется в форме, предназначенной для производства, то уже застаёт разнообразных субъектов готовых этот продукт производить, продавать, рекламировать, потреблять. Причем, никого не нужно заставлять. Каждый субъект в социально-распределенной сети производителей и потребителей преследует свой собственный интерес, хочет получить серьезную выгоду. Эта социальная среда коммуницирующих разнородных субъектов «всасывает» инновационные продукты».¹

В менеджерско-маркетинговой машинизации общества и человека происходит утрата такого важного качества как произвольность или контингентность, случайность, непреднамеренность человеческого действия, которое делает возможным собственный экзистенциальный проект. Собственно говоря, проекта уже не остается как возможности, остается проект как намеренное рационально обдуманное манипулирование чужой жизнью. Ханс Йоас, автор современной социологической теории креативного действия, связывает тенденцию к самореализации в современных стилях поведения с усилением значимости самотворчества индивида. Однако, не являются ли способы индивидуального самовыражения результатами проектной деятельности креативных менеджеров в различных плоскостях социума начиная от производственно-потребительской сферы, образования, информационной среды и т. д.?

Когда-то М. Фуко, Альтюссер в структуралистской методологии увидели возможность превращения гуманитарного знания в разновидность научного, дабы гарантировать его объективность и общезначимость. Смысл критериев научности в современной науке также меняется. Общезначимость от значения объективности дрейфует к значению применимости. Сегодня гуманитаристика вооруженная прикладными методиками, способна создавать технологии управления и не уступает по силе воздействия естественным

¹ Тищенко П. Д. Социальные технологии и трансдисциплинарные основания инноватики // Рабочие тетради по биоэтике Вып. 14: Трансдисциплинарность, нанотехнологии и инноватика: сб. науч. ст. / под ред. П. Д. Тищенко. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2012. С.16

наукам. Технологии экспертных анализов и гуманитарных экспертиз имеют значение такое же важное, как и научная технология, которую они сопровождают.

Инновационный менеджмент клинического исследования как вариант машинизации человека в биомедицине

Клиническое исследование — этап биомедицинского эксперимента, который проводится с привлечением человека. Доклинические испытания проводят на животных и биологических моделях. Интенсивное регулирование клинической стадии исследований ведется с шестидесятых годов прошлого века. Начало этого процесса связано с осуждением практики злоупотреблений, что было отражено в принятии Нюрнбергского кода, а затем в документах ВМА. Со временем были выработаны универсальные правила проведения клинических испытаний, под названием GCP, (в России эти правила приняты в качестве национального стандарта РФ ГОСТ Р 52379-2005 «Надлежащая клиническая практика»). Свод этих правил призван не только унифицировать процесс клинических испытаний, что было важно для их валидации, но и установить степени защиты испытуемых, дабы предотвратить злоупотребления и скандалы, связанные с их разоблачением. Казалось бы, нормативно были достигнуты благородные цели сопротивления биовласти в образе биомедицинских исследований. Тем не менее, рутинизация применения правил и новые обстоятельства превращения клинических испытаний из собственно научной сферы в сферу бизнеса транснациональных фармацевтических корпораций заставляет снова обращаться к положению субъектов исследования для оценки соблюдения основополагающих принципов автономии, справедливости, защиты достоинства, уязвимости и целостности индивидов и популяций в проводимых испытаниях.

Основанием для нового критического взгляда является то, что клинические исследования как вид биомедицинской практики стали сегодня принципиально иными. Если во времена одного из первых критиков негуманных способов экспериментирования на людях, В. В. Вересаева во главу угла ставилось противоречие между стремлением ученых к изучению природы заболевания, поиском эффективных средств борьбы с ними и стремлением человека к собственному телесному и духовному благополучию и независимости, то сегодня оно кардинально изменилось. Цели, которые преследовали ученые той эпохи с современной точки зрения можно оценивать, как вполне бескорыстные, пусть даже среди этих целей было получение личного признания для ученого в качестве первооткрывателя. Дело в том, что вся их корысть нивелировалась направленностью на достижение общего блага в виде углубления знаний о природе

заболеваний и действиях лекарственных средств. Сегодня клинические исследования — это прежде всего борьба за установление приоритета не отдельного ученого или врача, а фармацевтической компании. Главная сила для достижения успеха в таких корпорациях — это не ученые, не коллективы исследователей, трудящихся днем и ночью в лабораториях, а ее менеджмент. Менеджмент, т. е. сословие управленцев, которое формирует системную машинерию производства и продвижения лекарственных средств. Цель производства конкретна — обеспечение расширяющегося воспроизводства посредством извлечения прибыли. Как правило, у компаний есть своя миссия — т. е. сверх цель — обычно в качестве таковой фигурируют человеческие ценности, например, это здоровье человека, качество жизни и т. д. Но миссия — это в первую очередь средство для мотивации сотрудников, для формирования приверженности сотрудников корпоративным ценностям, для создания имиджа среди потребителей, но не цель сама по себе, поэтому о ней помнят в нужном случае, а потом также быстро забывают, когда речь идет о принятии конкретных решений. Диалектика общего и конкретного в данном случае превращается в одноколейное движение с приоритетом конкретного и забвением общего.

Сегодня сложился мировой рынок клинических исследований со своей маркетинговой и консалтинговой составляющими. Организацией и проведением клинических исследований сегодня уже обязательно заниматься самим фармпроизводителям. Фармацевтические компании передают клинические исследования в аутсорсинг фирмам, которые предлагают весь комплекс услуг по испытанию как новых препаратов, так и тех, которые проходят проверку на эффективность и биоэквивалентность. На долю контрактных исследовательских организаций (CRO) в европейских странах приходится большая часть клинических исследований, тогда как в России — чуть меньше половины. Эти фирмы берут на себя этап, завершающий выведение лекарственного средства на рынок, поэтому он включает не только сами испытания, но и регистрацию препарата в структурах, которые дают разрешение на использование ЛС на территории данной страны. Стоит оценить симптоматичность разделения функций. Дело в том, что клинические испытания — наиболее уязвимая часть в работе фармацевтической компании над новым препаратом, поскольку процесс переносится на чужую территорию, контролируемую врачами. Логистика разделения функций — закономерный прием в процессе повышения эффективности фармпроизводств. Компании, которые берутся организовать и повести клинические испытания специализируются не только на подготовке взаимодействия с практикующими врачами, но и обладают технологиями набора добровольцев и испытуемых в целом.

Менеджеры таких компаний знают, как функционируют отделения в лечебных учреждениях, как обеспечить рандомизацию, как заинтересовать врачей и пациентов клиник, и множество важных тонкостей для того, чтобы процесс осуществлялся. Кроме того, в этом разделении труда очень важна юридическая сторона сопровождения процесса. Интересы пациента здесь — далеко не главная цель, важнее процедуры легитимации самого исследования, для того, чтобы результаты также были приняты и одобрены в законном порядке, чтобы ускорить путь к регистрации препарата и выхода его на потребительский рынок. Фирмы, специализирующиеся на клинических испытаниях в России объединились в Ассоциацию организаций по клиническим исследованиям (АОКИ) и заявляют о своих общих задачах и интересах, среди которых «...совершенствование системы клинических исследований в России посредством содействия росту цивилизованного рынка и развитию высокопрофессиональной среды; создание и поддержание благоприятной бизнес-среды для компаний, проводящих клинические исследования в России; содействие обеспечению баланса интересов участников рынка клинических исследований, включая пациентов, медицинское сообщество, государственные органы и общество в целом».¹

Капиталоемкость рынка клинических исследований измеряется миллиардами долларов, поэтому они рассматриваются как крупные инвестиционные проекты в экономику стран. Европейские и американские фармацевтические фирмы широко используют возможность получения прибыли с помощью клинических исследований в своих странах, но и стремятся также расширить базу за счет развивающихся стран. Российские бизнес структуры сегодня являются по общему признанию крупными игроками в международном фармацевтическом бизнесе, в том числе и на рынке клинических исследований. Заинтересованные в расширении рынка клинических испытаний в России, они инициируют изменения в российском законодательстве для устранения административных барьеров. В качестве рычага воздействия формируются группы экспертов из ученых, академиков, которые должны проталкивать необходимые законопроекты. Публикуется «Оранжевая книга», которая представляет статистические обзоры по проводимым исследованиям. Показательна строка из отчета за 2007 г. «Среди прочих событий рынка клинических исследований в России за 3-й квартал 2007 года стоит также отметить начало работы нового Федерального этического комитета под эгидой Росздравнадзора и благополучное закрытие Генеральной Прокуратурой РФ уголовного дела в отношении волгоградских исследователей «за отсутствием состава преступления».²

1 Сайт АОКИ//Режим доступа: acto-russia.org 30.09.2014.
2 *Шеремет П.* Подопытные // *Огонек*, 2007, № 27. С.46-48.

АОКИ, ссылаясь на данные Росздравнадзора и международной базы данных о клинических исследованиях, приводит сведения о том, что в 2009 год в России было выдано 577 разрешений на клинические исследования, в США проводилось 7 653 — в США, 4 662 — в Европе. На Россию, таким образом, по состоянию на 2009 год приходилось 3,4% от общего числа проводимых в мире клинических исследований. Отмечается, что в последнее время число международных исследований в развивающихся странах увеличивается. Причины увеличения «... следствие того, что емкость рынка клинических исследований, его потенциал в развитых странах близки к тому, чтобы быть исчерпанными. В качестве критерия оценки потенциала (возможности роста) рынка клинических исследований в каждой отдельной стране можно задать число идущих в настоящее время клинических исследований на 1 млн населения. Потенциал страны в таком случае будет обратно пропорционален полученному показателю. По состоянию на 8 июня 2010 года в США этот показатель составлял 42,71 исследования на 1 млн. человек, в Канаде — 64,14, в Бельгии — 73,84. В то же время в Польше этот показатель составлял всего 13,09, а в России — 2,75. Таким образом, в США на 1 млн человек населения приходится почти в 16 раз больше исследований, чем в России, а потенциал России в сфере клинических исследований, если за 100% принять американские показатели, используется только на 6%. Исчерпание потенциала развитых стран связано с ростом исследовательской активности (в феврале 2009 года американское Управление по контролю за продуктами питания и лекарственными препаратами (FDA) рассматривало заявки на регистрацию 2,9 тыс. препаратов, что на 52,6% больше, чем в 1999 году), ужесточением требований уполномоченных органов здравоохранения к изучению препаратов до их выхода на рынок. Это в том числе привело к увеличению продолжительности исследований (на 70% с 1999 по 2005 годы) и росту потребности в участниках клинических исследований с 1999 по 2005 год с 2,8 до 19,8 млн. человек. Закономерно, что когда число исследований в стране в пересчете на 1 млн. человек достигает критического значения, набирать участников в новые исследования становится все сложнее. В результате сроки набора пациентов — а это один из самых значимых для фармацевтических компаний показателей — в развитых странах гораздо ниже, чем в развивающихся. С 1999 по 2005 годы скорость набора пациентов упала на 30%. Из-за низких темпов набора пациентов лишь 7% клинических исследований в США начинаются вовремя, 70% — с опозданием на месяц. В Великобритании 30% центров не могут включить в исследование даже одного пациента, а 70% — не могут набрать столько пациентов, сколько было запланировано».¹

¹ Режим доступа: acto-russia.org 30.09.2014

Превращение клинических испытаний в структурный элемент рыночного обмена имеет свои плюсы и минусы. С одной стороны, рыночная конкуренция способствует снижению стоимости испытаний, что должно отражаться на цене и в конечном счете на доступности лекарственных препаратов. Однако этого не происходит в силу того, что положительные эффекты рыночного механизма размываются в стремлениях посредников к большим прибылям, возрастанию расходов на обслуживание управленческих решений, связанных с информационной поддержкой, регулированием, обеспечением протекций и т. д. Минусом рынка является тенденция к монополизации клинических исследований крупными фармацевтическими фирмами, когда CRO выступают не как независимые партнеры, а дочерние организации.

В проведении клинического исследования базовым является противоречие между целями фармпроизводителя как бизнес структуры, направленной на извлечение прибыли и экзистенциальными целями человека, принимающего решение участвовать в исследовании. Эти решения связаны с смысложизненными ориентациями, такими как здоровье, благополучие для себя и других, которое немислимо без ощущения моральной честности по отношению к другому. Эти цели не то, чтобы противоположны по природе, а они задаются из непересекающихся проекций. Для производителя прибыли интересы индивида учитываются в качестве рядоположенного материальным целям элемента, но не в качестве цели самой по себе. Это порождает недоверие потенциальных добровольцев и побуждает представителей заинтересованных общественных организаций отстаивать свои интересы. Не случайно, что пациентские организации европейских стран добились внесения в законодательство ЕЭС требования о прозрачности исследований, чему корректно, но настойчиво сопротивлялись компании. Теперь они обязаны включать в отчеты негативные данные по испытаниям. Норма принята, но реальное осуществление намечено на 2016 год. К транспарентности нужно подготовиться. Основной институциональной формой гуманитарного сопровождения КИ считаются этические комитеты, что предполагают правила GSP. Функцией этических комитетов является прежде всего защита испытуемых от рисков для и здоровья и жизни, которые иногда возникают во время исследований. Обязанность предупреждать риски для здоровья испытуемых включена как первоочередная задача в правила GCP. Поэтому СПД (стандартные порядки действий) заранее составляются с учетом этих требований. Управляющим остается только контролировать исполнение СПД. Однако, превращение человека в элемент процесса, приводит к снижению моральной чувствительности (ответственности перед

личностью) и нарушению принципа предосторожности. Каков характер отношений между фармпроизводителями и фармиспытателями с одной стороны, и добровольцами, обществом с другой, хорошо просматривается на примере тех управленческих решений, которые вырабатываются на случай острых ситуаций, когда риски, которые превышают допустимые значения и возникают так называемые нежелательные явления (НЯ).

Кризис-менеджмент клинических исследований

В качестве образца предлагается рассмотреть стратегию кризис-менеджмента сложных ситуаций, представленную Д. Ю. Белоусовым. Стратегия представляет собой четко проработанный план действий компании, по предотвращению нанесения ущерба ее репутации и репутации препарата. Кризис рассматривается как момент в управляемом процессе, у которого есть начало, развитие, усугубление, борьба и последствия. Данная стратегия разработана для практического руководства в деятельности компании в виде системы безотлагательных действий по спасению даже не компании непосредственно, потому что крушение компании — это все же последствие отдаленное и непредполагаемое, а в первую очередь имиджа, доверия компании. Вызывает удивление то, как мало внимания в ней уделено субъектам испытаний, второстепенность заботы об их здоровье и понимание смысла кризиса в первую очередь как угрозы репутации и стабильности фирмы, но не оценка степени ущерба, нанесенного здоровью пациентов. Это очевидно даже в выделении этапов кризиса, где оценка состояния пациентов отодвигается на конечный отрезок. «Во время кризиса главная цель — избежать уже предсказуемого появления новых неблагоприятных реакций, паралича деятельности компании, замешательства и принятия противоречивых решений, а также сохранить то, что еще осталось от репутации забракованного препарата. Очень важно быстро принимать правильные решения. ...В конце кризиса основной целью является контроль состояния пациентов, и выдача компенсаций за любые неблагоприятные реакции, а также поддержание репутации компании с целью сохранения будущего других препаратов, выпускаемых фармацевтической фирмой или исследований, проводимых фирмой-разработчиком. Для этого следует внутри компании: минимизировать снижение объемов продаж, предотвратить нежелание сотрудников фирмы продолжать проведение исследований и тем более — «утечку мозгов»; за пределами компании: минимизировать потерю доверия к фирме органов здравоохранения, врачей, населения и средств массовой информации». В этой стратегии эти-

ческие комитеты не упоминаются вообще в списке тех, кто должен быть извещен о возникновении нежелательных явлений и с кем необходимо взаимодействовать для разрешения кризисной ситуации. Это говорит о том, что роль этических комитетов в менеджменте КИ больше декорирующая озабоченность соблюдением этических требований относительно положения испытуемых. Показательно, что основным средством для сохранения контроля над развитием кризисной ситуации является взаимодействие с общественностью и прессой. Большая часть стратегии посвящена описаниям управленческих действий именно в этом направлении.

«Эффективность коммуникации обеспечивает следование определенным принципам. Во-первых, каждый раз допускается продвижение лишь одной идеи, что предотвратит возникновение противоречивых сведений. Далее, допускается распространение только правдивой информации во избежание противоречий, которые могут разрушить репутацию фирмы, составленную перед кризисом. Если ответы на какие-то вопросы неизвестны, нужно дать доступную информацию, отдельно отметив при этом, что компания прилагает все усилия, чтобы прояснить ситуацию по проблемам, которые еще не были надлежащим образом разрешены».¹ Информационные стратегии в управлении кризисом в компаниях, где здоровье и жизнь пациентов поставлены под угрозу, ничем не отличаются от подобных в политических, идеологических и иных баталиях. Рекомендации не отличаются щепетильностью, выгодно используют знания о тактике действий, расстановке сил и тонких манипулятивных приемах. «Как только о кризисе становится известно широким массам, очень важно организовывать регулярные пресс-брифинги, даже в условиях отсутствия полной информации. Это убедит корреспондентов, что они находятся в курсе последних новостей, и предотвратит появление необоснованных заявлений и слухов. Каждое выступление на публике должно быть изучено постфактум для оптимизации последующих. Поэтому встречи представителей компании с прессой всегда должны проводиться в присутствии других сотрудников фирмы, играющих роль критических свидетелей. Такие встречи следует записывать на аудио- и видеотехнику для повторного прослушивания и просмотра с целью анализа. Наконец, необходимо организовать не только поступление информации «наружу», но и регулярное оповещение сотрудников предприятия о развитии кризиса. Сотрудники фирмы должны узнать о возникновении кризиса и следить за его течением не только через средства массовой информации.

¹ Белоусов Д. Ю. Кризис — менеджмент клинических исследований: стратегия преодоления. Режим доступа: <http://cbio.ru/page/46/id/2555/30.09.2014>.

Доверие руководства позволит снизить риск того, что сотрудники начнут увольняться с «тонущего корабля» или проявят нелояльность к фирме, начнут передавать за пределы фирмы полученную из неизбежных слухов недостоверную информацию и сопровождать ее собственными домыслами. За пределами компании ее сотрудники не должны упускать из виду своих самых важных партнеров: учреждение, выдавшее разрешение на проведение клинических испытаний (в России это, в соответствии со ст. 37 Закона «О лекарственных средствах» — Департамент государственного контроля качества, эффективности, безопасности лекарственных средств и медицинской техники МЗ РФ), органы здравоохранения, исследователей, врачей, фармацевтов и т. д. Во избежание искажения информации связи с прессой и общественностью следует поручить специально обученным PR-менеджерам, а контакты со специалистами поручить наиболее компетентным сотрудникам соответствующих подразделений фирмы.

Для передачи информации вовне и, при необходимости, оперативного уточнения возникающих вопросов необходимо составить список телефонов и других средств связи с: сотрудниками пресс-агентств, телевидения, радио, газет, журналов; типографией и транспортной компанией, работающими оперативно даже в нерабочие часы; должностными лицами регулирующих органов; менеджерами и сотрудниками фирм, имеющих отношение к разработке и испытаниям конкретного препарата; компетентными учеными, фармакологами, врачами и другими специалистами, у которых при необходимости можно получить консультацию.

Следует вести журнал учета всех поступивших сведений и обеспечить хранение и учет копий всех распространявшихся сведений — на бумаге, видео- и аудиокассетах.

Для работы группы по преодолению кризиса необходима комната для совещаний. Следует предусмотреть необходимость безналичных и наличных расходов на меры по преодолению кризиса. Если клинические испытания проводятся в разных странах, ключевым сотрудникам группы необходимы зарубежные паспорта».¹

Подробно регламентируется то, как должен выглядеть основной продукт менеджерской группы по преодолению кризиса — сообщения.

«Сообщения внутри компании распространяются поэтапно, в первую очередь — руководителям и координаторам по клиническому исследованию и далее — всем директорам компании и их ассистентам, менеджерам по продажам (должность, наиболее

¹ Белоусов Д. Ю. Кризис — менеджмент клинических исследований: стратегия преодоления. Режим доступа: <http://cbio.ru/page/46/id/2555/> 30.09.2014

приближенная к клиентам), секретарю (несколько коротких стандартных фраз), и, наконец, акционерам компании. Если сообщение обращено к широким слоям населения (в т. ч. к акционерам), планируется для трансляции на телевидении, радио или для публикации в прессе, рекомендуется учесть следующее: сообщение должно содержать основную идею и/или новую информацию; следует избегать медицинского жаргона; сообщение должно нести позитивный настрой, учитывать интересы пациента и не порождать паники; форма изложения должна быть иллюстративной и доступной; сообщение должно быть коротким: общая продолжительность устного сообщения — 30 секунд, размер письменного текста — 500–2000 знаков. Для распространения сообщений за пределами компании используют стандартные письма, циркуляры, срочные сообщения, регулярные пресс-брифинги. Это необходимо сделать очень быстро в случае, если СМИ, а через них и широким массам населения стала известна информация о нежелательных явлениях, связанных с применением препарата, или о снятии препарата с рынка. Кроме исследователей, такую информацию необходимо как можно скорее, перед тем, как это станет известно пациентам, довести до сведения врачей, выписывающих рецепты. Поэтому сотрудникам отдела продаж необходимо постоянно обновлять информацию о координатах региональных дистрибьюторов и убедить их обновлять их списки телефонных номеров врачей, рекомендующих данный препарат. Необходимо также держать в курсе происходящего национальные и региональные ассоциации врачей и фармацевтов. Оперативная рассылка информации может быть организована с помощью специализированных изданий или дистрибьюторов».¹

Высокопрофессионально и детально продуман план организации контактов с прессой и монтажу информации в нужном направлении русле.

«Контакт «должен осуществлять сотрудник, обученный технике общения с прессой. Представителей СМИ, желающих получить интервью у других работников фирмы, необходимо перенаправлять к нему.

Телевизионные интервью необходимо планировать заранее и при этом соблюдать следующие правила: получить информацию о журналисте от пресс-атташе или от профессиональной ассоциации; попытаться получить выступление в прямом эфире (это трудно реализуемо, но желательно), в этом случае интервью должно длиться не более двух минут; если интервью записывают на пленку для последующего воспроизведения, действовать так, будто вы все же выступаете

¹ Белоусов Д. Ю. Кризис — менеджмент клинических исследований: стратегия преодоления. Режим доступа: <http://cbio.ru/page/46/id/2555/> 30.09.2014

в прямом эфире, по возможности отрепетировав ответы на возможные вопросы, и принять во внимание, что в эфир пойдут от 30 секунд до двух минут отрывков из вашей беседы; договориться с журналистом о минимальной информации, например, касающейся мер предосторожности, которую необходимо сохранить при монтаже передачи.

В фармацевтической фирме или контрактно-исследовательской организации должен быть человек, имеющий право принимать решения, способный распознать важные звонки и направить их в определенное русло. Секретарь должен регистрировать все входящие звонки в журнале. В него должны быть записаны имя и координаты звонившего, причина звонка, время и дата, а также имя адресата звонка. Секретарь может разглашать лишь те сведения, которые были зафиксированы на бумаге»¹ и т. д.

Как видно из пространного извлечения, в стратегии кризис-менеджмента во время КИ господство над ситуацией — это управление информационным пространством и информационными потоками. Субъектность испытуемого трансформируется в машине менеджмента в репутацию фирмы, препарата, исследовательской группы. Она превращается в информационный эон с нужным содержанием, отчуждается от человека как целостности.

Анализ сайтов компаний, рекрутирующих добровольцев показывает, что современный менеджмент основывается на стратегиях информирования. Пресловутый биоэтический принцип информированного добровольного согласия из средства защиты здесь превращается в орудие наступления и едва заметной, очень тонкой манипуляции. Информация подается открыто, но подробно и провоцирующе доступно она подается в том случае, если это не будет препятствовать выбору участия в исследовании. Что же касается рисков, то об их возможности не утаивается, даже говорится о возможном летальном исходе. Тем не менее, общая тональность такова, что потенциальный участник ощущает соблазн участия больше чем угрозу своей жизни. Объективная информация и моральное правило честности в этом менеджменте не одно и то же. Честность — это тип морального отношения к другому, когда он выступает в качестве цели этого отношения, т. е. когда его прежде всего предупреждают об опасности и риске, а потом уже сообщают о том, что участие принесет пользу и послужит благородным целям человечества и науки. Оценивая характер информации, адресованной организаторами исследований потенциальным испытуемым и обществу, нужно отметить преобладание просвещенческого дискурса. Т. е. целевая

¹ Белоусов Д. Ю. Кризис — менеджмент клинических исследований: стратегия преодоления. Режим доступа: <http://cbio.ru/page/46/id/2555/> 30.09.2014

аудитория извещается о благородных целях исследований, о выгодах для страны, о неблагоприятных показателях по отношению к успешным странам, где очень высокие цифры участия и число испытаний. Просвещать — делать светлее, т. е. открывать ум для самостоятельной работы в открытии окружающего природного и социального мира, самого себя. Такое просвещение — нематериальное обогащение человека, а духовное. Обучение в маркетинговых целях — своеобразная формовка, которая задана матрицей маркетингового принтера в социальных технологиях в масштабе компаний.

Ввиду того, что менеджеры и ученые, занятые в клинических испытаниях действуют по одним нормативам, все же, интервалы моральных допущений в этосах их профессий различны. Поэтому этическая регуляция через институты гуманитарной экспертизы для научного сообщества рассматривается в качестве необходимого элемента, соединяющего знание о фактах и знание человеческих ценностей. Для тех, кто выступает опосредованным звеном в отношении научного продукта в этом процессе, гуманитарная экспертиза — формальный момент, которому отводится подобающее этой оценке место. Сведения исследовательского процесса к организационной эффективности обесценивает научный поиск как творческий процесс, который нуждается в моральном целеполагании. Особенно, когда эта заорганизованность создает иллюзии выбора собственной свободы, разочарование в подмене приводит к более жесткой конфронтации общества и создателей новых лекарственных средств. Чтобы свободное творчество не стало антигуманным, по словам В.А. Кутырева, необходимо должны ставиться социально-гуманитарные фильтры. При этом этическая экспертиза «в своих коллективных раздумьях и не менее коллективной интуиции призвана не просто выполнять чиновничью функцию, возникающую вдобавок к уже привычным бюрократическим службам, но — не побоимся этих слов — брать на себя высокую миссию мудреца, судии и пророка. Для проведения эффективной ЭЭ сугубо важно, чтобы в составе экспертов были люди не просто честные и думающие, но также и имеющие достаточно разносторонний жизненный опыт. Дабы этот опыт позволял им понять, смоделировать поступки оцениваемых субъектов, определив содержащиеся в них пропорции добра и зла. Именно смоделировать, а не нафантазировать. Что называется, не «накрутить» себя. Не спроектировать собственные страхи или тайные пороки. Во время осуществления ЭЭ требуется интуиция, а не паранойя».¹ Биоэтик должен быть не просто

¹ Зимбули А.Е. Этическая экспертиза как предмет этического осмысления // Известия Российского Государственного Педагогического Университета им. А.И. Герцена, 2008, №72. С.51.

адвокатом испытуемых, а защитником ценностей гуманизма и нравственности, но должен это делать также технологично и профессионально, чтобы не быть управляемым теми, кто включил в систему их оценку и предусмотрел, какой она должна быть.

Литература

- Фуко М. Рождение клиники М.: Смысл, 1998. С.310.
- Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / пер. с фр. В. Наумова под ред. И. Борисовой. М.: Ad Marginem, 1999. С.480.
- Фуко М. История безумия в классическую эпоху/ Пер. с фр. И. К. Стаф. М.: АСТ МОСКВА, 2010. С.698.
- Сидорова Т. А. Антропологические риски суррогатного родительства при применении вспомогательных репродуктивных технологий // Алгебра родства. Родство. Системы родства. Системы терминов родства. СПб.: Первая академическая типография «Наука». Вып.14, 2013. С.104–121.
- Тищенко П. Д. Социальные технологии и трансдисциплинарные основания инноватики // Рабочие тетради по биоэтике Вып. 14: Трансдисциплинарность, нанотехнологии и инноватика: сб. науч. ст. / под ред. П. Д. Тищенко. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2012. С.11–17
- Тищенко П. Д. Био-власть в эпоху биотехнологий. М., 2001. С.177.
- Йоас Х. Возникновение ценностей / пер. с нем. К. Г. Тимофеевой. СПб.: Алетейя, 2013. С.312.
- Вересаев В. В. Записки врача / Полное собрание сочинений в 4 томах. Т.1. М. Издательство «Правда», 1985.
- Белоусов Д. Ю. Кризис — менеджмент клинических исследований: стратегия преодоления. Режим доступа: <http://cbio.ru/page/46/id/2555/> 30.09.2014
- Белоусов Д. Ю. Стратегия кризис-менеджмента клинических исследований. // Качественная клиническая практика, 2006 г., №2, С.8–18
- Зимбули А. Е. Этическая экспертиза как предмет этического осмысления // Известия Российского Государственного Педагогического Университета им. А.И. Герцена, 2008, №72. С.38–52.

Метафизические основания концепта «человек–машина»: перечитывая Валентина Федоровича Турчина¹

Тищенко П. Д.

Metaphysical foundations of the concept “human-machine”: rereading V. F. Turchin

Tishchenko P. D.

Аннотация. На основе анализа текстов одного из основоположников концепции кибернетического бессмертия В.Ф. Турчина, описана семантическая гетерогенность концепта человек-машина. Концептуальное построение осуществляется в форме спора Художника и Ученого. Утверждения ученого, осуществляющего формализацию понятий до смыслов, которые будут понятны хорошо работающей машине, ограничиваются утверждениями Художника, настаивающего на сохранении интуитивных, неформализуемых смыслов (тайны).

Abstract. Description of the semantic heterogeneity of human-machine concept was presented based on analysis of V.F. Turchin texts who was one of the founders of the concept of cybernetic immortality. Conceptual structure of his texts was composed in a form of a dispute among the Artist and The Scientist. To Scientist's statements on formalization of concepts to meanings that could be understood by well done machine are limited by objections of the Artist, insisted on maintaining the intuitive, non-formalizable sense (mystery).

Ключевые слова: человек, машина, кибернетическое бессмертие, формализация, неформальные смыслы, тайна

Keywords: human, machine, cybernetic immortality, formalization, informal meaning, mystery

Настройка на тему

Оскар Уайлд

«Как это печально! — пробормотал вдруг Дориан Грей, все еще не отводя глаз от своего портрета. — Как печально! Я состарюсь, стану противным уродом, а мой портрет будет вечно молод. Он никогда не станет старше, чем в этот июньский день... Ах, если бы могло быть наоборот! Если бы старел этот портрет, а я навсегда остался молодым! За это... за это я отдал бы все на свете. Да, ничего не пожалел бы! Душу бы отдал за это!»

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, грант № 12-03-00625

«Удивленный художник смотрел на него во все глаза. Очень странно было слышать такие речи от Дориана. Что это с ним? Он, видимо, был очень раздражен, лицо его пылало.

— Да, да, — продолжал Дориан. — Я вам не так дорог, как ваш серебряный фавн или Гермес из слоновой кости. Их вы будете любить всегда. А долго ли будете любить меня? Вероятно, до первой морщинки на моем лице. Я теперь знаю — когда человек теряет красоту, он теряет все. Ваша картина мне это подсказала. Лорд Генри совершенно прав: молодость — единственное, что ценно в нашей жизни. Когда я замечу, что старею, я покончу с собой».

«Художник, закусив губу, с чашкой в руке подошел к портрету.

— А я останусь с подлинным Дорианом, — сказал он грустно.

— Так, по-вашему, это — подлинный Дориан? — спросил Дориан Грей, подходя к нему. — Неужели я в самом деле такой?

— Да, именно такой».

«Портрет не дает ему спокойно спать по ночам. И, уезжая из Лондона, он все время боится, как бы в его отсутствие чужой глаз не подсмотрел его тайну. Мысль о портрете отравила ему не одну минуту радости, омрачила меланхолией даже его страсти. Портрет этот — как бы его совесть. Да, совесть. И надо его уничтожить...».

«Дориан схватил нож и вонзил его в портрет.... Раздался громкий крик и стук от падения чего-то тяжелого. Этот крик смертной муки был так ужасен, что проснувшиеся слуги в испуге выбежали из своих комнат».

«Войдя в комнату, они (слуги — П. Т.) увидели на стене великолепный портрет своего хозяина во всем блеске его дивной молодости и красоты. А на полу с ножом в груди лежал мертвый человек во фраке. Лицо у него было морщинистое, увядшее, отталкивающее. И только по кольцам на руках слуги узнали, кто это.

Конец»

Мартин Хайдеггер

«Ничего нет без основания». В таком виде его выдвинул Лейбниц, а до того оно пребывало невысказанным. Утверждающая форма этого положения вводит нас в круг загадок, ибо гласит: «Любое сущее с необходимостью имеет основание». Однако какого рода эта необходимость? На чем она покоится? На чем основывается положение об основании?... Поиск основания для основания неизбежно опрокидывает нас в безосновательность...».

Введение. Семантический полиморфизм концепта «человек-машина»

Вопрос, поставленный темой совместного исследования, опирается на «вечную» загадку концепта “человек-машина”, упакованную в феномен, который буду называть семантическим полиморфизмом. Каким образом концепт машины может выступить основанием для человеческого самопонимания? «Загадочность» в той навязчивости, с которой этот концепт оживает в бесчисленных научных и философских попытках объяснения «человеческого в человеке» — в качестве той или иной машины. Вспыхивает, проясняет некоторый аспект, но тут же гибнет, оспоренный новыми машинными объяснениями...

Для науки — концептуальное тождество человек=машина – укоренено в единодушном переживании очевидности. Однако, эта очевидность рассеивается как только требование определенности, которое столь ценится в машинных объяснениях, будет обращено на само вопрошание. Какая именно машина? Всегда другая. Другая как новая. Новая потому, что научно открытая. Потому, что новация определяет (обосновывает) научность. Без «новизны» не публикуется ни одной статьи в науке. Конечно, бывает новизна головоломок нормальной науки, но она надоедает. Дух научности вытребывает новизну проблем, новизну прорывов. Поэтому, поломав голову над головоломками энергетических машин, кстати говоря, тоже обещавших бессмертие (В.М. Бехтерев), наука обратила взор на физиологические машины, потом на иммунологические, потом на биохимические, геномные и ... теперь прорыв к концепту NBIC машины (узлу новых локальных головоломок).

Но ведь и это не конец, т. к. с каждой научной публикацией, с каждым научным высказыванием, являющимся научным именно постольку, поскольку несет в себе новое основание для обоснования — делается еще один шаг, близка с неизбежностью новый прорыв ... и очарование очевидности NBIC рассеется. Неслучайно, испытываемая ужас перед взламывающими границы готовых представлений духом научной новизны, идеологи тоталитарных антропотехнических проектов требуют кастрировать науку, превратить ее в готовую, насильно насаждаемую идеологию. «В науку надо верить!» — лозунг под которым 70 лет гнобили науку в нашей стране... Только веря в науку как чулан, в котором хранятся готовые рецепты знаний, можно, списав (как последние двоичники) идею ее «реформы» продолжать традиционную для нас антинаучную политику...

Конечно, можно попытаться спасти идею машины, открыв в ее устойчивой «внутренности» неизменное метафизическое основание системы (к примеру, кибернетической). Но и метафизика системы

в своей сути — это прежде всего вопрос, заданный на определенном языке, в котором своя собственная очевидность удерживается суггестивно, завлекая центр внимания разума в сеть «вспомогательных» слов, т.е. слов-концептов, через посредство которых то, о чем мы говорим пытается выразить свой смысл. Концепт системы, который является одним из центральных в новоевропейской метафизике и основополагающим для кибернетических проектов бессмертия, не имеет общего определения — точно установленного смысла. С констатации этого прискорбного для самомнения науки обстоятельства начинаются практически все усилия ответа на вопрос — что такое система? В каждом из множества данных определений предпринимается попытка объяснить и утвердить очевидность этого концепта в других концептах. Обосновать одно через другое, а то другое обоснующее, в свою очередь, требует обоснования для себя. Поэтому, каждое из новых определений концепта системы через иной концепт разоблачает не только недостаточность этих других концептуальных определений, но и свою собственную — ни один из использованных определяющих концептов сам по себе и через себя — так же непонятен. Его понятность и, следовательно, объяснительная сила сохраняется лишь в статусе «как если бы» ...

Но эта неудача нисколько не колеблет очевидности самого концепта системы. Скорее — наоборот — суггестивно, отвлекая центр внимания рационального рассуждения в ускользящую сеть других, столь же необеспеченных собственной очевидностью и обоснованностью концептов, укореняет ее (очевидность концепта системы) в необремененном сомнением «боковом зрении». Декарт усомнился во всем с тем, чтобы расчистить простор для предельного обоснования знаний. Но это радикальное сомнение осталось подвешенным на «как если бы» очевидности смысла использованных слов и предположений. Обоснование «как если бы» очевидности присутствует как проблема, как загадка, привлекая внимание разума и выбрасывая его из себя, отсылая к другому смыслу. Смысл концепта системы — парадокс, в котором упакован как очевидно необходимый вопрос «что это такое?» и ответ — ни одно из того «что», что предъясняется в каждом конкретном определении. Т. е. ничто. Но ничто не как некое индифферентное отсутствие, но как центр притяжения и отталкивания деятельности разума, который обольстившись проблемой, немедленно из нее вытаскивается и отсылается в бесконечное путешествие в поисках смысла в каком-то всегда другом «что». Причем, не только предмет (в нашем примере — система) ускользает в бесконечном утверждении в другом, но и сам разум, если его начинает неудовлетворять «очевидность» бокового зрения, и он потребует от себя раскрыть свою суть в акте само-рефлексии, рефлексии на себя

как субъекта. Однако и здесь вся мудрость в том, что «я сам» всегда будет представлен как «другой», а в кибернетике 2 — как другой тип системы. И в этом случае, очевидность живет лишь в эмпатически суггестивной силе слов начинателей — первопроходцев, которые (слова) просачиваются в сознание последователей через не-внимающее боковое зрение. Через слова, необремененные неудачей определений, выныривающие из глубины фона и слепящие своей доходчивостью...

Вихревые движения речи формируют центры целого — того, о чем она (речь) ведется — как бульдожка на поводке проблемы, мечущаяся из стороны в сторону... На поводу целого как разрыва, проблемы, загадки... — смыслопорождающей энигмы (например, энигматическая концепция культуры В.С. Библера). Проблема, как отсутствующее, осмысленно образует целостность. Эдгар Морен, пародируя в некотором смысле Ж. Даррида, обращает внимание на то обстоятельство, что в английском языке слова whole (целое) и (hole) дыра различимы лишь в написании, но звучат одинаково: «... целое неправомерно гипостазировать. Целое само по себе есть просто дыра (the whole is a hole). Целое не функционирует как целое, если части не функционируют как части. Целое должно быть соотнесено с организацией. Наконец, и главным образом, целое несет в себе расколы, тени и конфликты»¹.

Для меня это принципиально обстоятельство, которому я пытался дать обоснование так или иначе опираясь на апофатическую традицию. Причем эта «дыра» (на подобии «черных дыр» в астрономии) представляет собой не отсутствие, а скорее присутствие бытия, его жизнеутверждающую через разрушение мощь. Т.е. — проблема, парадокс, антиномия, пауза, разрыв, молчание, диастема и т.д. и т.п. Перечисление «дыр» указывает на смысл различия использованных артиклей у Морена — “the” и “a”, на отсутствие единственного представления (оно всегда одно из — “a”) для того, о чем идет речь “the”.

Две «дыры», два полюса определяют эллиптическое движение мысли: полюс «объекта» — возражающего «схватывающим» потугам объяснения предмета, который в своих objections вытаскивает из себя позитивную представленность в разгадках головоломок, и полюс «субъекта», столь же энергично извергающий из себя в катарсисах² мысли «другого», помысленного в качестве представления (системы, автора и т. д. и т. п.) и «себя» из представленного в качестве «другого» представления, возвращаясь в себя как в омут — загадки, проблемы, тайны...

¹ Морен Эдгар. Метод. Природа природы. Перевод с французского Е. Н. Князевой. М.: Канон 2013. С. 166.

² Семантика этого слова берется в интервале смысла эстетического события «очищения» (рождения) сознания и медицинского смысла очищения тела...

Когда разглядываешь нестареющим взором свое стремительно старящееся изображение в зеркале — испытываешь ужас. Та жизнь, которая раскрыла тебе глаза, наполнила плоть мощью стремлений — *стремительно уносит тебя в ничто — в космическую тьму изначального*. Жизнь воплощает в теле главную экзистенциальную угрозу — общий для всех рожденных рок (удел) — смерть как безусловное основание его частной, неповторимой в исторических подробностях биографически обрисованной судьбы. Можно отвернуться и ничего не делать, забыть-с(еб)я. Но можно, и это выглядит решительней и героичней, — вступить в борьбу с жизнью. Превратить смерть из слепой стихийной мощи в контролируемый артефакт — совершить эвтаназию. А самые решительные¹ решаются ступить на трансгуманистический путь бессмертия — обрести вечное существование, превратив себя в кибернетическую модель, свой естественный интеллект в искусственный... Спаситься от жизни, уничтожив ее, пересадив «себя» на долговечные неживые, мертвые «носители», превратив себя магией научного знания в бессмертный, прекрасный артефакт (кибернетическую «картину» или «модель «себя») — аватар. Аватары, скорее всего, продолжат существовать «вечно» —, правда вот, люди вымрут ...

Жизнь и судьба В. Ф. Турчина

Валентин Федорович Турчин — интереснейший отечественный мыслитель второй половины 20го века, чье творчество остается недостаточно изученным и понятным. Родился в 1931 году в подмосковном Подольске. Был необычайно даровитым человеком: физик-теоретик, разработчик оригинальной концепции кибернетики, создатель языка Рефал, один из инициаторов международной сетевой инициативы Principia Cibernetica Project (PCP)², актер театра, капитан команды КВН г. Обнинск, один из составителей книги «Физики шутят», активист правозащитного движения, автор самиздата, председатель Советской секции «Международной амнистии». Автор до сих пор злободневной пьесы «Защита диссертации», написанной и поставленной в Обнинске в начале 60-х годов. Это далеко неполный перечень его занятий. В 1968 году он написал в журнал «Коммунист» статью «Инерция

¹ Менее решительные решаются думать и писать (как знахари, заговаривающие ужас) о решительности или нерешительности других, решившись писать и в том искать спасение.

² Сайт проекта <http://pespmc1.vub.ac.be/>

страха», в которой научно обосновывал необходимость эволюционного (градуалистского в его терминологии) перехода от тоталитаризма к свободному обществу¹. При этом важным условием демократического развития он считал преодоление инерции страха, созданной кровавыми сталинскими репрессиями. Страх сковывает творческие силы общества. Статья, по понятным причинам, не была опубликована, а В. Ф. Турчин стал предметом активного внимания органов госбезопасности. Но не только госбезопасность не оценила прогрессивного значения книги, но и советское общество.

О своей жизненной позиции он писал: «У меня нет иллюзий: мой конфликт не только, и, пожалуй, даже не столько, конфликт с властями, сколько конфликт с обществом. Это не конфликт интересов и не конфликт взглядов. Я хочу примерно того же и смотрю на вещи примерно так же, как люди круга к которому принадлежу. Это — конфликт ценностей. Именно система, иерархия ценностей: что мы считаем более, а что менее важным — определяет, в конечном счете, наши поступки; от нее зависит, оказываемся ли мы с большинством или попадаем в отщепенцы, диссиденты... Все новое бывает сначала в меньшинстве. В конце концов, и доказательство теоремы зарождается в одной голове, прежде чем стать признанным фактом. Для меня диссидентство — часть моей жизненной задачи, как и моя научная работа»². Как мне представляется, эта «часть жизненной позиции» создает принципиально важный для понимания хода рассуждений Турчина смысловой рефрен не только в его публицистических произведениях, но и научных.

В. Ф. Турчин не был сторонником многопартийности и надеялся на возможность реформы страны через обновленный курс Партии. Несмотря на личное свободомыслие, в политическом смысле он разделял предрассудки эпохи, к которым относил понимание истины как единственно возможной. Поскольку «других» истин быть не может, то существование других партий тоже излишне. Совершенно неслучайно, что публикация книги «Инерция страха» в США вызвала весьма обидные для него обвинения в том, что сталинский тоталитаризм Турчин критикует с позиций обновленного

¹ Эти идеи были развиты в книге «Инерция страха. Социализм и тоталитаризм», распространявшаяся в СССР в самиздате. См. Второе издание Нью-Йорк: «Хроника», 1978, 295 с. <http://www.ihst.ru/projects/sohist/papers/turchin/content.htm>

² Турчин В.Ф. Семь лет спустя// Инерция страха. Социализм и тоталитаризм. Второе издание Нью-Йорк: «Хроника», 1978, 295 с. <http://www.ihst.ru/projects/sohist/papers/turchin/content.htm>

кибернетического тоталитаризма¹.

Он был и оставался в определенном смысле советским человеком, впитавшим в себя взгляд на мир, характерный для той, уже ушедшей и непонятной новым поколениям эпохи. Он не просто мечтал, но теоретически обосновывал обновленную идею социализма: «Я определяю социализм как явление культуры, а не экономики. Для классификации общественных строев, мне кажется, надо рассматривать тот механизм, на основании которого происходит интеграция людей в единое целое, в общество. Я различаю следующие три формации.

1. Рабство — интеграция происходит путем физического принуждения.

2. Капитализм — интеграция происходит вследствие экономического принуждения: необходимо эффективно работать.

3. Социализм — интеграция происходит на уровне культуры, то есть, на уровне духа и сознания людей.

Что же касается конкретно существующего в СССР «социализма», то это просто комбинация рабства, в первую очередь, и государственного капитализма. Социализма у нас гораздо меньше, чем в любой западной европейской стране»². Однако в советской (как и современной российской) политической идеологии стабильность понималась и до сих пор понимается в «мавзолейном» варианте, с точки зрения которого любые изменения несут опасность. В 1970 году он вместе с Андреем Сахаровым и Роем Медведевым написал открытое письмо руководителям партии и правительства о необходимости демократизации страны как условия экономического и культурного развития. В 1978 году органы госбезопасности буквально заставили Турчина уехать из СССР под угрозой тюремного заключения.

Свой основной научный и философский труд «Феномен науки. Кибернетический подход к эволюции» В.Ф. Турчин закончил в 1970 году по договору с издательством «Советская Россия». Несмотря на положительные рецензии и практически готовую верстку издания,

¹ «Несколько лет назад для меня стало полной неожиданностью, что достаточно большое количество рецензенты моей книги сочли мои взгляды, не соответствующими плюралистической демократии... Меня представляли как диссидента, который, как Солженицын перед ним, пытается оправдать новый мировой порядок как тоталитарный» — Turchin V.F. A Dialogue on Metasystem Transition. The City Colledge of New York. July 12, 1999. P. 57. &pespmc1.vub.ac.be/Papers/Turchin/dialog.pdf. Если взять чисто научный аспект концепции В.Ф. Турчина (как это делают идеологи «Россия-2045) и исключить имманентную для его мысли позицию свободного творчества (художника), то обвинения в тоталитаризме не кажутся голословными. Но это уже не будет соответствовать сложной, нетривиальной позиции В.Ф. Турчина.

² Цит. по: Муратов Алексей. Диссидент: <http://www.hro.org/node/7935>

она не была опубликована по идеологическим и политическим соображениям. Собственно говоря, никаких антимарксистских идей или, тем более, антисоветской критики в книге не было. Просто Турчин, разработав системный кибернетический подход к интерпретации глобальной эволюции, включающий интерпретацию и биологической эволюции, и эволюции социальных систем, полностью проигнорировал марксистско-ленинскую теорию общественного развития, претендовавшую на статус «единственно истинной» научной методологии. Книга распространялась в самиздате и была опубликована лишь в 1993 в Нью-Йорке.

После изгнания из СССР В.Ф. Турчин продолжил работу в США, где выступил с Клиффом Джослином (Cliff Joslyn) инициатором и разработчиком проекта РСР. Джослин вспоминает: «В 1987 году Турчин начал сотрудничество с Джослиным — специалистом в области теории систем и инженером-программистом. Джослин предложил семантическую сетевую структуру, использующую гипертекст, электронную почту и возможности технологий электронных публикаций, в качестве стратегии для реализации идей Турчина по кооперативной (коллективной) разработке философской системы»¹. Они образовали редколлективу электронных изданий Principia Cybernetica Project — РСР (группу супервизеров), совместно подготовили «Кибернетический манифест» (1990) как идеологию проекта. В нем была сформулирована кибернетическая версия трансгуманизма — идея кибернетического бессмертия. В 1990 году к ним присоединился бельгийский физик, специалист в области когнитивных наук и общей теории систем Френсис Хейлиген (Francis Heylighen), который независимо от Турчина развивал весьма сходные философские идеи, предполагающие особую роль кибернетики в интеграции научного знания на основании общей теории систем и эволюционного подхода.

РСР был один из первых и наиболее технологически разработанных Интернет проектов, ставшим образцом для огромного числа аналогичных начинаний. «В проекте Principia Cybernetica — пишет Турчин — мы подошли к философии с позиции стандартов и методов науки. Мы постарались определить и объяснить такие основополагающие вещи как «смысл», «понимание», «знание», «истина», «объект», «процесс» и др.»².

¹ Cliff, J. General Notes about the Principia Cybernetica. Project and Related-Initiatives // Workbook of the 1st Principia Cybernetica. Workshop edited by Francis Heylighen. Free University of Brussels. <http://pespmc1.vub.ac.be/Papers/Workbook.html>

² Там же.

Проект назван по аналогии с проектом Principia Mathematica Уайтхеда — Рассела, который пытался свести к определенному единообразию многоголосицу языков и концепций математики. Аналогично, РСР пытается разработать универсальный язык и универсальное мировоззрение для стремительно дифференцирующейся науки на основе кибернетического варианта общей теории систем. Реализуется РСР через сетевое взаимодействие географически децентрализованной исследовательской группы, которая включает небольшое ядро «супервизоров» проекта и открытый круг исследователей, подключающихся в меру своей заинтересованности для обсуждения и разработки конкретных идей¹. Умер В. Ф. Турчин в Нью-Йорке в 2010 году².

Творчество В. Ф. Турчина сочетало высокий артистизм и научную строгость. Поэтому, его идеи невозможно свести к готовым теоретическим построениям, четко изложенным в его произведениях. Несколько схематизируя, можно сказать, что тексты Турчина говорят значительно больше, чем утверждает им в строгих научных понятиях. Со времен Платона мышление человека опознается как беззвучная беседа души с самой собой. В этом смысле можно сказать, что спор логики и художественной интуиции, идей системной социальной интеграции и личной свободы составляет нерв, движущую силу научных и философских построений Турчина. Художественное мировосприятие позволяло ему выходить за рамки конкретно научных построений, интуитивно улавливать то, что невыразимо на языке науки. Голос художника в научном сообществе, по крайней мере в рамках позитивистского³ самопонимания научности, является голосом инакомыслящего — диссидента. В этом смысле диссидентство составляло не только образ жизни, но и образ мысли В. Ф. Турчина.

Он мечтал перекрыть судьбу, подняв знамя «кибернетического бессмертия», путем научно-обоснованного преобразования человека из естественного факта, разделяющего рок всех смертных, в бессмертный кибернетический артефакт.... Но рок человеческий его настиг. Жизнь вспыхнула ярким смыслом неповторимого творческого события и погасла, унося в бездну небытия...

¹ Heylighen F., Joslyn C., and Turchin V. A Short Introduction to the Principia Cybernetica Project // Journal of ideas V.2, N. 1 .26, January 1991. P. 26 - 29.

² Климов А.В. О работах Турчина по кибернетике и информатике http://www.computer-museum.ru/histussr/turchin_sorucom_2011.htm; Алексей Муратов Диссидент <http://www.hro.org/node/7935>.

³ В.Ф. Турчин характеризовал свою философскую позицию как позитивистскую, а научную позицию — как кибернетическую, эволюционно градуалистскую.

Когда перечитываешь произведения В.Ф. Турчина, то раскрывается столь любимая им театральная сцена, на которой спорят о жизни и смерти и... не могут друг-друга переубедить два действующих лица одного исполнителя трагической роли живого человека — Художник и Ученый...

Попробую расслышать эти голоса, образующие гетерогенную семантическую ткань его текстов... Но сначала два необходимых отступления.

Первое отступление Антропологические смыслы научного иммортализма

Я использую термин “научный” в том широком смысле, который предположен в организационной структуре пока еще существующей Российской Академии Наук. И физик, и физиолог, и философ, и филолог и др. — все ученые, занимающиеся особыми “науками”. Условно различив науки на естественные, социальные и гуманитарные — мы получим основания для различных вариантов иммортализма — естественно-научного, социологического и гуманитарного. Поскольку акт различения выделяет в сущем основание (смысл) и противопоставляет его несущественным аспектам существования, то вопрос о бессмертии может быть понят двупланово — в физическом (как относительно “бесконечное” дление) и в метафизическом смысле как спасение сущего в его сущности. Однако всегда, предпосылкой его решения выступает явное или неявное понимание человеческого в человеке — антропологического смысла.

Понимание социологического (по Марксу)¹ и гуманитарного² смысла бессмертия мной обсуждено в ранее вышедших публикациях. Здесь остановлюсь лишь на естественнонаучном варианте иммортализма.

В естественнонаучном иммортализме полезно различать три варианта, которые можно обозначить как физический, метафизический и метафизико-физический иммортализм. Вариантом последнего, как я полагаю, является кибернетическое бессмертие. Первый вариант бессмертия представляет идею возможности неограниченно долгой жизни конкретных людей (Иванова, Сидорова, Рабиновича и т.д.) со всеми их страстями, страданиями и желаниями.

¹ Тищенко П.Д. На гранях жизни и смерти. Философские основания биоэтики. СПб.: МП. 2011. 331 с. <http://rutracker.org/forum/viewtopic.php?t=3885831>

² Тищенко П.Д. Смерть: событие и смысл // Событие и смысл. М. ИФ РАН, 1999. С. 203–257. http://platonanet.org.ua/load/knigi_po_filosofii/sinergetika/sobytie_i_cmysl_sinergeticheskij_opyt_jazyka_sbornik_if_ran/55-1-0-379

Этот вариант вписывается как предельный случай в контекст стратегии биотехнологического совершенствования жизни (enhancement). По сути физическое бессмертие это качественно улучшенная, биологическая (естественная) в своем основании жизнь без ее заключительного этапа — смерти.

Метафизическая идея бессмертия предполагает трансцендирование по ту сторону жизни. Сверх-естественное существование. В этом смысле, бессмертие означает бытие вне становления жизни. Оно совершается путем метафизического преобразования в момент смерти (Memento Mori), путем осуществления в существе человека его сущности — спасения. Душа человека, обретшая бессмертие, пребывает в потустороннем мире. Причем этот потусторонний мир на протяжении веков опознается как мир по истине в отличие от мира по мнению посюстороннего существования. Спасение осуществляется как возвращение души в лоно ее истины. Ее бытие — блаженное пребывание в своей сущности, которое во времени следует за существованием, а онтологически — предшествует ему, является его началом. Поскольку к сущности сущего относится активность, то блаженство может мыслиться деятельно. В мифологии архаичных сообществ духи предков активно вмешиваются в жизнь еще живущих. Христианская душа созерцает Бога, душу правоверного мусульманина убажуют гурии и т.п.

Третий тип я назвал метафизико-физическим. Он сочетает черты первых двух разновидностей. От физического типа бессмертия он заимствует установку на посюстороннее достижение бессмертного существования в этом реальном физическом мире. От метафизического — представление о необходимости преобразования человеческого существа из живого состояния, подверженного страданиям и смерти, к состоянию бес-смертному — принципиально не-живому. Одним из вариантов метафизико-физического иммортализма является идея кибернетического бессмертия, предполагающая «пересадку» сознания человека с недолговечных и ненадежных биологических «носителей» на значительно более долговечные и легко заменимые в случае повреждений физические (например, кремниевые) «носители». Другим вариантом метафизико-физического иммортализма является воплощение сознания писателя (или другого творца) в художественном произведении в качестве «голоса» автора. Пушкин умер, но его «голос» («муза») продолжает звучать в головах миллионов читателей¹.

¹ Тищенко П.Д. Голос, рождающийся на кончике пера: философско-антропологическое размышление о природе интеллигенции // АРХЭ. Труды культурологического семинара. Выпуск 6. М. 2011, С. 58–93.

В этом смысле, идея компьютерного бессмертия, несмотря на свою внешнюю суперсовременность, нисколько не покидает колею вековой традиции. По сути, кибернетическое бессмертие означает не продление жизни, а спасение кибернетически трактуемой сущности человека (его интеллекта, тождественного искусственному интеллекту) путем «пересадки» из живого смертного тела на безжизненные долговечные «носители». Мир кибернетически действующих машин — это любопытный, с точки зрения антропологии, вариант «посюсторонне — потустороннего» бытия (мира по истине в мире по мнению). Кибернетическое существование — это радикально иная небиологическая «жизнь». И так же, как спасенная христианская душа блаженствует, созерцая Господа, так и спасенный человеческий интеллект на кибернетически организованных носителях будет вечно «блаженствовать», к примеру, получая удовольствия от доказательства математических теорем¹.

Второе отступление Гипостазирование

Специфика идеи кибернетического бессмертия в том, что в качестве «метафизики» выступает натурфилософски истолкованная доктрина кибернетики. Я называю натурфилософским истолкованием кибернетики необоснованный переход (гипостазирование) от конкретных моделей (в том числе моделей общей теории систем), релевантных лишь в рамках, установленных исходными допущениями, к суждениям о мире в целом, использующим не данное в опыте «понятие всей реальности» (И. Кант).

Первым шагом гипостазирования, лежащего в основе идеи кибернетического бессмертия, выступает переход от звучащего правдоподобно суждения о том, что любой объект можно представить как кибернетическую систему к суждению о том, что любой объект есть, по сути («в конечном счете»), кибернетическая система. Подобного рода логическая ошибка осуществляется неосознанно как само собой разумеющееся утверждение. В «Кибернетическом манифесте», помещенном в качестве приложения к книге «Феномен науки», мы читаем: «Успехи науки позволяют поднять знамя кибернетического бессмертия. Человеческое существо есть, в конечном счете, кибернетическая система — определенная форма организации материи, которая включает многоуровневую иерархию управления. То, что мы называем нашей душой или сознанием, ассоциируется

¹ Назаретян А. П. Мировоззренческая перспектива планетарной цивилизации // Глобальное будущее 2045. Конвергентные технологии (НБИКС) и трансгуманистическая эволюция. М. 2013. С. 39.

с высшим уровнем в этой иерархии. Наша организация постоянно переживает частичную смену материала, в котором она выполнена. Не видно причин, по которым эта смена не могла бы идти сколь угодно далеко, включая переход к совершенно новым материалам и к принципиально неограниченному времени существования (курсив мой — П.Т.)»¹.

Операция гипостазирования, обозначаемая словосочетанием в «конечном счете», характерна для любого теоретизирования. Достаточно вспомнить, что К. Маркс, чей «Коммунистический манифест» послужил прообразом «Кибернетического манифеста», развивал политэкономия, предполагая, что труд человека есть «в конечном счете» труд промышленного рабочего. Это позволяло ему, постоянно ссылаясь на революционизирующую роль науки и предпринимательской инициативы, не замечать ученых и бизнесменов как «трудящихся», без труда которых труд пролетариев исторического смысла не имеет. Так и у Турчина, как и у остальных адептов РСР, — человек «в конечном счете» есть кибернетическая система при том, что постоянно рядом с научными (кибернетическими) истолкованиями таких понятий как смысл, воля, свобода, формализация или метасистемный переход контрапунктом в его текстах звучат такие «слова-концепты» как интуиция, неформализуемое содержание, творчество и даже — тайна. Гипостазирующий оборот мысли — «в конечном счете» позволяет отделить существенное от несущественного (позитивное знание от тайны), избавиться от лишних степеней свободы и совершить конкретное действие. Точнее говоря, не просто действие, но построить, как сейчас говорят, — дорожную карту определенной деятельности.

Предполагаемая мной связь гипостазирования и идеи «дорожной карты» неслучайна. Дело в том, что в концепции Турчина между миром самим по себе и миром как представлением, оформленным в кибернетическую модель, лежит процедура «картирования» (mapping). Это принципиально важное обстоятельство будет обсуждено ниже.

Сейчас хотел бы отметить, что Турчин во многом повторяет исторический жест Маркса. Маркс в стихии общественного производства, а Турчин в стихии глобального эволюционного процесса теоретически открывают «сущность» как некоторое инвариантное основание — законы классовой борьбы или метасистемных переходов. Причем каждый из них полагает, что, опираясь в «конечном счете» на понимание сущности, можно стихийный процесс

¹ Турчин В., Джослин К. Кибернетический манифест // Турчин В.Ф. Феномен науки: Кибернетический подход к эволюции. Изд. 2-е М.: ЭТС. 2000. 368 с. <http://www.refal.net/turchin/phenomenon/cybernetic-manifesto.htm-fcm.01>

преобразовать в целесообразную деятельность по строительству нового коммунистического общества или «интеграции» индивидуумов в сверхиндивидуальные системы будущего. «Довольно жить законным данным Адамом и Евой / Клячу истории загоним / Левою! Левою! Левою!». Этот фрагмент известного стихотворения Владимира Маяковского мог бы вполне стать лозунгом или для Маркса, и для Турчина.

Иными словами, в определенном смысле гипостазирование можно рассматривать как ошибку. Однако, это практически полезная ошибка, которая позволяет превратить некоторое сущее тело в предмет манипулятивного преобразования на основе теоретически сконструированной «карты». Единственно, не следует путать карту с реальным ландшафтом. Поэтому, если действуя в реальной ситуации вы ориентируетесь лишь на то, что представлено к качеству существующего на карте, то с неизбежностью будете производить массу «отходов». Скульптор «картирует» камень и отсекает от него все лишнее. Возникает произведение и отход. В отход кибернетического иммортализма отбрасывается жизнь...

Формализующее неформализуемое сознание (диастема)

Спор между ученым и художником в произведениях Турчина проявляется различно и имеет разную степень выраженности. С точки зрения обозначенной выше проблемы гипостазирования, принципиально важно обнаружить этот спор в контексте процедуры «прогрессирующей формализации», т. е. формализации, которая сама становится все более и более формальной и приводит к формированию конкретных кибернетических моделей.

На начальной стадии формализации с необходимостью приходится опираться на интуитивно предполагаемый смысл понятий. Требование определения всех использованных в основном определении терминов заводит в тупик. «Поначалу мы полагаемся на интуитивное понимание простых концептов. Далее, опираясь на интуитивное понимание, мы выводим более формальный и точный смысл, который оказывается более сложным (complex)... Этот новый смысл не замещает исходное понимание, но выступает дополнением к нему»¹. Турчин приводит пример прогрессирующей формализации физического концепта «линейка», которая начинается с интуитивно ясных представлений в классической физике и достигает строго формализованного толкования в квантовой механике. При этом

¹ Turchin V.F. A Dialogue on Metasystem Transition. The City Colledge of New York. July 12, 1999. [pespmc1.vub.ac.be/Papers/Turchin/dialog.pdf](http://www.vub.ac.be/Papers/Turchin/dialog.pdf).

достигнутая формализация концепта «линейка» в квантовой механике, по принципу дополнительности, удерживает интуитивный смысл классических представлений.

По Турчину прогрессирующая формализация образует ряд дефиниций, в котором процесс начинается с интуитивно предположенного смысла эксплананса (А), который используется в определении смысла экспланандума (Б). Но как только Б определен, то рекурсивно получает уточнение смысл самого А, который становится А¹. В свою очередь, смысл А¹ уточняет смысл Б, делая его более точным — Б¹, а тот, в свою очередь, создает уточнение для А¹, делая его А² и т. д. Смысл формируется двойным движением мысли — прокурсивно (эксплананс определяет экспланандум) и рекурсивно — определенный экспланансом экспланандум уточняет и расширяет семантическое содержание самого эксплананса¹. Если мы, к примеру, определим человека как кибернетическую систему, то получим не только конкретизацию понятия человек через концепт кибернетической системы, но и противотоком семантика интуитивно-го понимания концепта «человек» рекурсивно внесет интуитивно-предполагаемое антропоморфное содержание в концепт «кибернетической машины», предуготовив последующее узнавание в ней таких атрибутов как воля, интеллект и т.д. Подобного рода рекурсивный семантический перенос от эксплананда к экспланансу часто остается незамечен, что затрудняет выявление эффектов гипоста-зирования. Таким образом, определение концепта «человек» через концепт «кибернетическая машина» приводит к неосознаваемой антропоморфизации последнего. Поэтому, в текстах Турчина и его коллег эти концепты часто фигурируют как синонимы или, иногда, располагаются в родо-видовой иерархии так, что «кибернетическая система» оказывается родовым понятием для понятий человек и живой организм.

Возможность сохранения и использования смысла на различных стадиях формализации обеспечена предположением, что «существуют различные уровни формализации по сути одного и того же (*same*) концепта и мы позволяем им сосуществовать (курсив мой — П.Т.)²». В данной точке рассуждений Турчина следует приостановиться. Дело в том, что утверждение, что на разных уровнях формализации мы имеем дело с «по сути одним» концептом имеет важное следствие. Если мы предполагаем, что выраженный в естественном языке интуитивно схваченный смысл концепта

¹ Научный дискурс оформлен ритмом поступательно-возвратных, прокурсивно-дискурсивных семантических переносов.

² Там же.

тождественен формализованному, то, как только формализация будет завершена на рефлексивной стадии (формализация формализована) надобность в интуитивных смыслах отпадает. Благоразумное сохранение интуитивного смысла на различных стадиях формализации, помогавшее разворачиванию и обогащению содержания, становится излишним в виду тавтологичности формализованного смысла. В этот момент голос художника, который звучал в интуитивно целостном представлении мира, затухает. Далее никакого смыслового сосуществования нет. Звучит только голос ученого, который неотличим от голоса машины. Более того, в том отношении, в котором машина не понимает человеческое знание, оно, в «конечном счете», рассматривается как ненаучное. Турчин пишет: «Я подошел точке, с которой востребовано более формальное определение формального. Некоторое утверждение или язык формальные, если их использование зависит только от формы лингвистических объектов, но не от их интуитивного значения (курсив мой — П.Т.)»¹.

Зафиксированный Турчиным момент формализации процедуры прогрессирующей формализации конституирует условия возможности био-кибернетического «метемпсихоза» (*реинкарнации*)². В самом деле, интуитивное художественное содержание представляет собой неотчуждаемое от конкретного человеческого существа «личностное знание» (М. Полани). «Пересадить» его на кибернетический носитель не представляется возможным именно постольку, поскольку оно воплощено в культурно оформленном теле человека (его носителе). В отличие от информации, интегрально представленное человеческое знание принципиально зависимо от носителя. Поэтому, с тем, чтобы создать возможность био-кибернетического метемпсихоза нужно довести процесс прогрессирующей формализации до полного исчерпания универсализируемого содержания, а оставшееся субъективно нагруженное интуитивное содержание отбросить в отход. Упоминавшееся выше допущение, согласно которому смысл концепта на всех стадиях формализации остается одним и тем же, призвано гарантировать «в конечном счете» сохранность пересаживаемой с биологического «носителя» на кибернетический «носитель» «души» (сознания). Интуитивное содержание необходимо на начальных этапах формализации как некие «строительные леса». Когда формализация достраивается до саморефлексивного «верха» (формализация формализуется), то «леса» можно

¹ Там же.

² Согласно Викисловарю, слово метемпсихоз образовано от греч. μεταψύχωσις, от мета — пере- и ἐμψύχωσις — одушевление, оживление, собственно — переодушевление

и отбросить в «отход». Фигурально говоря, художник с его богатством интуитивного содержания, живущий в живом человеческом теле должен символически умереть с тем, чтобы спасся «настоящий человек» - «ученый», семантическое содержание сознания которого в виде кибернетической модели выразимо формальным языком¹.

Мир. Модель. Система

Возникающая трансформация «субъекта» описывается Турчиным в контексте метода построения кибернетической модели. Моделирование для него не просто один из познавательных приемов — «это разновидность активности кибернетической системы, в частности, человека»,² которая обеспечивает его успешное выживание в изменяющейся среде. «Система, которую мы моделируем назовем «этим миром» (the World), предполагая, что это часть того мира, который мы видим. Система, которая конструирует модель, и которую я именовал как «Мы» или «Я», в третьем лице называется субъектом знания. Модель является подсистемой субъекта знания»³. Это рассуждение нуждается в уточнении. Первый шаг гипостазирования в виде сведения человеческого мира к миру как кибернетической системе совершается по умолчанию. Далее, используется слово «видим», которое включает в себя художественное интуитивно целостное восприятие реальности, которое составляет основу личностного знания в смысле М. Полани. Но эта интуитивная сложность, сложность личностного, не транслируемого через информационный канал машины, знания отсекается последним шагом формализации процедуры формализации. Важно учесть что, поскольку интуитивное содержание относится к личностному знанию, то оно как таковое, предполагается лишь для субъекта первого и второго лица, которые связаны между собой парадоксом шифтерного преобразования. На вопрос: «это ты?» — звучит ответ: «да — это я» и наоборот. Кибернетический метаспсихоз теряет в понимании человеческого в человеке первое и второе лицо, которые по сути можно представить в качестве «системы, которая конструирует модель» только в третьем лице (как герой моделируемой компьютером биографии). Метаспсихоз (пересадка сознания) оборачивается подменой «лица».

¹ Отмечу, что символическая смерть художника по сути играет роль фрейдовского вытеснения. Как будет показано ниже, голос художника, как иррациональная «оговорка» ученого, прорывается из темноты бессознательного, неожиданно дополняя научную речь и, даже, опровергая смысл научной речи.

² Turchin V.F. A Dialogue on Metasystem Transition. The City Colledge of New York. July 12, 1999. pespmc1.vub.ac.be/Papers/Turchin/dialog.pdf

³ Там же.

Третье лицо отчуждено. Его содержание дано как чистая внешность (тело), как поверхность, от которой отсечена подводная (внутренняя) часть айсберга субъекта — его субъективность, предполагаемая в первом и втором лице. Читатель или зритель — это не «он» а «ты» в силу своего соавторского доопределения художественного произведения. Формализуемо лишь третье лицо. Причем субъект в третьем лице видит мир и самого себя глазами машины: «Пусть W_1 будет состоянием мира так как оно отображается первичными органами чувств (primary sense organs) субъекта»¹. Напомню, что «первичные органы чувств» — это внешние рецепторы, которые представляют первичные, объективно регистрируемые качества вещей (Дж. Локк). В идеале — регистрируемые (измеряемые) прибором (машиной). Иными словами, моделирование работает не с миром, представленным в многообразии парадоксальных свойств и отношений интуитивно целостного видения (личностного знания), а с миром, представленным в системе объективно (машинообразно) регистрируемых «первичных качеств». Миром, видимым машиной, т.к. именно этими качествами ограничено «видение» субъекта в третьем лице.

Но именно такого рода машинное видение от «третьего лица» понимается Турчиным как научное. Это видение Турчин сравнивает с видением инопланетянина, для которого человек — это объект. «Что такое научное познание действительности? Ответить на этот вопрос с научной же точки зрения — значит взглянуть на человечество как бы со стороны, из космического пространства. Тогда люди предстанут в виде определенного рода материальных образований, совершающих определенные действия, в частности произносящих какие-то слова и пишущих какие-то знаки»². Наверно, более точно сравнить это видение с видением «марсохода», который воспринимает лишь то, что объективно регистрируют его датчики. Последние никогда не обнаружат «жизнь». Они способны зарегистрировать присутствие лишь некоторых субстанций, которые интерпретатор на Земле, распознает как «след» жизни постольку, поскольку появление этой субстанции в конкретных марсианских условиях естественным (физико-химическим) путем невозможно.

Но даже «отфильтрованные» в процедурах объективной регистрации первичные качества не образуют системы мира, так как она представляется в модели. Презентированное богатство объективно

¹ Turchin V.F. A Dialogue on Metasystem Transition. The City Colledge of New York. July 12, 1999. pespmc1.vub.ac.be/Papers/Turchin/dialog.pdf

² Турчин В.Ф. Введение // Турчин В.Ф. Феномен науки: Кибернетический подход к эволюции. Изд. 2-е. М.: ЭТС. 2000. С.368 <http://www.refal.net/turchin/phenomenon/cybernetic-manifesto.htm> - fcm.01

данного содержания системы мира, потенциально возможное для видения «первичными органами чувств», должно быть ре-презентировано в конечном наборе репрезентаций. «Пусть R_1 будет репрезентацией состояния W_1 . Этим предполагается существование процедуры M (mapping) картирования которая производит R_1 , тогда, когда дан $W_1: M(W_1) = R_1$ »¹. Картирование — это процедура устанавливающая связь между объективным «изображением» (результатом машинного видения) и его схемой (моделью), или картой. Очень важно, что картирование совершает и обратный перевод — от модели к миру (W_1). «Предположим далее, что субъект предпринимает действие a . В результате состояние W_1 изменяется на состояние W_2 (к действиям кибернетической системы относится и бездействие: просто ожидание в течении какого-то периода времени). Для того, чтобы быть моделью система должна быть способна осуществить процедуру, которую мы назовем F_a ». Схематично Турчин представляет это так:

$$\begin{array}{ccc} R_1 & \rightarrow (F_a) & R_2 \dots \text{мир как система} \\ M \downarrow & & \uparrow M \\ W_1 & \rightarrow (a) & W_2 \dots \text{модель} \end{array}$$

F_a «в модели воспроизводит (mimics) эффект действия a системы так, что $F_a(R_1) = M(W_2)$. Поэтому, применяя F_a к R_1 , система может предсказать, в определенной степени, развитие событий, если она предпримет действие a . Это позволит ей предпринять действие, которое поможет выжить. Моделирование – мощный инструмент выживание, возникший в процессе эволюции»².

Введя концепт модели, Турчин уточняет свое понимание процесса формализации: «Мой следующий шаг заключается в том, чтобы сделать дефиницию формального более формальной. Формальны те перцепции и действия, которые регистрируются (registered) и осуществляются одинаково всеми членами сообщество, которые используют данный язык. Назовем такие перцепции и действия универсально определенными. Поэтому язык можно считать формальным, если процессы его использования, включая функции репрезентации $R(w)$ и моделирования (картирования) $M(r)$ выражены в универсально определенных терминах перцепций и действий»³.

Однако, достигнув высшей стадии формализации формализации, Турчин, *вдруг оговаривается голосом художника*: «Однако, понятие «универсального определения» самого не может быть определено.

¹ Turchin V.F. A Dialogue on Metasystem Transition. The City Colledge of New York. July 12, 1999. pespmc1.vub.ac.be/Papers/Turchin/dialog.pdf

² Там же.

³ Там же.

Различие между формальным и неформальным всегда остается неформальным»¹. *В формально определенной кибернетической системе обнаруживается трещина неформализуемого содержания — диастема*².

Подчеркну, что неформализуемое содержание относится не к какому-то случайному субъективному остатку, с которым не жалко и расстаться, а к смыслу основной процедуры в построении кибернетических моделей — формализации. Если не упустить из виду, что формализация — это одна из важнейших *функций сознания*, то можно сказать, что согласно Турчину³, сознание в плане этой наиважнейшей функции неформализуемо, т. е. *может быть* односторонне представлено в виде кибернетической модели (кибернетической системы), но не *есть* кибернетическая модель (система). Система доопределяется диастемой — разрывом. Сознание *больше* любой кибернетической модели постольку, поскольку включает в себя *творческий акт создания самой этой модели, который мы приписываем себе в первом лице*. Но если формализующее сознание неформализуемо, то кибернетическое «бессмертие» пока достанется лишь его (сознания) модели, которая не сможет совершить процедуру формализации...

Я сказал, что Турчин «оговаривается», отметив неформализуемость процедуры формализации, поскольку в последующих рассуждениях он об этой оговорке попросту забывает, хотя настораживающие оговорки иногда появляются. Он пишет: «Мы обычно предполагается, что универсально определенные перцепции и действия могут быть отнесены к машине. Вопрос остается открытым, является ли это предположение реалистичным (отрезвляющий обертон голоса художника — П.Т.). Мы принимаем его с оговоркой, что если есть сомнения в конкретной абстракции или действии, то они должны быть исключены из набора универсально определенных характеристик. *Подобным образом определенный формальный язык, является языком годным к использованию правильно сконструированной машиной*. Машина такого рода становится объективной моделью реальности, независимой от человеческого мозга, который ее создал. Наука как деятельность представляет собой конструирование таких машин»⁴.

¹ Turchin V. F. A Dialogue on Metasystem Transition. The City Colledge of New York. July 12, 1999. pespmc1.vub.ac.be/Papers/Turchin/dialog.pdf

² Концепт «диастема» как антоним к концепту «система» мной описан в статье: Тищенко П. Д. Мир — машина: система и диастема // Биоэтика и гуманитарная экспертиза. Вып. 7. М.: ИФРАН. 2013. С. 10-25.

³ Согласно с его голосом художника, но рас-согласованно с его голосом ученого.

⁴ Turchin V. F. A Dialogue on Metasystem Transition. The City Colledge of New York. July 12, 1999. pespmc1.vub.ac.be/Papers/Turchin/dialog.pdf

Если человека можно представить в качестве кибернетической машины, то это плохо сконструированная машина. Получается по Фрейду, но наоборот. В хорошо сконструированном человеческом формализованном (машинном) теле, собственно человеческое в человеке — его творческое сознание присутствует как «след», как симптом несовершенства, онтологической «плохости» человеческих машин.

Турчин неслучайно пишет о том, что реализация идеи кибернетического бессмертия возможна в том случае, если сконструированная машина, существуя независимо от создавшего ее мозга, сможет моделировать процедуру формализации. Мне представляется, что по Турчину-художнику, пока это сделать невозможно. Многие функции сознания можно моделировать и имитировать в компьютерных моделях, но, по крайней мере в рамках существующих концептуальных построений, функция сознания, обозначаемая как формализация, остается неформализуемой, т.е. непонятной «хорошо сконструированной» машине.

Повторюсь, неопределенна в силу неформализуемости сама формализация как неформализуемая функция сознания. Только забыв о проблеме творческого конструирования модели, исключив ее как сомнительную, можно смело поднимать «знамя» борьбы за компьютерное бессмертие. При этом, диастемальный разрыв в системных представлениях можно обнаружить не только в трудностях формализации процедур формализации, но и на онтологическом уровне эволюционно-кибернетической теории В. Ф. Турчина.

Смысл и нонсенс метасистемного перехода

Неформализуемость акта создания формальной модели в концепции Турчина коррелятивно связана с сингулярностью метасистемного перехода как «кванта эволюции». Идея метасистемного перехода лежит в основании теоретических построений В. Ф. Турчина. Он пишет о книге «Феномен науки»: «Идейным стержнем книги является понятие о метасистемном переходе, т. е. переходе от кибернетической системы к метасистеме, включающей в себя множество систем типа исходной, организованных и управляемых определенным образом»¹. Кибернетическая система — это исходная идеализация теории, используемая автором по умолчанию. Однако, ее семантического содержания не хватает для разворачивания

¹ Турчин В.Ф. Феномен науки: Кибернетический подход к эволюции. Изд. 2-е М.: ЭТС. 2000. С.368. <http://www.refal.net/turchin/phenomenon/cybernetic-manifesto.htm> — fcm.01

кибернетической теории эволюции и, что не менее важно, — эволюционного истолкования кибернетики. Дело в том, что из общего понятия системы, и даже кибернетической системы, дедуктивно нельзя вывести принцип самоусложнения. Этого нельзя сделать в силу того, что используемое, в качестве опосредования, понятие «отбора», как эволюционного механизма, который заимствует кибернетическая теория для объяснения эффектов усложнения, включает в себя существенную неопределенность и непредсказуемость, а следовательно то, что в современной философии рассматривается в качестве нонсенса (Ж. Делез).

Задним числом, поскольку эволюционное событие уже произошло, мы всегда можем объяснить его, указав на адаптационные преимущества нового вида. Однако, предсказать какой именно возникнет или вымрет вид, когда это произойдет и произойдет ли вообще — невозможно. *Непредсказуемость* — существенная характеристика (атрибут) понятия отбора. С точки зрения кибернетических представлений Турчина, это означает, что мы не обладаем смыслом концепта «отбор». Отбор — это нонсенс, который Турчин — ученый вынужден использовать чисто *интуитивно*, т. е. в диалоге с Турчиным-художником.

Дело в том, что согласно Турчину: «Смысл языкового объекта для меня состоит в способности (*ability*) использовать этот объект в качестве инструмента для создания моделей мира, иными словами, в генерировании предсказаний о процессах в этом мире. Я пришел к этому принципу, предположив, что если что-то и имеет смысл, то оно должно как то способствовать возрастанию нашего знания, которое с кибернетической точки зрения, является моделью реальности»¹.

Причем модельность реальности непосредственно понимается через возможность предсказания — идеализованную имитацию (*mimics*) событий.

Повторю уже процитированный фрагмент. «Для того, чтобы быть моделью система должна быть способна осуществить процедуру, которую мы назовем F_a . Она в модели воспроизводит (*mimics*) эффект действия a системы так, что $F_a(R_1) = M(W_2)$. Поэтому, применяя F_a к R_1 , система может предсказать, в определенной степени, развитие событий, если она предпримет действие a . Это позволит ей предпринять действие, которое поможет выжить. Моделирование — мощный инструмент выживания, возникший в процессе

¹ Турчин В.Ф. Феномен науки: Кибернетический подход к эволюции. Изд. 2-е М.: ЭТС. 2000. С.368. <http://www.refal.net/turchin/phenomenon/cybernetic-manifesto.htm> — fcm.01

эволюции»¹. Однако, моделирование лишь модель жизнедеятельности, а не она сама. Дело в том, что работать кибернетическая модель может лишь с «конечными», предсказуемыми процессами. «Предсказание есть утверждение о том, что некоторый процесс конечен, имея в виду под конечным (finite) то обстоятельство, что процесс результируется в некотором определенном состоянии, которое мы можем представить наперед»².

Однако, наперед мы можем знать лишь то, что уже некоторым образом есть. Например, наперед мы можем знать число степеней свободы интересующей нас системы поскольку мы ее сами задали. Поэтому, с определенной степенью вероятности мы можем предсказать наступление или ненаступление в ней того или иного события. Живое, как кибернетическая система, припоминает свои возможные состояния и на их основе строит поведение. Всевозможные биологические константы образуют своеобразные общие знаменатели различных форм адаптационного поведения, которое кибернетически описывается моделями гомеостаза. *В эволюционных событиях, событиях онтологических инноваций подобного рода предсказания невозможны.*

Мы без труда находим нонсенс в описании метасистемного перехода («кванта эволюции») у Турчина: «На каждом этапе биологическая система имеет подсистему, которая может быть названа высшим управляющим устройством и которая имеет наиболее позднее происхождение и наиболее высокую организацию. Переход на следующий этап происходит путем размножения этих подсистем (путем многократной редупликации) и интеграции их, т. е. объединения в одно целое с образованием (по методу проб и ошибок) системы управления, во главе которой стоит новая подсистема, которая теперь является высшим управляющим устройством нового этапа эволюции. Систему, состоящую из управляющей подсистемы X и управляемых ею многих однородных подсистем A_1, A_2, A_3, \dots мы назовем метасистемой по отношению к системам A_1, A_2, A_3, \dots . Переход с этапа на этап мы назовем, следовательно, *метасистемным переходом*»³. Метасистемный переход, и это Турчин признает, не может рассматриваться как результат взаимодействия «внутренних» факторов. Он возникает лишь в результате действия некоторых «внешних» параметров. Природа этого внешнего действия весьма

¹ Turchin V.F. A Dialogue on Metasystem Transition. The City Colledge of New York. July 12, 1999. pespmc1.vub.ac.be/Papers/Turchin/dialog.pdf

² Там же.

³ Turchin V. F. A Dialogue on Metasystem Transition. The City Colledge of New York. July 12, 1999. pespmc1.vub.ac.be/Papers/Turchin/dialog.pdf

проблематична. Но в любом случае, *мы ничего не можем говорить о предсказуемости этого события, а следовательно о наличии смысла у его теоретического концепта.*

Поэтому, в них нельзя обнаружить «смысл». «Смыслом» эволюционного события (как и акта сознания под названием «формализация») может быть только нонсенс — неформализуемое (несводимое ни к одному из смыслов) начало, являющееся условием возникновения новых непредсказуемых эволюционных смыслов. Квантом эволюции, как и квантом мысли выступает не припоминание, а «фундаментальная встреча» (Ж. Делез) с невозможным, непредсказуемым и немислимым.

Причем это совершенно ясно понимает Турчин-художник. Он заканчивает свой фундаментальный труд «Феномен науки» мудрой фразой: «Мы построили прекрасное и величественное здание науки. Высоко в небо возносятся его ажурные языковые конструкции. Но бросьте взгляд в пространство между опорами, арками, перекрытиями: он уйдет в пустоту. Вглядитесь внимательнее, и там, вдали, в черной глубине, вы увидите чьи-то немигающие зеленые глаза. Это смотрит на вас ТАЙНА¹». В зазорах между мириадами системных представлений науки зияет диастемальная пустота бытия — несхваченного знанием, непредставимого и неконтролируемого...

Ольга Попова «Биотехнологическое конструирование человека: обзор философских концепций»

О пользе знаний, полученных на полпути к компьютерному бессмертию

Если физик говорит об идеальном газе, точке равновесия, инерционном движении или маятнике в виде нерастяжимой нити, неимеющей ширины и веса, но в конечной точке содержащем некоторую массу, то будет опрометчиво упрекать его в логической неточности или указывать на невозможность подобных концептов. Физик умеет достаточно ловко обходиться с невозможным и немислимым для создания в начале теоретических идеализаций, а затем вполне реальных, полезных машин... Собственно говоря, понять мысль физика без учета ее трансмутации через локус невозможного и самопротиворечивого нельзя. В этом ее реальный, неуловимый формализациями смысл. Мысль и есть возможность в основании увидеть есть (бытие) в модальности как если бы, т.е. как предмет схватывания чисто художественной способности разума. Турчин-художник прекрасно описывает «эволюционный смысл» художественного

¹ Турчин В. Ф. Глава 14. Феномен науки // Турчин В.Ф. Феномен науки: Кибернетический подход к эволюции. Изд. 2-е М.: ЭТС. 2000. 368 С. — <http://www.refal.net/turchin/phenomenon/cybernetic-manifesto.htm> - fcm.01

творчества, его насущную необходимость в реальной жизни реальных людей... Правда, Турчин-ученый не оставляет ему места в последующей глобальной эволюции: «Есть решающее различие между наукой и искусством, которое определяет разницу в их влиянии на большие «расстояния» — на Будущее. Язык науки имеет тенденцию быть формализованным, что означает, что его использование может быть понятно машине. Научная модель мира может быть отделена от человеческого разума. Вполне возможно, что умный Марсианин смог бы понять смысл наших математики и физики на основе наших записей и расчетов о механике, скажем, Солнечной системы... Повторяющиеся метасистемные переходы создают взрывной эффект постоянного обновления, практически неограниченного развития...»¹.

В отличие от науки, в искусстве нет прогрессивного развития. Поэтому, оно не имеет того значения для глобальной эволюции, какое имеет наука. Как-бы извиняясь перед голосом художника в себе самом, Турчин пишет: «Я хочу еще раз подчеркнуть, что я ни в коей мере не пытаюсь уменьшить роль искусства. Я только говорю о его влиянии на будущее человечества в соотношении с влиянием науки. В то время как значение новой науки ... постоянно растет, значение нового искусства (буду великодушным) остается постоянным». Искусство не создает ничего нового, поэтому не участвует в творении будущего. «Я не могу ничего с собой поделаться. Только наука формирует будущее, но никакая иная человеческая деятельность. Это простой факт эволюции»². Сначала, Турчин дает кибернетическое истолкование эволюции, выявляет в ней кибернетический смысл. Потом сокрушается, что в этом смысле благодаря корректной градуально осуществленной формализации не осталось ничего ненаучного (принадлежащего искусству). Да как же оно могло остаться если его первым же шагом отсекали, оставив лишь «первичные качества»? Факт, нагруженный теоретическими кибернетическими пред-посылками плохой свидетель в споре науки и искусства о человеческом в человеке...

Полагаю, что условность является необходимостью не только для искусства, но и для науки. Поэтому, идею компьютерного бессмертия можно считать не конституитивной, а регулятивной, т. е. в статусе не «отображения» реальности, а ее творческого моделирования, опирающегося на условность как если бы. Имеющую в условном свое основание. Ее использование для планирования программ разработки компьютерных теоретических и инженерных моделей

человеческой жизне-деятельности может быть весьма и весьма полезным при разработке всевозможных протезов, интерфейсов, обеспечивающих более эффективное взаимодействие со средой, новых информационных систем, которые смогут преобразовать социальную реальность, новых эффективных лекарственных средств и т.д. Причем, продуктивность непосредственно связана с условностью. Гегель, в свое время, обозначил это обстоятельство как «хитрость разума» — основу его могущества.

Но регулятивные идеи опасно подменять их конституитивным истолкованием. Регулятивная идея коммунизма, использованная западными социал-демократами, оказалась весьма полезной для создания современных европейских моделей социального государства. Использование этой идеи российскими марксистами в качестве конституитивной программы Партии обернулось кровью и марзом советского «социализма». К сожалению, у нас вновь путают регулятивные идеи с конституитивными, торопясь раньше всех на планете (как всегда преодолевая историческое научно-техническое отставание) построить счастливое общество, заселенное бессмертными аватарами.

¹ Turchin V. F. A Dialogue on Metasystem Transition... P.54.

² Там же.

Литература

Морен Эдгар. Метод. Природа природы. Перевод с французского Е. Н. Князевой. М.: Канон, 2013.

Назаретян А. П. Мировоззренческая перспектива планетарной цивилизации // Глобальное будущее 2045. Конвергентные технологии (НБИКС) и трансгуманистическая эволюция. М, 2013.

Тищенко П. Д. На гранях жизни и смерти. Философские основания биоэтики. СПб: МIP. 2011. 331 с. <http://rutracker.org/forum/viewtopic.php?t=3885831>

Тищенко П. Д. Смерть: событие и смысл // Событие и смысл. М. ИФ РАН, 1999. С.203–257.

Тищенко П. Д. Мир — машина: система и диастема // Биоэтика и гуманитарная экспертиза. Вып. 7. М.: ИФРАН, 2013. С. 10–25.

Тищенко П.Д. Голос, рождающийся на кончике пера: философско-антропологическое размышление о природе интеллигенции. АРХЭ. Труды культурологического семинара. Выпуск 6. М., 2011, С.58–93.

Турчин В.Ф. Семь лет спустя/ Инерция страха. Социализм и тоталитаризм. Второе издание Нью-Йорк: «Хроника», 1978, С.295. <http://www.ihst.ru/projects/sohist/papers/turchin/content.htm>

Турчин В.Ф. Феномен науки: Кибернетический подход к эволюции. Изд. 2-е. М.: ЭТС. 2000. С.368 <http://www.refal.net/turchin/phenomenon/cybernetic-manifesto.htm> — fcm.01

Joslyn Cliff General Notes about the Principia Cybernetica Project and Related Initiatives // Workbook of the 1st Principia Cybernetica Workshop edited by Francis Heylighen Free University of Brussels. <http://pespmc1.vub.ac.be/Papers/Workbook.html>

Heylighen F., Joslyn C., and Turchin V. A Short Introduction to the Principia Cybernetica Project // Journal of ideas V.2, N.1. 26, January 1991. P. 26–29.

Turchin V.F. A Dialogue on Metasystem Transition. The City College of New York. July 12, 1999. pespmc1.vub.ac.be/Papers/Turchin/dialog.pdf

Человек и машина: интимные связи?¹

Юдин Б. Г.

Human and machine: intimate relationship?

Yudin B. G.

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые из предлагаемых в современной литературе концепций, анализирующих взаимоотношения и взаимодействие человека и машины. В этой связи обсуждаются и более общие проблемы, такие, как многообразные воздействия новейших технологий на человека и его поведение, а также и ставшие нетривиальными проблемы разграничения человека и технологии и, следовательно, человеческой идентичности.

Ключевые слова: человек, машина, технологии, трансгуманизм, биоконсерватизм, постчеловек.

Abstract. Author discusses some of conceptions which are proposed in current literature to understand interrelations and interactions of a human and a machine. More general problems, such as manifold impacts of emerging technologies on human nature and behavior along with far from trivial problems of delineation of a human being and technology, i.e. of human identity, are also posed.

Key words: human, machine, technology, transhumanism, bioconservatism, posthuman.

Дискуссии последних лет вокруг трансгуманизма интересны далеко не только, а скорее всего, даже совсем не, возможностью (или невозможностью) в ходе них решить вопрос, есть ли в трансгуманизме нечто стоящее либо его надо отвергать с порога. На мой взгляд, намного более интересная сторона этих дискуссий — открывающаяся благодаря им перспектива более основательного и многопланового понимания природы человека.

В данной статье я не берусь за обоснование этого тезиса. Свою задачу здесь я считаю намного более узкой — представить некоторые из предложенных в литературе концепций и походов к уяснению того, чем различаются, а в чем пересекаются и даже сливаются воедино человек и машина, либо человек и технология, либо человек и робот. Безусловно, между тремя этими контрапозициями можно обнаружить существенные различия, которые я оставлю в стороне, поскольку меня будет интересовать то общее, что проявляется при обсуждении всех этих тех пар понятий.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, грант № 12-03-00625

В этой связи обращает на себя внимание работа бельгийского исследователя Йони Ван ден Эде.¹ Автор обращается к одному из старейших и традиционных философских вопросов: «Что такое человек?» и отмечает, что в нынешнем «сотканном из технологий» (выражение Дон Ида)² мире этот вопрос часто задают, имея в виду то, какую роль играют или должны играть технологии в нашей жизни. Что такое природа человека в отношении к технологиям? — спрашивает Ван ден Эде и отмечает, что это — интригующий вопрос, особенно в жестко поляризованных дебатах по поводу улучшения человека. Эта проблема захватывает и тех, кто занимается гуманитарными и социальными науками. А еще важнее то, что вопрос становится актуальным и в нашей повседневной жизни, поскольку в нее проникают био-, нано- и информационные технологии.

Попытки предложить так или иначе систематизированное понимание этого вопроса применительно к современным реалиям были предприняты в двух недавно опубликованных книгах, отмечает далее Ван ден Эде. Оба автора, и Тамар Шарон³, и Марк Кокельберг⁴, стремятся подойти к спорам об улучшении человека не изнутри, а как бы со стороны. Это позволяет им выйти за рамки данного спора и разработать последовательные концептуальные рамки, в которых человек и технологии взаимно определяют друг друга. Тем самым становится очевидным, что любая попытка «определить точно», раз и навсегда изначально обречена на неудачу.

Теоретики различных направлений ищут человека в гуще технологических и социальных эволюций, ниспровергающих старые способы определения. Поиски приобретают самые разные формы: критика и переформулировка старых гуманистических понятий и ценностей, искренняя защита их либо амбициозная смесь того и другого. Но во всех случаях, отмечает Ван ден Эде, понятие человеческого существа возникает как нечто, что еще предстоит найти.

В противоположность этому в допостмодернистском мышлении человек уже был найден, хотя вопрос о технологиях требует прояснения. По сути дела, технология часто определялась исходя из некоторой прямолинейной, по большей части механистической модели

¹ Van den Eede, Y. Where Is the Human? Beyond the Enhancement Debate // *Science, Technology & Human Values*. Published online 21 September 2014. DOI: 10.1177/0162243914551284

² Ihde, D. *Technology and the Lifeworld: From Garden to Earth*. Bloomington: Indiana University Press, 1990.

³ Sharon, T. *Human Nature in an Age of Biotechnology: The Case for Mediated Post-humanism*. Dordrecht, the Netherlands: Springer, 2014.

⁴ Coeckelbergh, M. *Human Being @ Risk: Enhancement, Technology, and the Evaluation of Vulnerability Transformations*. Dordrecht, the Netherlands: Springer, 2013.

родового человеческого существа. Э. Капп, к примеру, определяет технологии как «органопроекции».¹ С этой точки зрения технология служит для того, чтобы облегчить человеку действия и достижение целей. Онтологически человек предшествует технологии, которая выступает как средство по отношению к цели. Сегодня, подчеркивает Ван ден Эде, такую позицию называют инструментализмом.

В XX веке предлагались различные трактовки технологии, что в рамках феноменологии и структурализма сопровождалось отказом от наследия Просвещения. Началась дезинтеграция рационального субъекта Нового времени. В то же время и технология перестала рассматриваться как нечто нейтральное, лишь способствующее человеческим целям. Она стала пониматься как особая сила, область или система, оказывающая глубокие воздействия, прежде всего на «наше» бытие. В качестве примеров такого субстантивистского видения в этой связи часто цитируются работы Ж. Эллуля² и М. Хайдеггера³. Технология, по словам Ван ден Эде, при этом онтологизируется, переходит на уровень, который ранее отводился человеческим существам. Угроза, исходящая от техники, становится неизмеримо больше. Человек больше не может быть само собой разумеющимся, он оказывается в оборонительной позиции, переосмысливается как нечто требующее специальной защиты и заботы.

С конца XX века, продолжает Ван ден Эде, начинается новый поворот. Теперь размываются и контуры технологий, а границы между человеком и технологией вообще оказываются неразличимыми и обманчивыми. Философия техники, возникающая в 80-е и 90-е годы, стремится найти средний путь между инструментализмом и субстантивизмом, рассматривая людей и технологии как внутренне взаимосвязанные. При этом в ней возникают различные течения, которые проблематизируют человеческого субъекта и технологический объект до такой степени, что становится осмысленным и необходимым понимать их совместно как нечто единое.

Во многих других, близких к философии техники областях знания происходят сходные сдвиги. Общее в них — это критика антропоцентризма, неявно присутствующего и в инструменталистском, и в субстантивистском анализе. Такая критика характерна, например, для того дискурса о киборгах, который возник после публикации

¹ Kapp, E. *Grundlinien einer Philosophie der Technik*. Dusseldorf, Germany: Stern-Verlag Janssen, 1877.

² Ellul, J. *The Technological Society*. Translated by John Wilkinson. New York: Vintage Books, 1964.

³ Heidegger, M. *The Question Concerning Technology and Other Essays*. Translated by William Lovitt. New York: Harper Perennial, 1977.

Д. Харауэй «Манифеста киборгов»¹. В свою очередь, в социологии науки, как она представлена у Б. Латура² или Э. Пикеринга³, постулируется «симметрия» между людьми и нелюдьми либо их взаимное переплетение. Далее, когнитивная наука в качестве альтернативы картезианской модели мозга предлагает понятие воплощенного и распределенного познания.⁴ Наиболее радикальна в критике антропоцентризма объектно ориентированная онтология: с ее точки зрения, люди — такие же «вещи», как и любые другие объекты.⁵ Сюда же можно отнести и теорию «второго я» Ш. Тэркл⁶, в которой человеческая субъективность понимается как то, в формировании чего участвуют информационные технологии. Во всех этих дисциплинах и направлениях, подчеркивает Ван ден Эде, обнаруживается, что «мы», люди — не автономные, трансцендентальные субъекты, предпочтительно мужского рода, в качестве каковых мы некогда решили себя представлять. Теперь же вместо этого мы должны учиться видеть в себе гибридов, состоящих из плоти, мозга, материалов, машин, информации, ценностей, институтов, отношений и процессов.

Это, впрочем, не значит, будто поиски человека вообще прекратились, свидетельство тому — непрекращающиеся споры вокруг улучшения человека. Смысл дискуссий в этой заключается именно в том, до какой степени люди должны смешиваться с технологиями. Должны ли технологии «только» лечить болезни, как это происходит сейчас? Или нам следует подтолкнуть их дальше, ожидая более радикального вмешательства в человеческую жизнь, т. е. элиминации человеческих «изъянов», вплоть до такого, как смерть? Сторонников такого, наиболее радикального, улучшения человека обычно называют трансгуманистами, среди которых ден Эде называет

¹ Haraway, D. *Simians, Cyborgs, and Women: The Reinvention of Nature*. London, UK: Free Association Books, 1991.

² Latour, B. *Science in Action: How to Follow Scientists and Engineers through Society*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1987.

³ Pickering, A. *The Mangle of Practice: Time, Agency, and Science*. Chicago: University of Chicago Press, 1995.

⁴ Varela, F. J., Thompson, E., and Rosch, E. *The Embodied Mind: Cognitive Science and Human Experience*. Cambridge, MA: MIT Press, 1991.

⁵ Harman, G. *Tool-Being: Heidegger and the Metaphysics of Objects*. Chicago, IL: Open Court, 2002; Bogost, I. *Alien Phenomenology, or What It's Like to Be a Thing*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2012; Morton, T. *The Ecological Thought*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2010.

⁶ Turkle, Sh. *Life on the Screen: Identity in the Age of the Internet*. New York: Simon & Schuster, 1995.; Turkle, Sh. *The Second Self: Computers and the Human Spirit*. Cambridge, MA: MIT Press, 2005.

Х. Моравец¹, Н. Бострома² и Р. Курцвейла³. Они утверждают, что в неотвратимом будущем человеческое существо, каким мы знаем его сегодня, смешавшись с технологиями, уступит место постчеловеку. Те, кто выступает против них, так называемые биоконсерваторы, в их числе — Ф. Фукуяма⁴ и М. Сэндел⁵, отстаивают необходимость сохранения и защиты некоторого человеческого (или гуманистического) ядра. Они не считают постчеловеческое будущее тем, к чему надо стремиться: в человеческом существе помимо всяких технологий остается некоторая внутренняя ценность, которую надо сохранять.

В этой связи чрезвычайно интересно такое наблюдение Ван ден Эде: если перечисленные ранее концепции так или иначе говорят о фундаментально гибридном строении человеческого существа, в котором собственно человеческое каким-то образом переплетено с технологическим, то трансгуманисты, как и биоконсерваторы, продолжают видеть в человеке и в технологическом объекте (в машине) сущности, которые могут быть так или иначе отличены друг от друга, будь они размещены раздельно или сплавлены воедино⁶.

Т. Шарон в своей книге⁷ задается вопросом о том, как такие биотехнологии, как отбор эмбрионов, преимплантационная диагностика, методы клонирования и нейронные импланты, влияют на наше понимание природы человека. Для обсуждения этого вопроса и упорядочения возникших в этой связи различных концепций она обращается к понятию постчеловека, которое использует не как идеологический, а как общий технический термин. Проанализировав некоторые рассуждения, призванные дать определение человеческого существа, она отмечает, что, как сегодня становится ясно, биотехнологии наталкиваются именно на это существо и делают его проблематичным.

Далее Шарон рассматривает четыре типа постгуманистического дискурса: дистопический, либеральный, радикальный и методологический. При этом дистопический постгуманизм она связывает

¹ Moravec, H. *Mind Children: The Future of Robot and Human Intelligence*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1990.

² Bostrom, N. "Transhumanism: The World's Most Dangerous Idea?" <http://www.nickbostrom.com>. 2004; Transhumanism: The World's Most Dangerous Idea? Accessed November 27, 2009. <http://www.nickbostrom.com/papers/dangerous.html>.

³ Kurzweil, R. *The Singularity Is Near: When Humans Transcend Biology*. New York: Viking, 2005.

⁴ Fukuyama, F. *Our Posthuman Future: Consequences of the Biotechnology Revolution*. New York: Picador, 2002.

⁵ Sandel, M. J. *The Case against Perfection: Ethics in the Age of Genetic Engineering*. Cambridge, MA: The Belknap Press of Harvard University Press, 2007.

⁶ Van den Eede, Y. *Op. cit.*, P. 4.

⁷ Sharon, T. *Op. cit.*

с биоконсерватизмом, а либеральный — с трансгуманизмом. Два других типа являются оппозицией как к трансгуманизму, так и к биоконсерватизму. Радикальный постгуманизм объединяет сторонников феминистских исследований, теоретиков культуры, исследователей киборгов и тех, кто занимается изучением науки и технологий (STS). Он назван радикальным, поскольку поддерживает «радикальное переосмысление онтологии человека в свете новейших биотехнологий».¹ Эти подходы часто продолжают линию критики гуманизма, начатую постструктурализмом и постмодернизмом. Сторонники этой позиции отстаивают ту точку зрения, что фундаментальная взаимопереплетенность людей и технологий несет с собой освобождение, поскольку открывает возможности для новых форм участия в политической власти сопротивления модернистско-гуманистическим дисциплинарным матрицам.

Методологический постгуманизм объединяет некоторых сторонников STS и философии техники. Они стремятся к «разработке более совершенных концептуальных средств для изучения науки и технологий в обществе, а не к созданию новой постгуманистической онтологии».² В этом случае в центре внимания оказываются не политические последствия радикально новых онтологий, а то, как те или иные конкретные технологии в конкретных контекстах «опосредуют» наше поведение, опыт, познание и идентичность.

Таким образом, в позиции трансгуманизма всё-таки предполагается, пусть даже неявно, что человек, при всех его слабостях и ограниченностях, есть нечто обладающее самостоятельным существованием. А это является чрезвычайно важным не только в онтологическом и мировоззренческом, но и в методологическом, и аксиологическом смысле. Между тем концепции, исходящие из так или иначе понятого симбиоза человека и машины, лишены такого основания, а потому последовательное их применение требует некоторой предварительной аналитической работы, установления логических и методологических правил оперирования такого рода концептуальными средствами.

Различные аспекты взаимодействия, вплоть до взаимопроникновения, человека и (современной) машины рассматривает голландский исследователь Рини ван Эст.³ Ван Эст работает в Отделе оценки технологий института Ратенау — исследовательского центра, входящего в Королевскую академию искусств и наук Нидерландов

¹ Op. cit., P. 6.

² Ibid.

³ Est R. van, with assistance of Rerimassie V., van Keulen, Dorren G. Intimate technology: The battle for our body and behavior. The Hague, Rathenau Instituut, 2014. 86 p.

и финансируемого главным образом Министерством образования, культуры и науки Нидерландов. Институт Ратенау изучает развитие науки и технологий и то влияние, которое они оказывают на общество и политику. Книга ван Эста и его коллег носит довольно-таки вызывающее название: «Интимные технологии: битва за наши тела и поведение».

В предисловии к книге, написанном директором института Ратенау Яном Стаманом (Jan Staman), отмечается та же самая тенденция, которую отмечает и Ван ден Эде: современные технологии начинают гнездиться между нами, очень близко от нас и даже внутри нас. Мы сами становимся смесью человека и машины, киборгами. Вот примеры: компьютеры эволюционируют от настольных к переносным, далее к смартфонам, а вскорости — и к компьютеру-очкам. Благодаря глубинному анализу данных Гугл быстрее экспертов-медиков определяет наступление пандемии гриппа. А маркетологи при измерении вкусов потребителей больше доверяют технологиям распознавания эмоций, чем тому, что говорят сами потребители. Мы вступаем в новую фазу развития информационного общества, когда информационные технологии становятся интимными по своей природе. Воздействуя на людей непосредственно, на личностном уровне, интимные технологии порождают множество этических и социальных вопросов. Часто они затрагивают фундаментальные права, такие, как право на частную жизнь, на физическую целостность, на безопасную окружающую среду, на собственность, а также свободу мысли и свободу совести. Политические и административные органы ныне стоят перед таким вызовом, как необходимость своевременно разработать моральные и правовые основания, которые позволили бы направить это развитие в правильном направлении.

Мы живем, отмечают авторы в первой главе «Момент интимных технологий», в переломный момент, когда быстро уменьшается расстояние между технологиями и нами самими. Мы впускаем их внутрь себя. Мы помещаем их между нами самими. В результате технологии получают все больше знаний о нас и даже могут действовать совсем как мы, подражая каким-то чертам нашего поведения. Человек и машина обретают способность все больше смешиваться между собой, так что едва ли будет метафорой выражение, что мы становимся все более интимными в отношении технологий. Технологии все в большей мере будут делать нас индивидуальностями, личностями. В книге ван Эста и его соавторов рассматриваются такие фундаментальные вопросы: каким образом интимные технологии влияют на нашу человеческую природу? Будут ли они делать нас ближе к самим себе и друг к другу?

Вторая глава носит название «Технологии внутри нас, между нами, о нас и совсем как мы». Если говорить об имплантах, вживляемых в мозг, или биокультивируемых сердечных клапанах, то эти технологии становятся частями нашего тела, а следовательно, и нашей идентичности. Технологии во все большей мере проникают и между нами, например, в виде средств массовой коммуникации. Они собирают знания о нас: так, умные камеры, направленные на нашу кожу, могут измерять наш пульс, а будучи направлены на лицо женщины, определять, фертильна ли она, даже если сама она не знает этого. Наконец, некоторые технологии ведут себя «прямо как мы»: они обретают человеческие черты, проявляют разумное поведение или бывают похожими на нас своим внешним видом. В целом же технологии становятся все более миниатюрными, все более умными и все более персонализированными.

Мобильный телефон является в этом отношении удачным примером. Тот объем вычислительной мощности, который требовался для доставки человека на Луну в 1969 г., теперь помещается в нашем кармане или футляре. К этому привел целый ряд событий. Так, произошла революция в области материалов. В XIX веке мы могли изучать и производить материалы на микроуровне, теперь же мы можем действовать на уровне в тысячу раз меньше, проектируя объекты наноразмеров. Эта техника способствовала и информационной революции, позволив хранить в цифровой форме большие объемы информации о наших телах и поведении, а затем и имитировать и моделировать тело и поведение. С другой стороны, без мощных компьютеров не удалось бы создать машины, способные производить нано- материалы и продукты. Это — характерный пример того явления, которое принято называть конвергенцией технологий. В данном случае нано- и информационные технологии переплетаются в виде направленной вверх спирали.

Наряду с этим обе области стимулируют развитие наук о жизни, причем не только биологии, включая генетику, и медицины, но и когнитивной нейронауки. Современное оборудование, от чипов ДНК до сканов магнито-резонансной томографии, открывает все больше возможностей для изучения тела и мозга и для вмешательства в них. Открытия в области наук о жизни, в свою очередь, становятся основой для строительных достижений, таких, как нейронные сети, ДНК-компьютеры и саморемонтирующиеся материалы. В целом же четыре технологических революции в областях нано-, био-, информационных и когнитивных технологий подстегивают друг друга. Этот динамический квартет, именуемый НБИК-конвергенцией, разгоняет огромную технологическую волну до состояния урагана. И значительную часть этой волны составляют интимные по своей природе технологии.

Некоторые мыслители считают это поворотной точкой не только в наших взаимоотношениях с технологиями, но и в человеческой истории в целом. Вот типичная цитата: «В течение всех предыдущих тысячелетий наши технологии были направлены вовне, на контроль окружающей среды... Ныне, однако, мы в массовом порядке начали направлять технологии вовнутрь себя. Они стали соединяться с нашим мозгом, нашей памятью, нашими метаболическими процессами, нашими личностями, нашим потомством, а может быть, и с нашими душами».¹ Первым шагом в этом направлении можно считать период сразу после Второй мировой войны, когда ученые начали пристально изучать человеческую природу, контролировать ее и подражать ей. В этом участвовали такие дисциплины, как генетика, неврология, фармакология, информационные технологии и искусственный интеллект. Тогда они были в младенческом возрасте, сегодня же занимают главенствующие позиции. НБИК конвергенция есть непосредственное продолжение этой относительно молодой традиции, базирующейся на нынешней технической изобретательности и растущей взаимозависимости между физическими науками (нано- и информационными технологиями) и науками о жизни (био- и когнитивные технологии). Цель же остается той же самой, что и в 40-е годы прошлого столетия: понять человека и его социальный мир, контролировать его и подражать ему. Она лишь стала намного ближе. Переплетение физических наук и наук о жизни находит выражение в двух технологических мегатрендах: «Биология все в большей мере становится технологией», а «технология все больше становится биологией».² Первое означает, что живые системы все чаще изготавливаются человеком. Это — генетически модифицированные быки, клонированные овцы, искусственно выращенные сердечные клапаны или реконструированные бактерии. Речь идет не только о биологических вмешательствах, поскольку используются также вмешательства, базирующиеся на информационных технологиях, например, воздействующие на мозговые процессы. Примером может служить глубокая стимуляция мозга, направленная на ослабление тремора у пациентов с болезнью Паркинсона.

Противоположная тенденция отражается в артефактах, которые становятся все больше похожими на живые объекты или представляются способными вести себя как человек. Так, во Франции есть

¹ Garreau, J. Radical evolution: The promise and peril of enhancing our minds, our bodies — and what it means to be human. New York: Doubleday, 2004.

² Arthur, W.B. The nature of technology: What it is and how it evolves. London: Allen Lane, 2009.

банкоматы, которые распознают голландские банковские карты и показывают пользователю тексты на голландском языке. Другие устройства способны распознавать человеческие эмоции и учитывать их в своем поведении. При изучении человека эти два мегатренда могут преобразоваться в три тенденции. Во-первых, человеческие существа во все большей мере выглядят как машины, которые можно разбирать для проверки и ремонта, а можно подвергать апгрейду или улучшать каким-то иным образом. Во-вторых, машины становятся все более гуманоидными, или, по крайней мере, инженеры стремятся наделить их человеческими чертами, чтобы они становились социальными, эмоциональными, а может быть, даже моральными и любящими творениями. В-третьих, изменяются взаимодействия между людьми, именно вследствие того, что машины все больше проникают в нашу частную и социальную жизнь.

В этой связи возникает вопрос о том, насколько совместимы интимность и технологии. Некоторые авторы считают, что выражение «интимные технологии» внутренне противоречивым: интимность — это человеческое чувство конфиденциальности и внутренней связанности с кем-то, и такое понятие никак не совместимо с понятием технологии, относящимся к безжизненным устройствам, собранным с помощью шурупов и болтов. Но действительно ли это так? Действительно ли мы склонны воспринимать себя как машину, в значительной мере изготовляемую? И можем ли мы видеть в машинах гуманоидов, даже романтических партнеров? От подобных вопросов уже нельзя отмахнуться чистосердечным «нет» или «полная бессмыслица», мы достигли момента, когда приходится искать новые ответы.

Третья глава книги ван Эста и соавторов носит название «Человек как машина». Эту идею развивал Р. Декарт в XVII веке в рамках своего механистического мировоззрения, при этом природа рассматривалась им наподобие зубчатого механизма, не имеющего какой-либо цели или внутреннего смысла. Это открыло возможность поиска чудес, таких, как способы ремонта наших тел. Современник Декарта У. Гарвей обнаружил, что сердце — это насос. Впрочем, после обнаружения этого понадобилось больше трех с половиной веков, чтобы в 1982 г. кардиохирурги смогли поставить человеку искусственное сердце. И даже тогда пациент смог прожить после операции всего 112 дней. Пока что реципиенты с искусственным сердцем могут надеяться продлить свою жизнь лишь на несколько лет.

В свете сегодняшних открытий и их приложений мы все чаще обращаемся к метафоре машины. В таком ракурсе мы рассматриваем мозг, считая его центральным регулятором нашего поведения и эмоций. И на выполнение им этих функций мы можем влиять

извне. Так, М. Киндт, профессор экспериментальной клинической психологии из Амстердама, обнаружила, что своевременно назначаемое лечение антигипертопическими препаратами может помочь пациентам, страдающим от ослабления памяти. Более инвазивный метод — уже упоминавшаяся глубокая стимуляция мозга. Нейронный стимулятор, помещаемый под ключицей, посылает электрические импульсы на электрод, хирургически вживленный в определенный участок мозга. Эта технология уже помогает десяткам тысяч пациентов с болезнью Паркинсона. Есть сведения о том, что она помогает и при депрессии.

Высказывается беспокойство по поводу возможности с помощью электронных устройств на расстоянии влиять на мозг человека. Сценарий Судного дня — это контролируемая на расстоянии робо-крыса. С помощью электродов части мозга крысы связаны с ее усами и контролируются беспроводной связью, заставляя ее двигаться вправо или влево. Для того, чтобы животное подчинялось безусловно, электроды соединяются также с центром удовольствия¹. Что остается человеку, сокрушаются критики, если мы можем изменять его эмоции и настроение простым нажатием кнопки? Они считают, что глубокая стимуляция мозга, обещая сделать нас менее зависимыми от судьбы, вместо этого накрепко привяжет нас к технологии. Впрочем, пока что надежных кнопок счастья еще не существует.

В то время как некоторые чересчур спешат с опасениями относительно этих новшеств, другие не могут дождаться той поры, когда новшества реализуются: каждый, полагают они, вправе контролировать свое тело и мозг с помощью технологий, превзойдя таким образом человеческие ограничения. Они хотят выйти за пределы человеческого существования, и потому их называют трансгуманистами.

Конвергенция НБИК технологий развивается именно в этом направлении. Не только официальная наука вовлечена в трансгуманистические изыскания. Многие люди — их называют биохакерами или grindерами — пытаются воплотить свои замыслы в гаражах, на чердаках и в сараях. Они в буквальном смысле слова хотят проникнуть внутрь своего тела, добиться, чтобы тело могло делать то, что не дано ему природой, выступая в качестве подопытных морских свинок. Они без тени сомнения берутся экспериментировать с транскраниальной стимуляцией постоянным током². А поскольку некоторые потребители хотят улучшить работу своего мозга, находятся предприниматели, которые пользуются этими новыми

¹ Meek, J. Live rats driven by remote control. The Guardian, May 2, 2002.

² Sinicki, A. The biohacking and grinding movement: How to become a transhuman? <http://www.the-biomatrix.net/grinders-biohackers.htm>. 2013.

возможностями для своего бизнеса. Так, компания Fos.us уже выпустила на рынок наушники, которые должны стимулировать деятельность префронтальной части мозга.

Биохаkers стремятся также обрести новые чувства. Один из наиболее известных — это художник-дальтоник Нейл Харбиссон. Он носит на голове прибор, айборг (eyeborg), который воспринимает цвета и преобразует их в звуки. Харбиссон теперь не дальтоник, он чрезвычайно чувствителен к цветам, благодаря айборгу он может воспринимать даже инфракрасный и ультрафиолетовый цвета. Харбиссон считает себя киборгом, смесью человека и машины. В 2010 г. он основал Фонд Киборг для того, чтобы поощрять людей к превращению в киборгов и отстаивать их права.

Такие эксперименты не остаются достоянием одних лишь художников и биохакеров. В течение многих десятилетий культура допинга доминирует в мире велосипедного спорта. Профессиональные игроки в покер глотают модафинил, чтобы сохранять бодрость и не ослаблять внимание. Риталином пользуются не только те, кто страдают синдромом гиперактивности: в Университете Эразма 3% студентов используют его для усиления концентрации, а 5% — как наркотик для вечеринок. Тем не менее в целом большинство голландцев не хотят превращаться в киборгов. Они боятся принуждения и погони за улучшением: будут ли работодатели требовать обязательного употребления таблеток концентрации и сможет ли кто-то остаться в стороне, если коллеги станут принимать такие таблетки?

Четвертая глава — «Машины во взаимодействиях между людьми». Технологии играют все более важную роль в интимных межличностных взаимодействиях. Общение лицом к лицу, без технологических средств — это только один из многих способов, которыми мы совместно социализируемся. Но даже и при таком общении технологии оказывают свое действие на нас, тормозя наши разговоры.

Интернет и социальные сети порождают фундаментальную путаницу относительно ценности и места интимной жизни. Область интимного — это прежде всего то, что связано с телом и с вопросами, которыми мы можем делиться только с людьми, которые традиционно считаются близкими нам: с нашими возлюбленными, ближайшими членами семьи и подлинными друзьями. Эпоха Интернета вытесняет это простое определение «интимного».

Социальные сети и Интернет, хотя они почти невидимы, могут оказывать разрушительное влияние на пространство нашего внимания, нашу социальную интуицию и наше мышление. Некоторые утверждают, что мы становимся поверхностными, поскольку

блуждание в сети позволяет нам извлечь только малое количество информации, тогда как добрая старая книга способствовала бы тому, чтобы мы мыслили в более широких контекстах.¹

Изменяется даже наш способ обретения опыта. Если прежде надо было стоять тихо и фокусировать свое внимание на чем-то, чтобы реально впитать опыт, сегодня мы обретаем опыт, находясь в движении. Люди ищут такие области, которые, подобно Интернету, порождают и предполагают движение.

Еще один пример влияния технологий на интимность взаимоотношений обсуждается в связи с дебатами относительно дронов — беспилотных летательных аппаратов, способных наносить бомбовые удары. Они управляются дистанционно, с расстояний в тысячи миль. Оператор решает вопрос о жизни и смерти, основываясь на образе, который он видит на экране. Такой офисный воин живет в двух мирах: в рабочее время он убивает врагов, а вечером приходит домой, в семью. Риск заключается в том, что вражда кажется менее реальной. Вот слова одного из операторов: «Это похоже на видеоигру. Она, эта игра, кажется немного кровожадной. Но она чертовски холодна».²

Наряду с этим технологии могут применяться для того, чтобы передавать на расстояние чувства и переживание интимности.

Следующая, пятая глава — «Машина как человеческое существо». Авторы отмечают, что машины выступают не только в качестве начинки в бутерброде между двумя людьми; многие из нас уже философски и эмоционально подготовлены к тому, чтобы, как пишет американский социолог науки Ш. Тэркл, «серьезно видеть в них потенциальных друзей, конфидентов и даже романтических партнеров»³. Она считает, что мы стоим на пороге того времени, когда социальная кампания технологических артефактов и их мнение станет нормальной частью нашей жизни. Где бы мы были без советов Rain Radar, точно предсказывающего выпадение осадков, или навигатора GPS? Это — наши цифровые конфиденты. Аппарат Tone Check помогает пользователю контролировать состояние своего здоровья.

Некоторые философы полагают вероятным, что в близком будущем мы будем считать технологические артефакты «значимыми другими». Постепенно технологии станут играть ту же роль,

¹ Carr, N. The shallows: How the internet is changing the way we think, read and remember. London: Atlantic Books, 2010.

² Singer, P. Wired for war: The robotics revolution and conflict in the twenty-first century. New York: The Penguin Press, 2009. P. 308-309.

³ Turkle, S. Alone together: Why we expect more from technology and less from each other. New York: Basic Books, 2011.

как интимно близкие люди и как таковые станут важными для формирования и выражения нашей идентичности. Именно потому, что мы столь интенсивно пользуемся своими портативными устройствами, они, в свою очередь, участвуют в выстраивании нашего профиля. Они становятся зеркалом нас самих; они позволяют нам понять, кто мы есть, или, по крайней мере, воссоздают наш технологический образ.

Создание все новых типов роботов побуждает к серьезному обсуждению вопросов о взаимодействии людей с ними, о тех функциях, которые они будут выполнять в этих взаимодействиях. Так, несколько лет назад на рынке появился секс-робот Roxxy, выполненный в виде женщины ростом 170 см, весом 25 фунтов. Она двигается, у нее есть сердцебиения, она реагирует на прикосновения и может говорить о вещах, которые нравятся ее пользователю. Шахматист Дэвид Леви считает, что к 2050 году станут нормой даже свадьбы между людьми и роботами. Но действительно ли мыслимо такое, чтобы мы передоверили любовь и заботу машинам и что в будущем самые интимные отношения у нас будут с роботами?

В шестой главе — «Поле политической битвы» — авторы книги подводят итог рассмотрения трех мегатрендов в предыдущих главах и отмечают, что их объединение приводит к развертывающейся на наших глазах интимно-технологической революции. Как мы реагируем на нее? Иногда встречаем ее результаты с колебаниями, но чаще пылко принимаем технологии, которые участвуют в формировании нашего тела, нашего мозга и социального окружения. Воспринимая машины все более серьезно, мы все больше ощущаем самих себя как изготавливаемых и впускаем технологии в наше интимное окружение. Мы становимся киборгами, человеко-машинными смесями.

Мы сами оказываемся передовым рубежом науки и главным сырьем информационного общества. Неспроста исследователи Массачусетского технологического института придумали термин «глубинная обработка реальности» (reality mining), а основатель Фейсбука М. Цукерберг в фильме «Социальные сети» обозначил свои амбиции как «раскопки всего социального опыта, который накоплен в колледже, и перевод его в онлайн-состояние». Глубинная обработка с помощью социальных сетей, начатая американскими студентами в 2004 г., ныне охватывает более миллиарда человек во всем мире. Таким образом, наши тела, наш мозг и социальная среда теперь не могут избежать законов науки и рынка.

Подобно тому, как промышленные технологии кардинально изменили нашу естественную среду обитания, интимные технологии радикально изменят саму нашу человеческую природу. Поэтому вопрос о том, что значит быть человеком, становится одной

из центральных моральных и политических проблем этого столетия¹. Жизненно важно уже сейчас начать коллективно рассуждать о том, какого будущего мы хотим и какие элементы мы не хотим потерять.

Главная политическая и моральная проблема — до какой степени люди должны быть свободны в своей самореализации и технологическом улучшении. Эта проблема включает и вопрос обоснования: в какой мере люди будут иметь равный доступ к таким ресурсам?

Надо задуматься, хотим ли мы передать тяжелую задачу социальной и эмоциональной заботы технологиям? Если сделать это в больших масштабах, мы утратим часть нашей человечности. Точно так же, как интимные отношения с другими формируют нас, забота о других помогает нам расти. Действительно ли мы ждем, когда робот или машина станут «значимым другим», нашим другом или партнером? Это навсегда гарантирует нас от семейных ссор, однако будет ли нас устраивать такая жизнь?

¹ Toffler, A. What moral standards we have? USA Today January 7, 2000; Broadbent, S., N. Dewandre, C. Ess, L. Floridi, J.-G. Ganascia, M. Hildebrandt, Y. Laouris, C. Lobet-Maris, S. Oates, U. Pagallo, J. Simon, M. Thorseth & P.-P. Verbeek. The onlife manifesto: Being human in a hyperconnected era. Brussels: European Commission, 2013.

Литература

Arthur, W.B. The nature of technology: What it is and how it evolves. London: Allen Lane, 2009.

Carr, N. The shallows: How the internet is changing the way we think, read and remember. London: Atlantic Books, 2010.

Garreau, J. Radical evolution: The promise and peril of enhancing our minds, our bodies — and what it means to be human. New York: Doubleday, 2004. <http://www.the-biomatrix.net/grinders-biohackers.htm>. 2013.

Meek, J. Live rats driven by remote control. The Guardian, May 2, 2002.

Singer, P. Wired for war: The robotics revolution and conflict in the twenty-first century. New York: The Penguin Press, 2009. P. 308–309.

Sinicki, A. The biohacking and grinding movement: How to become a transhuman? — <http://www.the-biomatrix.net/grinders-biohackers.htm>. 2013.

Turkle, S. Alone together: Why we expect more from technology and less from each other. New York: Basic Books, 2011.

Метаморфозы боли: жалость к себе или трансформация личности. Этика практической психологии

Майленова Ф. Г.

Metamorphosis of mental anguish: self-compassion or an aid for personality transformation. Practical ethics for psychologists

Maylenova F. G.

Абстракт. Человек склонен избегать боли, страдания и стремиться к счастью, и зачастую именно стремление найти понимание, утешение, утоление боли приводит к психотерапевту. Никто не хочет постоянно испытывать боль, но как быть с застарелыми обидами, вросшими столь глубоко и мешающими жить счастливо и гармонично? О роли страдания и боли в становлении личности, о том, как человек собственными силами может как множить свои печали, так и выйти на другой уровень восприятия жизни, когда боль перестает быть проклятием и становится лишь стимулом к личностному росту.

Ключевые слова: боль, страдание, личностный рост, выбор, психотерапия, угрызения совести, трансформация личности.

Abstract. An average person tends to avoid pain and suffering and strives for happiness instead — and often the desire for sympathy, consolation and comfort brings him to a psychotherapist. Nobody wants to suffer constantly, but what are we supposed to do with those old harsh insults engraved so deeply inside that prevent us from living in harmony? This article is about the role of suffering and pain in personal development and how one can choose between intensifying the devastating sadness or moving to another level, where psychological pain is used for personal development.

Keywords: mental anguish, pain, suffering, personal development, life choice, psychotherapy, guilty conscience, personality transformation.

Душевная боль глазами психотерапевта

Психотерапия имеет дело с болью — в этом она близка к целительству и врачеванию, хотя избавление от эмоциональной боли не всегда является самоцелью. Угрызения совести человека, совершившего подлый поступок и осознавшего это, несомненно болезненны, однако нужно ли в таких случаях спешить на помощь? А боль от предательства или утраты близкого существа? Возможно, иногда полезно не избавляться как можно скорее от боли, а напротив, прожить ее, отстрадать, дать себе необходимое время — не случайно

у всех народов мира предусмотрены ритуалы прощания, горевания, траура — пустота после ухода другого человека не может затянуться мгновенно, и современный человек, свободный, казалось бы, от древних традиционных ритуалов, нередко не знает, как достойно прожить неизбежный период боли.

Отношение человека к душевной и физической боли различно. К физической боли легче отнестись как к объекту, не идентифицируя себя с ней. Если, к примеру, у кого-то болят зубы, ноют суставы или «трещит» голова — это воспринимается именно как всего-навсего боль, которую можно ослабить, вылечить или терпеть, зачастую от нее можно отвлечься, и думать о ней как о чем-то отдельном от человека. А боль эмоциональная, так называемая «зубная боль в сердце» это — уже совершенно другое дело, такая боль способна заслонить собой весь мир! Если же говорить о серьезных болезнях, которые также зачастую сопровождается болями, то особняком стоят психические болезни, так как душевнобольной — это уже не вполне человек, тут затронута личность, образ «Я». Так что человек склонен идентифицировать себя со своей душевной болью, страданиями и, если не может с ними справиться, полагает, что он не справляется не только с болью, но со своей жизнью в целом.

Различно в нашей культуре и отношение к боли физической и душевной: если первую принято однозначно воспринимать как нечто мешающее, от чего надо избавляться, лечить как можно быстрее, то ко второй отношение более сложное, так как тут мы вступаем в пространство нравственных ценностей. В определенных ситуациях человек выбирает страдание, так как это соответствует каким-то его высшим принципам. Например, как уже упоминалось выше, существует целый ряд событий в жизни человека, переживая которые как бы «положено» страдать: при несчастной любви, смерти или разлуке, предательстве и т.п. — хотя все эти события разными людьми могут переживаться по-разному, существует определенная культурная норма, как к ним следует относиться. Поэтому восприятие человека, который не страдает (точнее не показывает этого) в подобных ситуациях, неоднозначно: окружающие воспринимают его либо как холодного и бесчувственного, либо как невероятно выдержанного и мужественного, хотя, возможно, он как раз сильно страдает, но не умеет (или не хочет) показывать это так, как принято.

«Существует очень много людей, которые ни разу в жизни не испытали счастья. Но нет таких, кто бы ни разу не страдал» — отмечает Э. Фромм. — «И как бы люди ни пытались вытеснить из сознания свои переживания, вряд ли удастся найти человека, который бы прожил жизнь без страданий. Поэтому сочувствие нераздельно связано с любовью к человеку. Где нет любви, там не может быть сопере-

живания. Противоположность сопереживанию — равнодушие...»¹. Первый шаг при острой эмоциональной боли — это прежде всего признание ее существования. Для многих это является серьезным шагом, так как большинство страданий (особенно хронических) настолько загнаны вглубь, что уже почти не осознаются как таковые самим человеком. Обычно за агрессией, хронической усталостью, безволием, апатией, невозможностью наладить гармоничные эмоциональные взаимоотношения с противоположным полом скрываются давние страхи, страдания и порой безысходное отчаяние, что становится очевидным лишь при глубокой психологической работе. Человеку кажется, что у него все в порядке, только нет радости, настроения и жизненных сил, а подлинная боль, лежащая в основе всего, оказывается вытесненной. Так что человек живет, как под анестезией, не чувствуя не только боли, но и радости, не замечая, что он жив лишь частично. Однако подобное означает, что важные сигналы, которые ему посылает его бессознательное, оказались не услышанными.

Роль боли и страдания в становлении личности

Любая боль — это способ, каким образом наш организм требует внимания, указывает на какое-то неблагополучие, боль, дискомфорт — это язык, с помощью которого наше бессознательное общается с сознанием. Так как те процессы, которые протекают в организме, не контролируются сознанием, здоровый организм не беспокоит своего «хозяина» до тех пор, пока он может справляться посредством своих внутренних ресурсов. Однако как только дисбаланс в той или иной части организма становится чрезмерным, звучит сигнал тревоги, который может сначала проявиться в виде легкого недомогания, усталости, какой-то смутной тревоги, едва заметных болей и т. п. Если же реакции со стороны целого организма не последовало и, соответственно, меры по улучшению не были приняты, сигнал звучит «громче» — уже через боль, не откликнуться на которую невозможно. Чаще всего, откликаясь на этот сигнал и устраняя источник боли, человек предохраняет свой организм от повреждения и гибели. Например, головные боли при перегревании или недостаточном количестве воздуха или из-за переутомления сигнализируют о том, что дальнейшее пребывание в столь неподходящих для жизни условиях опасно. В таких случаях боль «не отпускает» до тех пор, пока человек не устранит дискомфорт, прислушавшись к своему телу: выйдет на свежий воздух, уйдет из шумного или загазованного

¹ Фромм Э. Психоанализ и этика. М.: Республика, 1993. С.387.

помещения, перестанет общаться с неприятными для себя людьми, отправится спать и т. д. К сожалению, не всегда можно легко узнать причину боли, особенно касательно так называемых психосоматических болей (к таковым относятся боли при дыхании, в желудке, головные боли, возникающие как бы на пустом месте и имеющие под собой не столько физиологические, сколько психологические причины). Тем не менее в большинстве случаев благодаря современным достижениям в медицине и просто здравому смыслу нам все-таки удастся хотя бы приблизительно узнавать причину боли и устранять ее.

Так что механизм боли, выработанный эволюцией для живых существ, работает на их выживание: если бы не было боли, человек просто физически не выжил бы в мире, полном смертельной опасности на каждом шагу. Маленький ребенок, познавая мир, постоянно сталкивается с болью, и часто процесс познания как таковой бывает сопряжен с ней — он падает, учась ходить, обжигается, трогая горячую воду или огонь, может неоднократно уколоться или порезаться, познавая свойства незнакомых предметов; причем ему, как правило, мало услышать от старших, что ему будет больно — он должен все испытать и во всем удостовериться сам. И лишь спустя время, приобретая опыт собственных ошибок, ребенок научается осторожности.

Все, что было сказано о боли физической, правомерно и относительно боли душевной: страдания духа также могут означать не просто боль, которую надо или терпеть, или стремиться как-то избежать, а еще и некую информацию, только эта информация заключается уже о том, что что-то неблагополучно в области эмоций, духа, и необходимо обратить внимание на какие-то проблемы. Так же, как и физическая боль, душевная боль может нести позитивные функции. Во-первых, ее появление не случайно и не бессмысленно, а имеет какую-то определенную причину, указывающую на какое-то неблагополучие, во-вторых, именно благодаря боли, дискомфорту и происходит развитие личности и душевный рост, так как стремление избавиться от боли — это очень сильный стимул к изменениям. Можно даже сказать, что на данном этапе развития человечества боль необходима, так как современный человек так мало уделяет внимание своему здоровью (физическому, психическому и нравственному) и столь плохо понимает самого себя, что у природы не остается другого способа обратить его внимание на себя самого и заставить его душу трудиться. Другого способа, чтобы человек выжил не просто как физическое тело, но и как личность, наконец, как вид, природа пока что не знает. «Стремиться к боли и возводить ее в добродетель — это одно, понимать боль и использовать этот

естественный сигнал — это другое» — пишет Ф. Перлз. — «О чем сигнализирует боль? Прошу внимания! Прекрати то, что ты делаешь! Я — возникающий гештальт. Что-то ошибочно! Внимание!!! Мне больно»¹.

Именно поэтому в пространстве боли, страдания можно и следует искать возможность изменений и возрождения. После душевных потрясений человек может полностью разочароваться в жизни и в людях, а может стать сильнее, найти в себе какие-то неведомые ранее способности, так что роль душевных страданий в нашей жизни весьма неоднозначна. Та жизненная энергия, которая уходила на переживание боли и различные способы защиты от нее, при правильном распределении сил может стать источником силы, с помощью которой возможно настоящее возрождение. Случаи такого внезапного прорыва в результате какой-то жизненной катастрофы неоднократно описывались в литературе — как художественной, так и философской и психологической.

В период становления личности также необходимо испытать весь диапазон чувств, начиная от бурной радости, окрыляющего счастья до леденящего ужаса и бездонного отчаяния. Некоторые исследователи считают, что не следует защищать маленьких детей от «грубой реальности» — от конфликта в семье, от знания о гибели домашнего животного, ибо это лишает их практики обращения со страданием². Если ребенок растет как бы под стеклянным колпаком, оберегаемый родителями от всех житейских бурь, впоследствии он, став взрослым, может оказаться совершенно беспомощными перед жизненными испытаниями — у него нет навыка проживания боли, он знает только удовольствие или скуку... Правда, чрезмерная нагрузка маленького человека негативными эмоциями также может навредить, надломив его, сделав невротиком, неспособным любить себя и радоваться жизни. В книге известного швейцарского психотерапевта Плиса Миллера «Драма одаренного ребенка»³ описывается жизнь детей через призму их восприятия. Непонимание и злоупотребление родительской властью может нанести ребенку травму, которую не заметят ни родители (для них это может быть обычной житейской ситуацией), ни даже сам ребенок, потому что он еще не способен критически оценивать своих родителей. Причем речь в книге идет о самых обычных семьях, где о детях заботятся и никто их специально

¹ Фредерик С. Перлз. Внутри и вне помойного ведра. СПб.: Петербург — XXI век, 1995. С.190.

² Пауль М. и Дж. Как сохранить твою любовь. М.: МИРТ, 1994. С.269.

³ Миллер П. Драма одаренного ребенка и поиск собственного Я / Пер. с нем. М.: Академический Проект, 2001. 144 с.

О наслаждении болью и жалости к себе

не обижает — просто взрослые часто не в состоянии понять, что чувствует ребенок, какая безысходность может овладевать им в ситуации полной зависимости, и какова сила детских эмоций по самым, как может показаться взрослому человеку, незначительным поводам. Один относительный плюс подобного «трудного детства» — ребенок вырастает чувствительным к чужой боли и более способным к сопереживанию по сравнению с детьми, на чью долю не выпало столько переживаний.

Однако сделать вывод о том, что же происходило с психикой маленького ребенка в его детстве, и как все случившееся повлияло на его характер, внутренний мир можно, лишь проведя тщательный профессиональный анализ. Но сегодня все читающие люди знакомы с психоанализом, точнее, его упрощенным пересказом, предлагаемым публике в популярных журналах, и потому знают, что в сегодняшних их психологических проблемах виноваты родители, которые их не понимали в раннем детстве. Справедливости ради стоит отметить, что доля истины, и немалая, есть в этом суждении, и детские травмы (в том числе во вполне благополучных семьях) на самом деле скорее правило, нежели исключение. С одной существенной поправкой — такие сложные ранние травмы, если таковые на самом деле имели место, как правило, вытесняются, и взрослый человек не может помнить о них по ряду психологических причин. Диагностировать же, какая именно травма в раннем детстве произошла и как она повлияла на психологическое состояние, а главное — как она продолжает влиять теперь на уже взрослого человека, зачастую можно только косвенно, по специфическим личностным нарушениям, увидеть которые способен лишь специалист. Стоит ли повторять, что тот «народный психоанализ», которому модно стало подвергать себя и близких, читая популярные статьи о психологии в журналах, весьма далек от настоящего психоанализа, являющегося наукой тонкой, сложной и требующей многолетнего изучения. Тем не менее популяризация психологических знаний привела к тому, что каждый может поставить самому себе (а заодно всем своим родным и знакомым) диагноз, что может лишь усугубить проблемную ситуацию. Тем более такие широкие обобщения смешивают в одну кучу людей по-настоящему проблемных, с личностными нарушениями и тех, кто добровольно ставит себя в позицию жертвы, жалеет себя и выдумывает для этого наукообразные причины.

Как же отличить человека, который на самом деле попал в беду, от того, кто «профессионально» жалеет себя? У такого человека всегда найдется причина, чтобы пострадать, помучиться, поплакать. Все силы уходят на страдания и поиск виноватых. И в результате есть оправдание, чтобы ничего не делать и ничего не менять. Жертва живет, мучаясь от своей униженности и в то же время безмерно наслаждаясь и даже гордясь тем, что кладет себя на алтарь во имя высоких целей: родины, любви, родителей, детей и прочего. У нее, как уже говорилось выше, было трудное детство, мучительное отрочество, далее исковерканная юность — здесь нередко вторгаются общественно-политические мотивы: негативное влияние социального строя, отсутствие свободы (или наоборот переизбыток ее, отсутствие порядка), невозможность доступа к благам, имеющимся у других людей. А еще были друзья, которые обманывали, любимые, которые предавали и бросали ради других, более красивых и успешных (ну как тут не впасть в депрессию на долгие годы!), в школе и на работе их подвергали гонениям, несправедливо обижали и обносили должностями и наградами. В целом человеческая природа тоже очень виновата — таковы люди, которые замечают и уважают только богатых, красивых, успешных и везучих... Но даже если у человека все есть — и деньги, и здоровье, и красота, он все равно может умудриться найти повод пожаловаться: недавно автору этих строк довелось беседовать с молодым человеком, который горько сетовал на то, что родственники дают ему слишком много денег, поэтому он не работает, ничем не занят, «вынужден» от скуки и безделья выпивать и употреблять наркотики, и все это — причина его тоски и депрессии, а его никто не понимает и не жалеет! В эту четкую, хорошо простроенную картину мира человека, живущего жизнью со знаком «минус», очень трудно бывает втиснуть какое-то сомнение в том, что все могло бы сложиться иначе — нет, все подогнано плотно, кирпичик к кирпичику и жестко сцементировано. Все могло бы сложиться иначе лишь при одном условии — если бы другие люди (родители, школа, страна, общество в целом) были другими, причем не сейчас, а тогда, в прошлом! Ведь очевидно, что сейчас, в это мгновение уже нет той вредной школьной учительницы, да и родители уже давно не имеют той власти, но ведь прошлого нет воротись... Если говорить о психологическом консультировании такого клиента, его запрос мог бы звучать так: сделайте так, чтобы мое прошлое было другим!

Конечно, изменить прошлое, по крайней мере отменить факты, которые уже случились, невозможно. Однако таким людям не менее невозможной представляется идея, что все *может стать* иначе, что цепь неудач можно прервать, но для этого не нужно ждать счастливого случая, выигрыша в лотерею или в казино, встречи с щедрым спонсором и т.п., а как-то изменить собственное видение мира. Увы — нет более уверенного в себе человека, нежели профессиональный неудачник — он знает все о себе и о людях, у него нет иллюзий, он — реалист, он лишь печально улыбнется в ответ на подобные возражения («если вы бы знали *мою* жизнь, вы бы так не говорили!»). Он обладает ни много ни мало — абсолютной истиной, с которой и спорить-то не имеет смысл! И рассказывает он свою историю не для того, чтобы ему мешали наслаждаться его страданиями, поэтому будьте добры, соглашайтесь и либо поплачьте вместе с ним, либо разделите с ним ненависть ко всему миру, столь недружественному, но ни в коем случае не пытайтесь нарушить его картину мира. Слушая подобные исповеди, можно только удивляться, насколько беспомощным и пассивным предстает их герой, он просто-напросто игрушка в руках судьбы или других людей. При этом все подобные истории очень похожи друг на друга, хотя сами авторы, безусловно, считают свои страдания уникальными, более того — порой кажется, что они дорожат ими, и ни за что не променяют их на спокойную «серую» жизнь.

Откуда такое уважительное отношение к страданиям, отчего ореол мученика столь притягателен? Разгадка кроется в убеждении, что страдания — удел глубоких, тонко чувствующих людей, и это с одной стороны подпитывает своеобразную гордость, а с другой — не позволяет двигаться дальше, ведь ничто не сравнится по глубине с трагедией!

О наслаждении страданием и о корнях этого явления говорит Фридрих Ницше: «есть большое, слишком большое наслаждение также и в собственном страдании, в причинении страдания самого себе, и во всех случаях, когда человек склоняется к самоотречению в религиозном смысле или к самоискалечению... или вообще к умерщвлению похоти, к умерщвлению и сокрушению плоти, к пуританским судорогам покаяния, к вивисекции совести, к *sacrificio dell'intelletto* Паскаля, его тайно влечет и толкает вперед собственная жестокость, им движут опасные содрогания жестокости, обращенной против самого себя»¹. Говоря о феномене, который можно назвать стремлением к страданию, упиванием им и самовозвышением

¹ Ницше Ф. По ту сторону добра и зла. Прелюдия к философии будущего // Соч. Т.2. С.350

за счет страдания, Ф. Ницше¹ подводит к теории Морали добровольного страдания, которая возникла постепенно — от приписываемого богам удовольствия созерцать жестокие сцены к представлению, «что добровольное страдание, самоистязание имеет какую-то цену»².

Таким образом, есть страдание обычное, от которого человек стремится избавиться, и страдание, наполненное смыслом, которое он выбирает сам. Страдание для того, чтобы угодить богам — утонченное страдание. Так что вынесение смысла страдания за пределы обыденности придает ему красоту, наделяет целью и возвышает. Более того: с таким страданием уже не хотят расставаться, оно становится достоянием личности. Ницше пишет: «Нравственно страдать и потом услышать, что в страдании такого рода заключается ошибка, — это возмущает. Действительно, большое утешение подтверждает своими страданиями «более глубокий мир правды», чем всякий другой мир; и всякий охотнее согласится страдать и чувствовать себя возвысившимся над действительностью (сознавая свою близость к тому «более глубокому миру»), чем жить без страданий и зато без этого возвышавшего чувства»³.

Можно ли «переписать» личную историю?

Наша жизнь — это история о ней, то, как мы о ней вспоминаем и рассказываем. Однако история прожитая и история рассказанная — это далеко не одно и то же. В процессе рассказывания прожитое видоизменяется, и наше прошлое таким образом постоянно (хотя и незаметно) подвергается изменениям. Эта особенность психики используется в психокоррекции и психотерапии — тягостные воспоминания прошлого, не дающие наслаждаться жизнью сегодня, могут стать не такими травмирующими благодаря психической переработке, которую можно осуществлять с помощью тех или иных психотерапевтических техник. Другими словами, то, что люди делают спонтанно, приукрашивая или драматизируя свою жизнь в своих рассказах о себе, можно делать осознанно, направив эту особенность нашего воображения в нужное русло. И тогда вместо бесконечно повторяющейся истории о неудавшейся жизни и плохих людях, мешающих преуспеть, можно начать рассказывать (и проживать) другую — о жизни, в которой после преодоления трудностей началась светлая полоса и произошли хорошие события.

¹ Утренняя заря, или мысль о моральных предрассудках // Сборник. Пер. с Нем. М: ООО «Попурри», 1998. С. 512.

² Там же. С. 401.

³ Там же. С.411.

В этой связи вспоминается история, рассказанная мальчиком, который не любил купаться в океане, потому что боялся акул. Все возражения, что акулы не приплывают на мелководье, и вообще днем не охотятся, не работали. Его страх подтверждался историей из его жизни, когда он вместе со старшими братьями рыбачил в море и они решили искупаться прямо с лодки, и там, во время купания, видели акулу. Конечно, все очень испугались, быстро поплыли обратно и в жутком страхе взобрались обратно в лодку, акула же проплыла мимо (может, была сыта, а может эти люди ее не интересовали в качестве добычи, так как далеко не все акулы — людоеды). Интересно тут другое — рассказывая про этот случай, мальчик снова и снова подтверждал для себя «правильность» своего страха перед морем и перед акулами. Его оценка описанного случая была однозначна, несмотря на то, что никто не пострадал. Он неустанно повторял, что это плохая история, очень плохая и страшная... А ведь если вдуматься, эта история с одинаковой вероятностью может считаться и очень хорошей — она говорит о том, что даже оказавшись далеко от пляжа, в самой середине океана, встретив акулу, можно остаться живым и здоровым! Так что этому мальчику с его братьями или очень повезло (а значит, бог их любит!), или опасность купания в море не столь абсолютна, как он полагает. В конце концов, вероятность просто утонуть — не только в море, в бассейне, гораздо выше, даже на мелководье, чем быть съеденным акулой, между тем тысячи людей купаются, не отказывают себе в удовольствии... Тем не менее акул боятся все, а, к примеру, заходить в воду пьяным — практически никто... То же самое можно сказать о людях, которые боятся летать на самолетах, но при этом спокойно садятся в машины и маршрутные такси, не особо вникая в абсурдность подобного страха. Увы — корни таких страхов зачастую не вполне осознаются и потому почти не поддаются рациональному контролю.

Таким образом, страх в основном питается убеждением, которое позволяет интерпретировать события окружающей действительности тем или иным образом (случаи панических атак и фобий мы пока что тут не рассматриваем), либо же «рационально обосновывая», а на деле мозг отбирает события таким образом, чтобы они подтверждали убеждение. Между тем можно перенастроить восприятие таким образом, что внимание будет фиксироваться на событиях, подтверждающих обратное, то есть те же самые события будут интерпретироваться и воспринимаются совершенно иначе, со знаком «плюс»... Только работа с убеждениями — это кропотливая, порой нудная и даже не очень приятная работа, поэтому чтобы довести ее до конца, требуется решимость и сила воли. Если человек на самом деле готов к определенным усилиям по преодолению себя, сво-

их привычек и своих убеждений, изменения возможны, и помощь (в том числе психологическая) принесет исцеление.

Однако для этого требуется преодолеть инерцию — в мыслях, в чувствах, в поступках, в жизненных установках и убеждениях, что порой бывает очень непросто, и придется расстаться не только с разочарованиями, болью, страхами и скукой, но и с кучей выигрышей и удобств, которые эта ситуация давала и дает. Новое, неизведанное и потому пугающее еще предстоит освоить и сделать своим, и оно, это новое, тоже может принести боль! А ведь люди уже сжились со своими привычными страданиями, научились рассматривать их чуть не как главную составляющую их личности, и потому они опасаются, расставшись с ними, потерять собственную идентичность.

Таким образом, взрослые, вполне здоровые люди свыкаются со своими ограничениями и со своим образом «Я», страдающим и не способным контролировать свою жизнь. Но самое удивительное даже не в том, что человек годами пестует свои страдания, причиняя боль и неудобства себе и окружающим. Парадокс состоит в том, что когда приходит помощь (а она приходит обязательно, и не обязательно в виде психотерапевта), ее либо «не замечают», либо открыто отвергают как неподходящую или несвоевременную. Самый сложный шаг в работе с психологическими проблемами — не осознание их, как можно было бы предположить, хотя немаловажный шаг в процессе изменений, а решимость распрощаться с болью и построить новый образ «Я» без привычного страдания. Если это не удастся, при избавлении от привычных страданий, заполнявших жизнь до краев, вскоре придет ощущение пустоты и бессмысленности жизни, что порой гораздо сложнее пережить, так как это страдание иного порядка, более глубинное и необъяснимое.

Заключение

Таким образом, самое главное препятствие в преодолении страдания — это глубинное убеждение людей в том, что душевная боль и глубина личности взаимосвязаны. К сожалению, это убеждение представляется многим истинной и здоровой, и мало кто ощущает ее разрушительную силу. А между тем, доведенная до своего логического завершения, она способна лишить счастья и радости жизни людей вполне по натуре своей оптимистичных и жизнелюбивых. Ведь если глубина личности измеряется количеством боли, которую она терпит, действительно и обратное: тот, кто живет легко и весело — человек неглубокий, не очень умный и в целом недостойный не только уважения, но и (внимание!) самоуважения. Перестать чувствовать самого себя Личностью с глубокой душой,

преисполненной скорби оказывается той ценой, которую надо платить за избавление от каждодневной «зубной боли в сердце». Смирению признать себя обычным человеком без демонических страстей, расстаться с упоительным образом бездонной черной пропасти, живущей в собственной душе, признать, что существуют и другие люди, чьи эмоции, возможно, не менее глубокие — это огромный шаг на пути преодоления гипертрофированного, грандиозного «Я». Преодолеть гордыню, упоение болью и чувством собственной исключительности оказывается нелегкой задачей, требующей, с одной стороны, невероятного усилия воли, а с другой — подлинного смирения.

Литература

Миллер П. Драма одаренного ребенка и поиск собственного Я / Пер. с нем. М.: Академический Проект, 2001. 144 с.

Ницше Ф. По ту сторону добра и зла. Прелюдия к философии будущего // Соч. Т.2 . С.350

Пауль М. и Дж. Как сохранить твою любовь. М.: МИРТ, 1994.

Утренняя заря, или мысль о моральных предрассудках // Сборник. Пер. с нем. М.: ООО «Попурри», 1998.

Перлз Фредерик С. Внутри и вне помойного ведра. СПб.: Петербург — XXI век, 1995.

Фромм Э. Психоанализ и этика. М.: Республика, 1993.

Биотехнологическое конструирование человека: обзор философских концепций

Попова О. В.

Biotechnological Human design: an overview of philosophical concepts

Popova O. V.

Аннотация. В статье вводится и раскрывается содержание понятия «биотехнологический конструктивизм». Рассмотрены основные представления о конструировании человека в российской философской мысли (концепции Б. Г.Юдина, П. Д. Тищенко, Д. В. Михеля). Исследован процесс виртуализации телесности в контексте современных тенденций биотехнологического конструирования биологической реальности.

Ключевые слова: биотехнологическое конструирование человека, конструирование человека, улучшение человека, этические проблемы биотехнологического конструирования.

Abstract. The paper introduces and describes the content of the concept of “biotechnological constructivism.” Discussed the main idea of the anthropological design in the Russian philosophical thought (concept of B. G. Yudin, P. D. Tishchenko, D. V. Mihel). Has been investigated the process of virtualization of corporeality in the context of current trends of biotechnological constructing of biological reality.

Keywords: design human biotechnology, design rights, the improvement of human, ethical issues of biotechnology construction.

Прежде чем приступить к исследованию поднятой проблематики, на мой взгляд, следует определить ряд используемых в дальнейшем понятий.

Во-первых, что касается определения понятия «биотехнологии», за основу я возьму определение, данное в докладе Президентского Совета по биоэтике США «За пределами терапии» (2003 г.), где под «биотехнологиями» понимаются процессы и продукты, обладающие потенциалом изменения и контроля феномена жизни в различных ее проявлениях¹.

Близким по содержанию к данному определению является определение, данное в словаре Биотехнологической Промышленной Организации (the Biotechnology Industry Organization — BIO).²

¹ Я опираюсь на определение, данное в докладе Президентского Совета по биоэтике США «За пределами терапии» (2003 г.) — см.: Beyond Therapy. Biotechnology and the Pursuit of Happiness. The President's Council on Bioethics, Washington, 2003. — <https://bioethicsarchive.georgetown.edu/pcbe/reports/beyondtherapy/>

² www.bio.org

Здесь речь идет о биотехнологиях как «использовании биологических процессов для решения проблем или создания полезных продуктов».¹

Отличительной чертой определения, используемого мною, является акцент на процессуальной стороне биотехнологий. Под биотехнологиями, в частности, начинают пониматься процессы, которые исправляют генетические дефекты на основе использования знаний о геномике или процессы, позволяющие улучшить биологические свойства путем использования биотехнологий. К биотехнологиям также относятся продукты, полученные благодаря этим процессам, такие как генетически модифицированные клетки или биомеханические устройства, или ткани, полученные из стволовых клеток, то есть произведенные промышленным путем, обладающие способностью изменить функционирование сознания и тела, полезные агенты². Биотехнологии рассматриваются как «выражение технологического духа, желание и диспозиция рационального понимания, упорядочивания, предсказания и, в конце-концов, ... контроля событий и творений природы»³

Таким образом, содержание биотехнологии шире представления о процессах и продуктах, биотехнологии являются средством, формой усиления человека, улучшения его природы и усовершенствования его качеств. Диапазон применения биотехнологических продуктов и техник необычайно широк. Развитие и пищевой промышленности, и медицины, и многих других сфер жизни сегодня невозможно без активного применения биотехнологий. Меня же преимущественно будет интересовать возможность применения биотехнологий в целях конструирования, дизайна человека.

Сразу же обращаю внимание на особую семантическую сложность понятия конструирования, которая лишь отчасти, очень приблизительно обозначена в современных словарях.

Глагол «конструировать», производным которого является существительное «конструирование» образован от латинского слова *constructio* — построение. Словарные статьи фиксируют такие значения данного глагола, как «составлять, располагать, представлять в той или иной форме»⁴; «организовать (организовывать), учредить

(учреждать)¹; проектировать, строить»²; «разрабатывать конструкцию. Придумывать, изобретать, создавать».³ В английском языке эквивалентом «конструирования человека» выступают, на мой взгляд, понятия «Human Design» и «Human engineering».

В современной философии конструктивизм выделился в особое направление, разросся во множество конкурирующих друг с другом направлений (социального, эпистемологического, радикального и др. видов конструктивизма). В работе Е. Н. Князевой «Эпистемологический конструктивизм»⁴ упоминается тенденция проникновения конструктивистских интенций в футурологические исследования (*futures studies*), важной составляющей которых является интенция на создание желаемого будущего. В этой связи уместно упомянуть об особом направлении современного конструктивизма, которое я условно назову биотехнологическим конструктивизмом. Этим понятием я буду обозначать идеи и концепции, исследующие социальные перспективы конструирования человека и отдельных аспектов его существования средствами биотехнологий. Несомненно, понятие биотехнологического конструирования нуждается в более точном определении, однако пока что остановлюсь на этом рабочем определении.

Понятие «конструирование человека», достаточно прочно обосновавшееся в современной философии, я буду рассматривать сквозь призму концепций российских философов, следуя следующей логике: опираясь на исследования Б. Г. Юдина рассмотрю различные формы конструирования человека и сделаю акцент на исследовании естественного и интенционального конструирования, анализируя концепцию П. Д. Тищенко, рассмотрю диалектическое развитие практик конструирования сквозь призму производных от него понятий (таких, как «реконструирование», «деконструирование», «деструктурирование») и вслед за этим, привлекая к анализу концепцию Д. В. Михеля, в контексте рассмотрения поэтапного процесса развития медицинского знания опишу феномен конструирования биологической реальности и постепенной виртуализации человеческого тела.

¹ Толковый словарь русского языка» (под ред. Д.Н. Ушакова) — <http://ushakovdictionary.ru/>

² Словарь синонимов русского языка. Практический справочник. М.: Русский язык. З. Е. Александрова. 2011. — http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_synonims/251133.

³ Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000. — <http://www.efremova.info/>

⁴ Князева Е.Н. Эпистемологический конструктивизм — <http://iph.ras.ru/page50344579.htm>

Естественное и интенциональное конструирование

Прежде всего, обращу внимание на концепцию Б. Г. Юдина, с легкой подачи которого понятие «конструирование» стало широкоупотребимым в российском интеллектуальном пространстве. Б. Г. Юдин вводит понятие практик конструирования, рассматривая их на примере сравнения традиционных задач образовательной и медицинской деятельности. Б. Г. Юдин отталкивается от присущего любой деятельности измерения нормативности. Так, в отношении медицины речь идет о восстановлении, воссоздании уже бывшего (здоровья), а, например, для сферы образования (воспитания) — о трансформации, изменениях, своего рода конструирование уникального человеческого индивида. То есть индивид становится местом воплощения новаторских проектов, в то время как медицинская деятельность реконструктивна, поскольку она направлена на восстановление человека.

Однако парадокс развития современной медицины состоит в углублении ее ориентации не столько на воссоздание нормы, сколько на проектирование человека¹. Мы имеем дело с такими достижениями современной биомедицины, которые не только лечат человека, но предоставляют возможность изменения антропологической нормы. Например, уникальны случаи, когда созданные с помощью инновационных технологий протезы позволяют бегать или ходить человеку быстрее, чем он мог это сделать на своих прежних среднестатистических ногах или операция на глазах позволяет человеку существенно расширить спектр своего зрения. Таким образом, вектор развития современной медицины направляется не на исцеление человека, а на его преобразование, модификацию его качеств, его улучшение. Усовершенствование способов применения биотехнологий вызывает не только повышение эффективности лечения, но и появление возможности использования их для профилактики заболеваний (например, в случае с генетическими тестами), а затем используется для улучшения человека, то есть усовершенствования отдельных качеств его личности. От простого улучшения человека можно перейти к следующему шагу — его радикальной модификации, то есть созданию «человека с заранее заданными свойствами», формированию условий для появления так называемого дитя проекта (в англ. эквив. — designer baby)².

¹ Юдин Б. Г. Медицина и конструирование человека // Знание. Понимание. Умение. 2008. № 1. С. 13.

² Там же. С. 17.

Этот аспект прекрасно раскрыт Б. Г. Юдиным в статье «Чтоб сказку сделать былью? (Конструирование человека)»¹. Здесь рассматриваются онтологические предпосылки конструирования. Так, конструирование будущей личности ребенка становится возможным благодаря активному проникновению в жизненный мир технологического подхода, то есть технологизации восприятия вещей, людей, мира в целом, которая позволяет при наличии некоторой цели (например, ребенка, обладающего желательными чертами) и необходимого количества ресурсов с помощью профессионалов, обладающих достаточными средствами (например, средствами генетических технологий) добиться ее достижения. При этом сама цель (созданный ребенок) будет восприниматься как произведение, «как некое достаточно произвольно конструируемое и даже реконструируемое существо, порождаемое не столько природой, сколько осуществлением человеческого замысла»².

Технологический подход, как подчеркивает Б. Г. Юдин, тесно связан с использованием очень точных сложных систем диагностики, построенных на основе категоризаций, «позволяющих систематизировать и классифицировать огромное разнообразие человеческих индивидов»³ и соответственно путем технологических манипуляций, основываясь на данных о качествах и свойствах человеческого индивида, создавать продукт (человека) исходя из мозаичного представления, отталкиваясь от посылки, что он является лишь набором отдельных признаков, основываясь на базе данных о качествах и свойствах человеческого индивида. Конструктивизм технологического подхода проявляется в особом масштабе восприятия человека, когда созданность человеческого существа начинает фигурировать на различных уровнях его онтологии. Он оказывается артефактом не только в каждой отдельной черте или целостности биологического организма, но и в личностном плане «каждое человеческое существо воспринимается как в некотором смысле созданное, порожденное, как сконструированное»⁴.

Сконструированность человеческого бытия проявляется и на заре его жизни, когда возникает социальная договоренность (конструкт) относительно наделения живого существа именем человек и перед лицом смерти, когда человек проводит последние минуты своего существования в окружении жизнеподдерживающих аппаратов и может лишиться его по конвенциональной

¹ Юдин Б. Г. Чтоб сказку сделать былью? (Конструирование человека) // Бюллетень сибирской медицины, № 5. 2006.

² Там же. С.17.

³ Там же. С.17.

⁴ Там же. С.17.

договоренности в результате признания его мертвым и их отключения. Таким образом, границы жизни и смерти оказываются сконструированными, интенционально заданными. Б. Г. Юдин называет новый виток конструирования интенциональным конструированием, «конструктивным конструктивизмом» (в отличие от естественных процессов конструирования социальной реальности, исследованных и описанных П. Бергером и Т. Лукманом в рамках западной социологической традиции и Г. П. Щедровицким — в отечественной философии). Так, исследование методологии как проекта, предпринятое Г. П. Щедровицким, по мнению Б. Г. Юдина, является «выражением деятельностной, или проектно-конструкторско-технологической, изменяющей мир установки, точки зрения искусственного, в противовес созерцательной, или объясняющей, или натуралистической установке»¹. Она отражает трансформацию картины мира современного человека: он «все более глубоко погружается в мир искусственного»².

Естественное конструирование реальности (например, в процессе создания систем ценностей и представлений) издревле обеспечивало человеку возможность совместного существования, давало опоры для совершения действий, для совершения морального выбора. Однако процесс естественного конструирования социальных конвенций уступает место радикальному технологическому вмешательству в бытие человека, направлен на такую модификацию его личности, которая окажется выгодна заказчику, будет соответствовать новому идеалу человека или норме успешно функционирующей биомашине. Им может быть, как обычный человек, мечтающий, например, иметь ребенка, соответствующего его ожиданиям или государство, желающее иметь дело только с послушными гражданами, и, следовательно, стимулирующее развитие биомедицинских исследований в сторону производства лекарств, обладающих эффектом подавления психических функций личности и т.д.

¹ Юдин Б. Г. Точка зрения искусственного // Гуманитарные ориентиры научного познания. М.: Издательский дом «Навигатор», 2014. С. 26.

² Там же. С.27.

Диалектика конструирования

П. Д. Тищенко обогащает проблему конструирования человека сложным гибридным понятием — ре-де-кон-струкция¹, под которым скрывается четыре основополагающие тенденции: реконструирование, деконструирование, конструирование, деструктурирование.

И если под «реконструированием» понимается восстановление утраченной формы, реабилитация человека в различных формах его бытия, то в «конструировании» П.Д.Тищенко усматривает «реализацию тенденции к созданию новой формы»². Применительно к антропологическому вопросу речь идет о новых формах природы человека (сущности) и его существования. Речь идет не только о релевантном для моих рассуждений узком биотехнологическом воздействии на человека, но и о широких масштабах биомедицинских воздействий, когда, человека, у которого изначально отсутствует соответствие физической, психической или какой-либо иной норме, создают заново (средствами педагогики, психологии и т. д.). Речь идет о феномене абилитации, в отличие от реабилитации его не восстанавливают, но выстраивают, конструируют, проектируют.

В процессе конструирования порождается новая целостность: «Конструирование преобразует некоторую исходную природу человека с тем, чтобы придать ей новую более современную конкретную форму. В конструировании и продукт, и его нормативный образ появляются одновременно»³.

Тесно связанная с идеей конструирования идея деконструирования подразумевает крайнюю степень конструирования, я бы сказала его, трансгрессию, радикальное проявление его сущности, в результате чего процесс преобразования природы (сущность конструирования) направляется на превращение природы в конструктор, материю, обладающую потенциальностью принять выгодную заказчику форму.

Человек в этой парадигме открыт экспериментированию над собой и своим телом. Он предоставлен конкуренции возможных онтологий, характеризующей мир неизвестного будущего, которое могут достичь предела, когда конструирование и уничтожение перестанут быть антагонистами, а будут неуклонно тяготеть друг к другу. Собственно с этим связана еще одно вводимое П. Д. Тищенко понятие «деструктурирование». Деструктурирование

¹ См.: Тищенко П. Биотехнологические предпосылки сексуальной революции XXI века // Человек. № 6. 2009. С. 21-30. http://www.intelros.ru/intelros/reiting/rejting_09/material_sofiy/5082-biotexnologicheskie-predposylki-seksualnoj-revoljucii-xxi-veka.html

² Там же.

³ Там же.

«обнаруживается в продуцировании отходов — активной среды научно непредставимых и технологически неконтролируемых последствий трех первых тенденций».¹ Процесс деструктурирования порождает мир деструктивных эффектов, о чем принято говорить как о кризисе (экологическом, социальном, глобальном). Экологические проблемы, расширение масштаба антропологических рисков и усиление вероятности проявления глобальных проблем — все это представляет отголоски усиленного вторжения в природу человека и природу в целом. Воронка глобального риска втягивает человека как морального субъекта, как субъекта действия: он, со своим багажом знаний и способностей, оказывается абсолютным профаном перед лицом неизвестного, он «брошен в ситуацию не-возможного»² и оказывается невозможен сам, перестает узнавать себя.

П. Д. Тищенко связывает выделенные им тенденции с 3 темпоральностями: прошлого, настоящего и будущего. Реконструкция отсылает к прошлому, поскольку ориентирована на утраченную норму целостности, конструирование имеет дело с настоящим временем, отвечает на его вызов, в то время как деконструкция направлена на построение мира будущего — мира немислимых форм и невиданных идентичностей, мира, где субъект теряется как субъект действия и становится иным, приобретая одну (а то и несколько) форм техноидентичности (киборга, аватара, информации, рассеянной в глобальной сети и т. д.).

Диалектика конструирования проявляется в переходе от одной тенденции к другой: сначала «биомедицинская инновация получает легитимность за счет выявления реконструктивного основания»,³ затем в ней раскрываются потенции для «возникновения новых форм сущности и существования человека»⁴ и со временем по мере возрастания человеческого могущества возрастает тень неподвижных деструктивных эффектов.

Виртуализация биологической реальности

Выше речь шла о непосредственном (интенциональном) конструировании человека. Однако не менее интересно отразить процесс естественного конструирования представлений о биологической

¹ См.: Тищенко П. Биотехнологические предпосылки сексуальной революции XXI века // *Человек*. № 6. 2009. С. 21-30. http://www.intelros.ru/intelros/reiting/rejting_09/material_sofiy/5082-biotexnologicheskie-predposylki-seksualnoj-revoljucii-xxi-veka.html

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

реальности, в частности, человеческого тела, связанный с развитием биомедицины. В своих рассуждениях я буду опираться на концепцию Д.В. Михеля.

Д. В. Михель отталкивается от понимания биомедицины как особого сформировавшегося на Западе социокультурного конструкта. Она отражает реальность, конструируя ее биологический образ, исторически изменчивый и вариативный на протяжении развития биомедицины. Таким образом, речь о конструировании реальности по аналогии с конструированием социальной реальности, описанной Бергером и Лукманом.

Если концепции конструирования человека, представленные в работах Б. Г. Юдина и П. Д. Тищенко, характеризуют процесс конструирования в контексте биотехнологических манипуляций с человеческим телом (например, путем вторжения в генетические основания телесности или расширения траекторий проведения биотехнологических гендерных «игр»), то у Д. В. Михеля мы имеем дело со своего рода виртуальным конструированием, затрагивающим образы человека, его репрезентации в культурном пространстве, вызванные тенденциями развития биомедицинского знания. Биомедицина является коллективной репрезентацией реальности, сформированной на протяжении длительного времени конструктом, который в свою очередь производит другие конструкты.

Как пишет автор, «Биомедицина не отрицает реальность, но отображает и формирует ее особым образом. Реальность, которая известна врачам и которая благодаря распространению медицинской информации оказывается известной остальным членам общества, является реальностью *биологической*. Медицинское образование в университетах и процесс производства медицинского знания в западных культурах конструирует биологический образ реальности, который предлагается нашему сознанию посредством текстов, образов и других значимых культурных символов»¹.

Локальные биологии (термин Э. Гейнса, который заимствовал Д. В. Михель) конкурируют между собой, акцентируя внимание в своих исследованиях на тех или иных биологических объектах).

Вкратце воспроизведу основные положения схемы Джюсона², которые развивает Д. В. Михель, расширяя ее, включив в нее период современный период, связанный со становлением биомедицины.

¹ Михель Д.В. Биомедицина как культурная система: краткий обзор медико-антропологических представлений // *Гуманитарные ориентиры научного познания*. М.: Издательский дом «Навигатор». 2014. С.236.

² Jewson, N. The Disappearance of the Sickman from Medical Cosmology, 1770–1870 // *International Journal of Epidemiology*. 2009. Vol. 38. № 3. P. 622–633.

Огромное влияние на развитие западной медицинской традиции оказывает Научная революция нового времени. В центре ее внимания (прежде всего благодаря анатомическому театру Везалия) оказалось человеческое тело. На исследовании его физиологии также сконцентрировались Гарвей и Декарт. «Телесные» метафоры, которые витали в воздухе того времени: «фабрика человеческого тела» (Везалий), «совершенная машина», «автомат» (Декарт) стали отражением смены антропологической парадигмы, выражением новой формы понимания биологической реальности. Механическая модель тела становится предметом медицинской теории, однако пока еще не включается в медицинскую практику.

На следующем этапе, связанным с госпитальной революцией XVIII в., то есть медиализацией больниц (лишения их сакральности, статуса богоугодных заведений) как заведений, формируется совершенно определенный стиль мышления, который классически обозначается лаконичной формулировкой «клинический взгляд». «Клинический взгляд превратил пациента, больного, в клиническое тело. Клиническое тело — это результат эпистемологической редукции, трансформирующей «социальное тело» (личность) и «политическое тело» (гражданина или подданного государства) в набор простых и легко фиксируемых признаков-симптомов»¹. Врачи постепенно превращались в носителей особого знания, владеющих особыми методами (аускультацией и перкуссией), позволяющими им видеть не только человеческие тела, но и вглядываться в тело истины. В особенности этот тезис применим для характеристики ситуации, когда при больницах появляются морги, и врачи, основываясь на посмертных вскрытиях, обретают возможность определять причины смерти своих пациентов. Развитие практики вскрытий приводит к появлению нового объекта биологической реальности — патологическим органам и тканям.

Третий этап развития западной медицины прошел под эгидой свершения лабораторной революции (середина XIX в.). При больницах учреждают клинические лаборатории, где проводятся исследования функционирования человеческого тела. Источником информации становятся жидкости человеческого тела, его ткани. Их исследование позволяет моделировать патофизиологические процессы. Информацию начинают получать под пристальным взглядом в микроскоп. «Клиническое тело» пациента становится не так значимо, как результаты анализов, данные тестирования.

¹ Михель Д.В. Биомедицина как культурная система: краткий обзор медико-антропологических представлений // Гуманитарные ориентиры научного познания. М.: Издательский дом «Навигатор», 2014. С.240.

Четвертый этап развития медицины был ознаменован микробной революцией конца XIX в. (благодаря вкладу Роберта Коха и Луи Пастера, раскрывшим роль микроорганизмов в распространении инфекционных заболеваний). Микробная революция способствовала становлению системы бактериологических лабораторий.

И, наконец, биотехнологическая революция, принесла человечеству новые способы воздействия на биологию человека, новый способ конструирования биологической реальности — с помощью биомедицинских технологий. Воздействие на человека стало осуществляться на клеточном, молекулярном, генетическом уровне. Возникает представление о своего рода лабильности человеческой природы: ее модифицируют в различных вариациях, конструируя новые образы биологической реальности. При этом огромную роль в этом играют хранящиеся в биобанках биологические материалы. Как отмечает Д. В. Михель, «Последняя из произошедших медицинских революций превратила биологическую реальность биомедицины в сеть изоциренных дискурсивных и визуальных конструкций, практически непостижимых для неспециалиста»¹.

Ниже я представляю заимствованную у Д.В.Михеля таблицу, позволяющих дать представление об основных этапах развития медицинского знания, каждый из которых представляет свой. Самобытный продукт конструирования биологической реальности.

| Этапы становления биомедицины | Пространства медицинского знания | Объекты биологической реальности |
|---|---|--|
| Научная революция Нового времени (XVI–XVII вв.) | Анатомический театр, кабинет естествознания | Нормальные тела, воспринимаемые как тела-машины |
| Госпитальная революция XVIII в. | Клиническая больница, морт | Клинические тела как системы патологических органов и тканей |

¹ Михель Д. В. Биомедицина как культурная система: краткий обзор медико-антропологических представлений // Гуманитарные ориентиры научного познания. М.: Издательский дом «Навигатор», 2014. С.241.

| | | |
|------------------------------------|--|--|
| Лабораторная революция XIX в. | Клиническая лаборатория | Клинические тела как системы клеток |
| Микробная революция конца XIX в. | Бактериологическая лаборатория | Клинические тела как системы клеток, обладающие иммунитетом, а также микробы. |
| Биотехнологическая революция XX в. | Центры биомедицинских исследований, банки био-материалов | Клинические тела, а также клеточные материалы, био-молекулы, гены, базы, био-базы биологических данных и т. д. |

Схему развития медицинского знания, очерченную N. Jewson (модифицированную Д. В. Михелем) я бы дополнила еще одной строкой, где в графе «Этапы становления биомедицины» оказалась Информационная революция XX–XXI в., в графе «Пространства медицинского знания» — «Медицинские информационные базы данных», в графе «Объекты биологической реальности» — виртуальное, информационное тело. Я не буду очень подробно останавливаться на предлагаемом дополнении к таблице. Это составляет предмет дальнейших исследований. Однако хочу дать краткое обоснование необходимости такого расширения.

Современные научные исследования оказываются не возможными без баз данных. Биобанки, включающие огромное количество образцов биологического материала, все еще имеют дело с частями и фрагментами человеческого тела. За каждым из них стоит донор (слюны, крови и т. д.), от которого отторгается частичка его материи. В то же время информационные базы данных, даже если они расположены, при существующих биобанках, имеют дело не с телесностью как таковой, но с ее информационной репрезентацией, тело, таким образом, виртуализируется. Создание цифровых баз данных стало неотъемлемой частью и одной из главных целей проведения исследований для геномики, биоинформатики, телемедицины и др. областей знания. Базы данных тесно связаны между собой и образуют сеть цифровых репрезентаций человеческих тел. «Индивидуальные идентичности и связанная с ними информация, данные о здоровье и медицинские данные, демографические и криминологические записи, все это и многое другое описывает субъект после смерти.

Мертвое тело тела генетического не ускользает, чтобы быть замененным чистой симуляцией или абстрактной информацией; скорее, генетическое тело учитывается на всех его (молекулярных) поверхностях, через технические практики био-информационной науки, а также связи между телом и генетическим профилем»¹.

Следует также подчеркнуть, что в настоящее время человечество стоит на пороге нового этапа развития медицины — конвергентной революции (на основе НБИКС-конвергенции), результатом которой станет появление гибридных биологических продуктов, например, таких, как, ДНК-чипы, отражающих постепенное проникновение друг друга биологических и информационных граней многомерного мира биотехнологий. Конструирование человека направляется на все большее размытие границ между естественным и искусственным, информационные биомедицинские аватары окружаются новыми формами социальных взаимодействий, бросающих очередной вызов морали и праву.

¹ Thacker, Eugene. Database/Body: Bioinformatics, Biopolitics, and Totally Connected Media Systems. Switch 5:3 — <http://switch.sjsu.edu/web/v5n3/E-1.html>

Литература

Михель Д. В. Биомедицина как культурная система: краткий обзор медико-антропологических представлений // Гуманитарные ориентиры научного познания. М.: Издательский дом «Навигатор», 2014.

Тищенко П. Биотехнологические предпосылки сексуальной революции XXI века // Человек. № 6. 2009.

Юдин Б. Г. Медицина и конструирование человека // Знание. Понимание. Умение. 2008. № 1.

Юдин Б. Г. Точка зрения искусственного // Гуманитарные ориентиры научного познания. М.: Издательский дом «Навигатор», 2014.

Юдин Б. Г. Чтоб сказку сделать былью? (Конструирование человека) // Бюллетень сибирской медицины, № 5. 2006.

Beyond Therapy. Biotechnology and the Pursuit of Happiness. The President's Council on Bioethics, Washington, 2003. P.1. — <https://bioethicsarchive.georgetown.edu/pcbe/reports/beyondtherapy/>

Jewson, N. The Disappearance of the Sickman from Medical Cosmology, 1770–1870 // International Journal of Epidemiology. 2009. Vol. 38. № 3. P. 622–633.

Thacker, Eugene. Database/Body: Bioinformatics, Biopolitics, and Totally Connected Media Systems. Switch 5:3 — <http://switch.sjsu.edu/web/v5n3/E-1.html>

Техника и время

Воронин А. А.

Technique and time

Voronin A. A.

Аннотация. Новый импульс старой дискуссии физиков и лириков дало движение «Россия 2045». Вопрос о редукционизме человеческого к машинному рассмотрен на примере отношений времени и техники. Акцентируется важность гуманитарного подхода к перспективам NBICS технологий.

Ключевые слова — техника, время, человек, объективные условия, субъективный мир человека

Abstract. New impetus to the old debate physicists and poets gave the movement “Russia 2045”. The question of reduction of the human to machine considered by the example of the relationship of time and technology. Emphasizes the importance of the humanitarian approach to the prospects NBICS technologies.

Keywords — machinery, time, people, objective conditions, subjective human world

Бессмертие, обещанное движением P-45, это уничтожение времени — времени человеческой жизни. То есть субъективного времени, в котором доселе проживалась жизнь человека. Объективное время, вплетенное в пространственно-временной континуум, бесконечно долгое (вечность) и бесконечно делимое (миг) — это наши мыслительные конструкции, которые отвечают потребностям некоторого количества теорий — тоже мыслительных конвенций. Для смертного человека, тождественного миру в целом, поскольку он и есть целый мир, эти абстракции служат описанием такого же рода абстракций, из коих составлена теоретическая наука. Когда теоретическая наука сделала предметом человеческую жизнь — в биологическом и социальном смыслах слов, теории стали непосредственно говорить об индивидуальной жизни — абстракции стали относиться к живым, индивидуальным, неповторимым людям. И стало казаться, что абстракции описывают самого человека, а не набор теоретических конструкций, относящихся к человеку. Но эмоциональный, личностный опыт, ценностные компоненты, личные качества, моральные и эстетические структуры принципиально не могут быть предметом теорий. Творчество, страсти, — любовь и ненависть, жадность и щедрость, гнев и сострадание — все, что составляет душу и смысл жизни — не теории, их называли экзистенциалами неспроста. Они создаются и ценятся как раз вопреки общему, абстрактно-

му и теоретически предсказанному. Обещания бессмертия поэтому надо рассматривать как обещания бесконечного (а не бессмертного, так как оппозиция «жизнь — смерть» просто снимается) существования и улучшения тех «объективных основ», которые суть только предпосылки человека. Вот в сознательном замещении одного другим, бытия человека — существованием субстратной основы жизни — и состоит нынешняя форма технократизма. Можно «вырастить эмбрион в пробирке», но нельзя в пробирке вырастить человека.

Бессмертье, вечная жизнь после смерти — достижима (до сего времени, по крайней мере) только в культуре. Труды, достижения, объективации человеческой души, гения, мастерства и т. д. — способны не просто переживать многие поколения людей, но и активно входить в жизнь поколений последующих. Это бессмертие того, что составляет сущность и смысл жизни человека, и для этого вида бессмертия люди придумали специальные формы — социальную память, искусство, города, книги, музыку, театры, и не в последнюю очередь — технику.

Бессмертие, которое видится в программе «2045» — другого свойства. Если конвергенция NBIC технологий доберется до такой степени имитации человека, что упразднит смертность, то заодно будет упразднена и вся система культурной памяти, культурной сути и смысла жизни человека как рода. В человеке существует принципиальная и продуктивная двойственность. Он индивидуален и неповторим, он субъективен, личностно интимен и уникален. Он сам живет своей собственной жизнью, сам ее строит и длит по своему произволу. Он живет в своей «субъективной реальности», как говорит и пишет Д.И. Дубровский. Это одна сторона. Другая — человек живет и в объективной реальности — и в том смысле, что он есть природное существо, подчиненное закономерностям живой природы, и самое главное — в том смысле, что он есть существо идеальное, духовное, культурное. Ему открыт мир идеальных предметов, третий мир по К. Попперу. Человек руководствуется двумя противоположными принципами: один — это рацио, логика и другой — целеполагание, индетерминизм. Это все очень известные вещи, тривиальности, но их надо обозначить, чтобы пояснить исходные пункты аргументации. Дело в том, что снятие одной из сторон оппозиции безвозвратно и навсегда разрушает целостность человека.

Время как учет «переменных» и как завершенность жизненных циклов. Если с этим все согласны, — что маловероятно, — то и противостояние технократизма и гуманизма (условно говоря, просто для краткости этот термин употребляю как оппозицию

технократизму) принимает новые конфигурации. Речь идет уже не о взаимоотношениях техники и человека, а понимании человека как техники, как машины, рядоположенной — то есть тождественной — технической среде, второй природе, искусственному миру — много названий уже есть в классической оппозиции техники и культуры. Если понимать человека как машину — о чем все более и более внятно говорят нам науки, — то как понимать в человеке то, о чем науки не говорят, а говорят философия, искусство, гуманитарная мысль — а если хотите — то и религии?

Техника и временные масштабы человеческого бытия: с самого своего зарождения техника меняла темпоральное бытие — а вместе с ним и сознание человека. Примитивные орудия, дающие выигрыш в силе и вооружающие нашего далекого предка в труде и борьбе, расширяли пространственные и энергетические ареалы использования свойств организма. Палка, дубина, копье, стрела — подчиняли ближайшие пространства. Но одно из самых важных изобретений человека — горшок, емкость для хранения еды — уже позволило перейти от охоты и собирательства к оседлости, то есть управлять временем — от урожая до урожая можно было сохранить продукты, выжить, — но не таскать же за собой сухпак на год! Парус, колесо, очаг, посуда — тоже распространяли господство человека над пространством, но уже с заметной экономией времени. Время стало возможным экономить, перемещаясь в пространстве с помощью колеса и паруса, но также и ускорять или замедлять — правильное хранение продуктов продлевало их годность, циклы хранения урожая стали приближаться к природным циклам земледелия. Колесо сэкономило и силу, и время, плуг и кирка подчинили человеку новые технологии жизни. Субстанции, которые становились предметом технического преобразования — пространство, время, энергия — были человекоразмерны, антропны. Длительность и длина были всегда длительность чего-то определенного, и длиной чего-то определенного, соотнесенного с телом. Потребовалось много веков, чтобы простая операция абстрагирования времени и пространства от человеческих масштабов к системам измерения перевернула отношения человека к этим свойствам — не время стало жить в человеке, а человек во времени.

Когда техника — после преобразования одного вещества в другое — принялась за преобразование энергии, эта зависимость только укрепилась. И время, и пространство стали базовыми элементами измерительных систем, можно было помыслить бесконечное большое и бесконечно малое, оперировать представлениями о кратчайших моментах и вечности. Применительно к человеку, к его организму системы объективного счета времени и пространства

привели к антропометрии в криминалистике и спорту как стремлению к рекордам.

В эпоху преобразования информации как предмета техники произошли кардинальные сдвиги — время стало управляемым, его можно заставить двигаться в новых для человека режимах — сверхбыстрых и очень медленных. Возникли новые возможности управления временем, по крайней мере восприятием времени в визуальных практиках. Но рубежным для отношений техники, человека и времени стали наши дни, когда NBIC технологии сделали абстрактные в указанном выше смысле слова категории времени и пространства языком натуралистического описания человеческого организма. Вот здесь и возникают риски редукции человеческого к натуральному, — а за редукцией и подмены первого вторым. Абстрактное время проецируется на экзистенциальное, заменяет его, отменяет, убивает. А обещали бессмертие!

Наука теперь уже не только объясняет — без обещаний, как это было до конца 20 века. Наука слилась с техникой, технологией и стала вместе с ними обещать дивные выигрыши за счет своих приложений. Больше того, обещания вошли в самую мотивацию науки, поскольку перед наукой ставятся практические задачи. Вот этот синтез науки и технологии изменил классическое разделение труда между объяснением (наука) и обещанием (техника-технология). В эти обещания вплетены средства, используемые в технауче: понятийный, ментальный, инструментальный, теоретический аппарат. И это обещания по поводу тела, организма человека. Как будто он им исчерпывается! То есть конвергенция NBIC технологий применила к нему нечеловеческие (в том самом смысле, в котором человеческое мы противопоставили абстрактному, измеримому, оцифрованному) меры.

Та же тенденция — управления временем — превратилась в овладение временем, но в том самом абстрактном, внечеловеческом смысле слова. Ремонт, улучшение, замена, и в конце концов — полный двойник, но уже сделанный из нестареющего материала, выполненный на другом вещественном «носителе». Редукционизм, сводящий проблему смерти–бессмертия к физическому, телесному бытию, уже выплеснул ребенка вместе с водой из ванны. Вот еще один парадокс — тенденция улучшить человека — здоровая, позитивная, даже сильнее можно сказать — замечательная, в своем безоглядном развитии может быть чревата большими потерями. Собственно, эти потери могут сказываться уже сегодня, если начнет доминировать техническое понимание человека.

Где выход, есть ли он вообще?

Технократизм как антипод гуманизму — привычная, но уже недостоверная схема рассуждений. Противопоставление техники, технологии, с одной стороны, и человека с его экзистенциальными запросами, с другой, не только непродуктивно, но и опасно. Критика техники, так называемая Kulturkritik, отработала очень важные ходы мысли, связанные с дегуманизацией технологизированной жизни, с давлением техники на экзистенцию человека. И она же подвела черту под противопоставление техники и человека, обнаружив глубинные связи, даже сильнее — общность — природы человека и техники.

Это противопоставление игнорирует сущностную черту всей техносферы — ее коммуникативную природу. Техника и технология — это одна из коммуникативных стратегий, созданных руками и мыслью человека не только для выживания, и для развития своей креативной тяги к жизни. Иными словами, техника — это культурный код, используемый и для межличностного, и межнационального, и социального общения. В них — наряду с тягой к господству над природой — прячется также тяга к обустройству совместной жизни людей. Правда, часто эта тяга оборачивается стремлением к господству, и здесь как раз находится место геополитике. Но господство — не сущностный компонент общения, коммуникации. Гораздо глубже лежат такие основания коммуникации, как ценность жизни, солидарность, общность, — коллективизм в каком-то смысле слова. Им на службу стремится поставить человек всю мощь второй природы, или техносферы. Приоритетом творения второй природы не может быть и дальше наращивание средств уничтожения — природы, себе подобных людей, чьей-то злой волей назначенных врагами. Хотя военной технике и принадлежит огромная роль в техническом прогрессе, эта роль уже не так велика, как в прежние исторические эпохи, ее заметно теснят технизация досуга, медицины, НИОКР, транспорта, жилища и т.д.

Усмотрение рисков не может превращаться в противодействие общей тенденции развития технаучи. Другое дело — управление, регулировка, контроль — стратегии избегания катастроф. Если становится понятным, что противопоставление человека и дел рук его, то есть техносреды, — непродуктивно, надо искать варианты их гармонического соединения. Вместо противопоставления надо присмотреться к их единству. Если спрашивать: машина ли человек? Что будет, если машина станет человеком? И т. п. — мы остаемся в пределах противопоставления. А осмыслить единство человека и техники — сложнее. Сегодня малые дети осваивают гаджеты

раньше родного языка, еще не умеют ходить — а уже играют с маминым телефоном. ТЕХНИКУ НЕВОЗМОЖНО ПОНИМАТЬ ВНЕ ЧЕЛОВЕКА, ведь ее так называемое широкое определение — это любой алгоритм действия, в том числе и ментального. Техника речи, техника игры на инструменте, техника мышления... Техника коммуникаций развивается настолько стремительно, что она уже превосходит по нескольким параметрам природные и культурные пределы возможностей человека. Во столько же раз, во сколько экскаватор сильнее лопаты, оптика, радио-сигналы, компьютеры сильнее глаза, уха и памяти. Техника уже давно влилась если не в органическое, то в социальное тело человека.

Вот если присмотреться к этому последнему феномену — как его оценивать, как благо или как зло? Ответ простой. Все зависит от того, во благо или во зло используются колоссальные возможности технической среды. Вот пример. В новые сферы коммуникации, которые порождаются компьютерной техникой, вписано слишком мало человеческой, то есть высокой культуры — она не попадает туда, куда проникают кровавые игрушки — стрелялки, пулялки, насилие и т. п. Низкая, пошлая, агрессивная, глупая игровая среда ничего не скажет ребенку о достоинстве, чести, предупредительности — и родители тоже ничего об этом не слышали. И речь идет не просто о манерах. Дело гораздо серьезнее — дело в ценностях, в стилистике мышления. Вот где проблемы: самая совершенная техносреда воспроизводит самые варварские ценностные, нормативные и экзистенциальные установки. Понятно, что если коммуникации — большой бизнес, то туда идет не хорошее, а выгодное. Так что благо одних оборачивается злом для других.

И если мы видим эту амбивалентность в социальном теле человека, легко себе представить, чем она может обернуться применительно к телу организмическому. Если бессмертием, улучшением, ремонтом будет выгодно торговать, получать барыши и другие социальные преференции, и это все будет в руках таких же безответственных коммерсантов, что и владельцы массмедиа — точно можно сказать, хорошего не жди. Так что делать?

Делать надо все по уму. Деньги — в данном случае — мешающее обстоятельство, то есть интересы барыша и выгоды должны быть надежно блокированы социальными институтами, имеющими четко определенные функции, — а стало быть разработанные цели, а стало быть, под них должна быть подложена надежная знаниевая основа. Речь идет о гуманитарной экспертизе — институционализированной сфере принятия решений по стратегическим проблемам эволюции человечества.

Разумеется, мало перестроить мышление о технике в сторону ее гуманизации, таким образом, чтобы снять ментальную противопоставленность человека и технической среды. Главное дело — гуманизировать саму эту среду за счет вдумчивого и ответственного проектирования, изготовления и эксплуатации техники. Вместо того, чтобы пугать публику бесчеловеческим характером техники, надо видеть, что в нем лишь проступает бесчеловечность самого человека. Наивно винить автомобили в авариях, или в отравлении воздуха, или в пробках на дорогах — ведь ими управляют люди, несущие — нет, не несущие, скорее — игнорирующие, — свою ответственность за машины. Так от кого же исходит опасность? И где гарантии, что проблема просто плавно не сместится с одного фетиша современности на другой, маячащий в тумане завтрашнего дня?

Научное издание

РАБОЧИЕ ТЕТРАДИ ПО БИОЭТИКЕ

Выпуск 18

Под редакцией доктора философских наук Тищенко П. Д.
Верстка Кротовой Г. Г.

Подписано в печать 15.12.2014. Формат 60×84/16. Бумага офсетная.
Печ. л. 9,5. Тираж 300 экз. Изд. № . Заказ №

Издательство Московского гуманитарного университета
111395, Москва, ул. Юности, 5